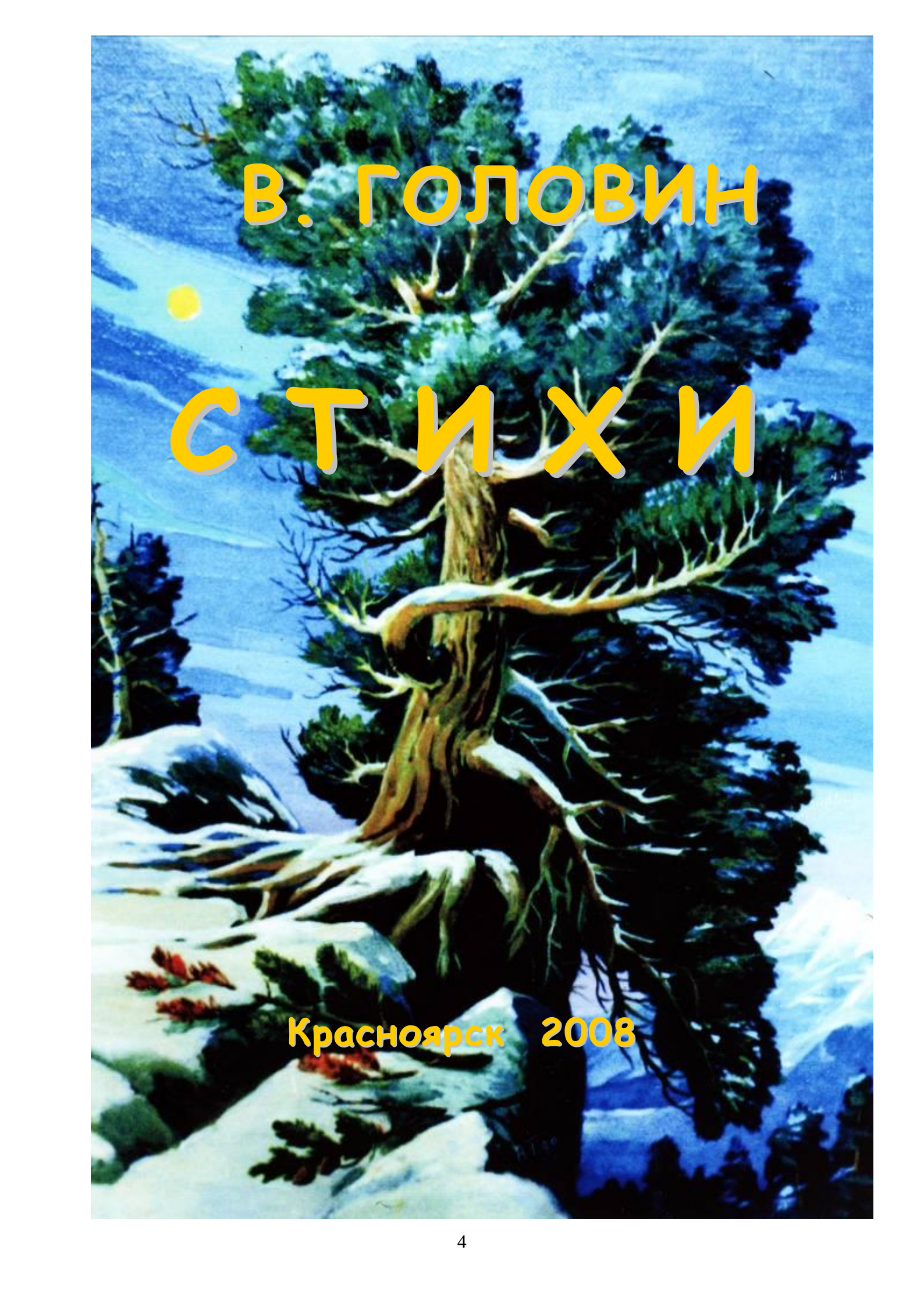

The background of the entire page is a painting of a gnarled pine tree growing on a rocky outcrop. The tree has a thick, twisted trunk and dense green needles. In the background, there is a snowy mountain range under a blue sky with a small yellow sun or moon. The text is overlaid on this image.

В. ГОЛОВИН СТИХИ

Красноярск 2008

ББК 84
Г61

Г61 **Головин, В.А.** Стихи / В.А. Головин // сост. Г.Н. Антоник; –
Красноярск, 2008. – 219 с.: ил.

Разнообразная тематика представлена в данном сборнике стихов В.А. Головина: здесь и любовная лирика, и гражданская поэзия, и сатирический памфлет, тонкое и нежное любовное отношение к природе.

ББК 84

Рисунки выполнены автором

Составитель Г.Н.Антоник

Вдова автора В.А. Головина выражает благодарность тем, кто оказал помощь в издании стихов, – Н.В. Цугленку, В.В. Матюшеву, Л.М. Жибинову, Г.Н. Антоник.

Об авторе стихов можно было бы написать большой и интересный очерк – жизнь Владимира Андреевича Головина полна удивительных событий, а сам он обладал удивительными качествами. Он художник, когда-то в Свердловске в художественном училище получил специальность книжного графика. Это его качество нашло применение в Красноярске, Перми, Свердловске и Тюмени. Более 150 книг разных авторов было издано с его рисунками. Он иллюстрировал самую первую книгу В.П. Астафьева, которая вышла в Перми еще в пятидесятые годы. В.А. Головин писал и детские книжки в стихах, которые, естественно, тоже сам проиллюстрировал.

В прошлом году там же, в Перми, увидела свет его историческая повесть о человеке древнекаменного века.

А по основной своей специальности В.А. Головин – кандидат биологических наук, заслуженный профессор КрасГАУ, он более тридцати лет проработал в сельхозвузах Красноярска и Тюмени, автор почти ста научных работ. Участник, инвалид Великой Отечественной войны, награждён многими орденами и медалями.

И вот – стихи. Читайте, судите сами. Мы сочли возможным предложить их вниманию читателей.

Я – русский

Пусть упрекнут, что старомоден,
Что с нашим веком не в ладу,
Мол, наш народ многонароден,
Как клумба в холенном саду.
Не признаю канонов плена!
Горжусь рождением, жизнью всей,
Что от десятого колена
Я русский до мозга костей.
Я русский, русич, россиянин,
Потомок исконных славян,
Что Русь веками отстояли
Обильной кровью свежих ран.
О них, о россиянах, слава
Дошла до нас из тех глубин,
Когда Олега, Святослава,
Славянских лапотных дружин
Страшились половцы, хазары,
Страшился алчный Цареград...
В огне междоусобной свары
Встает Москва, как стольный град.
Москва, поднявшись на холмах
В глуши, на берегах Неглинной,
Снискала уважение и страх
И мужеством, и стойкостью былинной.
Каких нашествий не видали
Москва и Русь! Каких племен!
В каких пожарах не пылали!
Кто шёл с мечом, мечом сражён.
Ища защиты и свободы
От иноземной кабалы,
Стекались малые народы
Под щит России, щит Москвы.
И в нашем братстве многоликом
По праву старший русский брат.
Он кровью, мудростью великой
То право окупил стократ.

Его душа нарастопашку.
Он ради братьев всей страны
Снимал последнюю рубашку,
Теперь снимает и штаны.
Неурожаи, недороды
Или ещё какое зло —
Живёт он плоше всех народов,
Что принял под своё крыло.
Я без натяжки, без натруски
Судьбою русской награждён,
Ведь далеко не всякий русский,
Кто русской матерью рождён.
Я не кривил душой и честью
Ни ради почестей, ни благ
И шёл на смерть со всеми вместе,
Когда пришёл в Россию враг.
Я русский, чем горжусь спокойно.
Не широко, не броско жил.
И оттого, что жил достойно,
Имел не всё, что заслужил.

Дрова

На пять лет уложены в поленицы
Вдоль забора свежие дрова.
А заботливый мужик не ленится,
Снова машет колуном с утра.
Машет, багровея от усилия,
Машет все сноровистей и злей,
С треском рвет тугие сухожилия
Свилеватого нутра комлей.
По размеру «Дружбой» перерезаны
Сосен, кедров, лиственниц стволы,
И блестят над желтыми порезами
Слезы перламутровой смолы.
Что вздымала кроны над утесами,
На дрова убитую тайгу

По шнурку в поленницах причесанной
Я без боли видеть не могу.

Бродит осень

Лес багряный, небо впросинь.
Утро. Травы в серебре.
По урманам бродит осень
Вдоль Сисима в октябре.
Хлесткий утренник ядреный,
Подгоняя листопад,
Застилает мох зеленый
Чистым золотом заплат.
Ветерок студеный смело

Раздевает тальники,
Мост кует оледенелый
В темных заводях реки.
Речка стылая куда-то
Из предзимней кутерьмы,
Негодуя в перекатах,
Убегает от зимы.
Пихты в инее кудрявом
Клонят ветви до земли.
Только кедры величавым
Строем высятся вдали.

Я по ночам теперь молюсь

Что поколения до нас
Святого в душах накопили,
Резней огульной – класс на класс –
В кровавых реках утопили.
Разворошен угар страстей,
Дремавших от палеолита,
Во имя бредовых идей
Параноической элиты.
В разгуле стали и свинца
Все попрано, что было свято.
Сын поднял руку на отца,
А кровный брат – на брата.
В стране, возросшей на крови
И межусобном буреломе,
Нет состраданья, нет любви
И нет согласия в каждом доме.
А над Россией снова тучи,
Едва огарочек свечи
Потушит мимолетный случай –
Засвищут пули и мечи.
А что потом? Подумать страшно!
И, разрушая и губя,
В междоусобной рукопашной
Мы сами истребим себя.

Я никогда не верил в бога,
Но за тебя, святая Русь,
У грани страшного порога
Я по ночам теперь молюсь.
Чтобы помог, в ночи холодной
Надежды свет не угасил.
Чтобы у нищей и голодной
Хватило у России сил.
Чтобы нашла она тропинку.
Прошла, не обнажив меча,
И крови малую росинку
Не пролила бы сгоряча.

Попрощаюсь поясным поклоном

Жаль, пока поехать не могу –
Немочь одолела ветерана.
Но клянусь, в саянскую тайгу
Как-нибудь приеду рано-рано.
На груди рубаху распахну
Я сисимской свежести навстречу,
Загляжусь в прозрачную волну,
Забреду в березовые свечи.
Под знакомым кедром постою –
Не забыл меня еще, быть может,
И приветствием росистую хвою
Легкое волнение растревожит.
Знаю, что ушицу не сварю –
Речка обезрыблена вчистую.
Но чаек на травах заварю,
Возле переката заночую.
Посижу у костерка без сна.
Под волшебный говор переката...
Снизойдут покой и тишина
В душу мне, измятую когда-то.
С дальними хребтами и с рекой
Попрощаюсь поясным поклоном,
Молча горло пережму рукой,

Чтоб тайгу не будоражить стоном.

Скоро полночь

Скоро полночь. Из-за тучи
Льется бледный свет луны.
В тальниках речных излучин
Затаились колдуны.
Омут окружили кочки,
Свесив в зеркало воды
Нерасчесанные клочья
Темно-синей бороды.
Проскрипел из-за болота
Полусонный коростель.
Застелил туманом кто-то
Луговину, как постель.
Ночь длинна к исходу лета,
Нерушим ее покой,
Только слышен тихий где-то
Смех русалки молодой.

В лесосеке

Морозом скована тайга.
По плечи человеку
Ее засыпали снега.
И все же в лесосеку
С утра машины привели
Упрямые ребята,
И падают на грудь земли
Деревья в два обхвата.
Стальные звери-трактора
Приземистой осанки.
Воды напившись у костра,
Двинулись, как танки.
До крыши в снежной целине
Охапкой прут, скаженные,
На металлической спине

Хлысты многосаженные.
Клешнявый кран без суеты
(рукастая машина!)
Кладет на лесовоз хлысты,
Как хворост, как лучину.
А онемевшая тайга,
В полон попавшей ратью
Роняет в саваны-снега
Поверженных собратьев.
Я допускаю, может быть,
Для дела очень нужного,
Но разве можно бить и бить,
К тому же безоружного?

Зов весны

Улеглись метели,
Отзвенели стужи.
К полудню – капли,
На асфальте – лужи.
Воробьишек стая
Разбранилась вдруг,
Поделить желая
Сереньких подруг.
Как давно когда-то
В розовые сны
Постучал в палату тихий зов весны.
Этот зов, быть может,
Заглянувший к нам,
Нас поднять поможет
Нашим докторам.

Жарки

Почему-то сроки короткие
У всего живущего красиво.
Долго ли горят сибирские жарки?
Но все лето царствует крапива.
Может, оттого, когда жарки цветут,
По лугам палами пламенея,
Их охапками все рвут и рвут,
От восторга сладкого немея.
А крапиву всякий обойдет.
Если кто-то прикоснется все же,
То слова такие вдруг найдет,
Что и повторять-то их негоже.
Так и человек иной дарит
Теплоту души, шутя, любя.

Диво ли, что рано он сгорит,
По частям другим раздав себя?

Я верую в тебя, потомок

Под лозунги и барабанный бой
Первостроители придуманного рая
Горланили, довольные собой,
Мудрость рулевого воспевая.
Верил одураченный народ,
Что в суматохе каждой пятилетки
Великого движения вперед
Страна отмеривает важные отметки.
Однако знали многие обман,
А мы, лишённые такого знания,
Цвет Родины, как прокаженный клан,
Тиранам отдали на растерзанье.
И вот теперь, на склоне дней,
Гнетет нас запоздалое прозренье –
Ростки свободы Родины своей
Не защитило наше поколение.
И оттого в стране развал и крах,
Что беззаконье крепло год от года,
Что гибли миллионы в лагерях
Так называемых врагов народа.
Нам ничего уже не изменить,
Хоть сердце рви тоской и покаяньем.
Удел наш – в унижении дожить
На пенсионном нищем подаяньи.
И думать: может, через малый срок
Помянет нас потомок круто,
Что прятались трусливо в уголок
Мещанского грошового уюта?
На это можно возразить вполне:
Израненные мы и те, что пали
В неслыханно чудовищной войне,
Россию и Европу отстояли.
Но я тебя, потомок, не сужу,

Что поколение наше обвиняешь,
И не злорадствую, мол, ладно, погляжу,
Каких ты сам дровишек наломаешь.
Я верую, что будешь ты умней,
Не попадешь в заложники к генсеку,
Ты будешь справедливее, сильнее
И будешь жить как должно человеку.
Я верую: минуют беды все,
Промчатся бури и дожди косые,
Поднимут Русь и в силе, и в красе
Деяния сынов моей России.

В память о Высоцком

Не скажу о живых.

А мертвых мы бережем.

В. Высоцкий

Певец-бунтарь ушел из жизни,
Он смело пел, о чем молчали все.
Не признан и не защищен
В своей Отчизне,
Как на ничейной полосе.
И пел он не в глуши, пел на Таганке,
Хрипел, больное сердце рвал.
Исполнил долг, как легендарный Данко,
И с песней на губах упал.
Он не убит, как Лермонтов и Пушкин,
Не всунул шею он в удавку-поясок,
Как Маяковский, вороненую игрушку
Он не нацеливал сам себе в висок.
И все же – он убит.
Сказать попутно:
В России нашей (как ни лицемерь!)
Всегда талантам было неуютно.
Нисколько не уютней и теперь.

Мокрица

Мокрица – строго огородный,
Знакомый каждому сорняк.

Конечно, травкой благородной
Не назовешь ее никак.
Но эту самую мокрицу,
Настоенную на спирту,
Втереть, к примеру, в поясницу –
Снимает боль и маяту.
Чернить огульно не годится
И никого, и никогда –
Ведь и гулящая девица
Необходима иногда.

В Таскино

За селом горбатые овины.
Тишина. Окончена страда.
Ситную горбушку из новины
Макает месяц в молоко пруда.
Пахнет щами и горячим хлебом,
Пахнет инеем опавшая листва.
Городскому жителю неведом
Этот миг особый торжества,
Когда выращен и убран урожай,
Что вместил и радости, и муки,
И пудовый свежий каравай
Обжигает хлебобобу руки.

Капельки росы

На кружевах из паутинки
Повисли бисером росинки,
Цветами радуги все сразу
В лучах сияя, как алмазы.
Такой узор достойно даже
Хранить бы вечно в Эрмитаже.
Но как в природе все непрочно!
Недолгой жизнью непорочной
Сияют капельки росы –
Минуты, может быть, часы.
Все, что природой создано,
Увы! На смерть осуждено.

И чтоб достойно умереть,
Сумейте душу обогреть
Своим сиянием кому-то,
Хотя б на миг, хоть на минуту.

Ветерок

Ночь блуждая в перелесках, ветерок
Под дождем осенним вымок и продрог.
Кабы лето, он березовой листвой
Мог укрыться до рассвета с головой.
А теперь она пожухла и мертва,
Как морозами убитая трава.
Постучал в окно бездомный ветерок –
Может, пустят обогреться за порог?
За окном моя любимая живет,
У нее не сердце – мрак и лед.
И не ведал он, бродяга, что она,
Как и осень, неприступно холодна.
Под окошком, слез горючих не тая,
Тихо плакал то ли ветер, то ли я.

Поганка

У тихого ключа раскинулась полянка –
На ней превыше всех цветов торчит поганка.
А в стороне, укрывшись за пенёчком,
Прижался белый гриб комочком.
Но я-то, собственно, к тому рассказ веду,
Бывают меж людей поганки на виду.
К стыду!

На привале

В затишье боя, у Днестра,
Пока нехитрый суп-пюре варили.
На отдых разместившись у костра.
О родине солдаты говорили.
И, как нарочно, все из разных мест:

Пермяк, кавказец, украинец.
Один хвалил тайгу, другой девчат-невест,
Кавказских скакунов – наездник-кабардинец.
Волжанин и якут вступили в спор.
Волжанин козырял раздольной песней...
Я промолчал. Напрасный разговор!
Моя Сибирь любых краёв чудесней.

Помнишь, вешнею порою...

Помнишь, вешнею порою
В ручьевую звень
Повстречались под горою?
Непогожий день,
Дождь сменяется порошей,
Стынет лес сырой...
Но тот день такой хороший
Был для нас с тобой!
Ты мне тихо говорила
Под весенний шум,
Что за силу полюбила,
За ласку и за ум.
Я обнял тебя за плечи,
Негу пил до дна,
Знает тайну нашей встречи
Старая сосна.
И ещё о встрече знает
И звонит ручей,
Но никто не разгадает
Озорных речей.
Незаметно мчались годы.
Под сосновый ствол
В день весенней непогоды
Я опять пришёл.
Снова вешнею порою
В ручьевую звень
Мне, как прежде нет покою
В непогожий день.

Я тебя не встретил

Я тебя не встретил у отрады,
Я один немножко погрустил.
Самый дальний уголок сада
В золоте вечернем листопада
И скамейку нашу навестил.
Наклонили головы берёзы,
Чуток был их ласковый привет:
Все бывшие мне шептали грёзы
Да к ногам роняли листья-слёзы.
Вспомнил я, как в пасмурный рассвет
Прокатилась по стране тревога,
На защиту мать сынов звала,
И меня военная дорога
Из твоих объятий, от порога
Далеко надолго увела.
Мы в аду крошечном отстояли
Рубежи и честь родной земли,
Но тогда с тобою мы не знали,
Что беспечно счастьем играли.
И любовь свою не сберегли.
Оттого и грустно, может быть,
Что сторонкой счастье пролетело.
Время на висках успело свить
Седины серебряную нить,
Юность золотая отшумела...
Я тебя не встретил у ограды,
Я один немножко погрустил.
Самый дальний уголок сада
В золоте вечернем листопада
И скамейку нашу навестил.

Ей...

Люблю твои красивые глаза –
Чуть грустные, с туманной поволокой.
Пусть никогда не тронет их слеза,
Пусть радостно глядят на мир широкий!
Люблю рисунок милых губ твоих.
Их целовать и радостно, и сладко.
Пусть никогда не ляжет возле них
Душевной боли и страданий складка.

Ты сегодня ушла к другому

Не принесёшь ты счастья дому,
Несовместимы любовь и ложь.
Ты сегодня ушла к другому,

Завтра к третьему ты уйдёшь.
Откровенны давайте будем:
Примагничивают мужчин
Стройные ноги да пышные груди.
Иль только я разнегодный сын?
Нет! Хорошо она это знает.
Знает науку прищуривать глаз,
Где и когда приоткрыть, тоже знает,
В меру богатства свои напоказ.
Да неужели природе нет дела,
Что по ошибке она создала
Это по-бабьи красивое тело
Не для любви, а для зла?
Откровенны давайте будем.
Пускай я какой-то негодный сын,
Но стройные ноги да пышные груди
Примагничивают мужчин.
И не видим мы часто – около
Глаз застенчивых отблеск живой,
Что украдкой глядит, как на сокола.
Позови – хоть в огонь за тобой!

Прости, любимая

Прости, любимая, за грешные порывы,
Обиды на меня напрасно не таи.
Но и сейчас в воображение живы
Нагие прелести твои.
Ласкал ли кто ещё такую грудь
И бёдра сильные, крутые?
И гладил ли бесстрастно кто-нибудь
Волосики, в колечки завитые?
И грудь высокую, и девичий сосок
С коричневой шероховатой кожей,
И чёрный грубоватый волосок
Люблю любовью грешною до дрожи.

Я о тебе не очень тосковал

Я о тебе не очень тосковал.

Ты для меня была желанной, но далёкой.
Румяна щёк, лица и плеч овал,
Дразнящие холмы груди высокой
И в мыслях я ни разу не ласкал.
Ты недоступна для меня. Я это знал.
Но ты вчера сама ко мне пришла,
С пылающим лицом, полураздета...
Ты в эту ночь волшебницей была
В объятьях ошалевшего поэта.
То замирала, напрягаясь, как струна,
Затем, безвольная, сникала и слабела.
И вдруг опять вздымалась, как волна,
Смеялась, плакала, стонала, пела...
И только утром от меня ушла,
Тиха, бледна, полуодета...
А может, это впрямь волшебница была,
Бесовской силой тешила поэта?

Попутчице

Тот же поезд и купе шестое,
Как в тот раз, попутчица моя.
И в купе нас снова только двое:
Дама пышнотелая и я.
В поездах знакомства сводят скоро,
Через час уже известно всем,
Кто сосед, в какой он едет город
Иль район, надолго ль и зачем,
И соседка, Марья Николавна,
Чуть прищуря томные глаза,
Рассказала, что совсем недавно
Разошлась. Семейная гроза,
Мол, её нимало не тревожит.
Муж, конечно, на большом посту,
Но она терпеть его не может:
Каша стынет у него во рту.
“У других мужья – и стать и хватка.
Есть мужчины – океан огня” –
А сама вприщурочку украдкой
Сквозь ресницы смотрит на меня.

Вот и вспомнил я купе шестое,
Будто это было лишь вчера.
Нас в купе с тобою только двое,
Свет тревожный льёт ночное бра.
И о чём бы мы ни толковали –
О смешном, о грустном – всё равно
Без труда друг друга понимали,
Как знакомые давным-давно.
Женщину такую встретишь редко,
Чтоб была собою недурна,
Шутке шуткой отвечала метко,
В сложном рассудительна, умна.
Моралисты строгие, простите,
Не могу я утаить от вас,
Что для глаз невидимые нити
Всё теснее связывали нас.
А меж тем стучат колёса споро,
Наводя на рельсы блеск и лоск,
И влетел, как бомба, поезд скорый
В дорогой мне с юности Свердловск.
За окном шумят тугие ветры,
Вскрикнул перепуганно свисток.
И опять, считая километры,
Скорый поезд мчится на восток.
Вдалеке за плотной гранью бора,
На прощанье россыпью огней
Снова промелькнул родимый город
Конопатой юности моей.
Что-то вдруг порывисто и грубо
Властно взбудоражило сердца,
Встретились надолго наши губы.
И, откинув локоны с лица,
Ты сказала тихо и серьёзно,
С плеч моих не убирая рук:
“Встретились с тобой мы очень поздно.
Слишком поздно. Поздно, милый друг...”
Так простите ж, Марья Николавна,
В этом кратковременном пути
Можно бы, конечно, очень славно,

Бесшабашно время провести.
Но вы чары тратите впустую:
От соблазнов ваших устою.
В том купе я повстречал другую
Милую попутчицу мою.

Ложатся обильные росы...

Ложатся обильные росы
На буйные травы низин.
Вплелись в изумрудные косы
Рубинные гроздья рябин.
Толпой прибежали к дороге
Берёзки с холмов за селом,
Точёные белые ноги
Кисейным прикрыв подолом.
И ветерок шаловливый,
Роняя жемчужины рос,
Ласкает, хмельной и игривый,
Упругие груди берёз.

Позови

Знаю, что не миновать разлуки,
Что всему приходит свой черёд.
Дай пожму тебе на счастье руку.
Кто и что тебя в грядущем ждёт?
Знаю, что не всякое ненастье
Стороною можно обойти.
Встретится тебе не только счастье,
Встретится и горе на пути.
И когда в житейской круговерти
Встретишь неминуемую беду,
Только весточку пришли в конверте,
Позови, и я всегда приду.

Октябрьская ранняя стужа...

Октябрьская ранняя стужа
Сгребла пожелтый лист,
Швырнула в стылую лужу
Под заунывный свист.
Вербы горбатые клонятся
Возле овражных круч.
Мечется по небу конница
Ветром исхлёстанных туч.
В эту октябрьскую темень,
Под заунывный свист,
Бережно принесу тебе
Сердца пожухлый лист.

Сказание

На дальнем зимовье заснеженной ели
Саянские сказы слагали метели,
Послушать сказанья за двери я вышел
И имя твоё в этих сказах слышал.
Таёжным распадком среди кедрачей
По камням катился хрустальный ручей,
Он весело пел и звенел без помех,
В том звоне слышал я девичий смех.
А в волнах ручья, что чисты, как слеза,
Увидел твои голубые глаза.
Под солнцем саянским свежи и ярки
Пожаром в лугах полыхали жарки.
Из этого бурного моря огня
Теплом твоих губ опалило меня.
Где солнце сквозь ветви рассыпало блики,
Собрал я пригоршню лесной земляники,
Стоял, упоён ароматом её,
А чудилось в нём мне дыхание твоё.
Сырые туманы, студёные росы
Трепали берёз золоченые косы.
Трещали морозы, ложились снега,

Весенние воды топили луга...
Я мерил по жизни крутые дороги,
В висках серебром отмечались тревоги.
Напрасно толкуют, что, дескать, седины –
Мужания знак, украшение мужчины.
На трудных дорогах убавилось сил,
В душе поистратился юности пыл,
Когда я в осеннем туманном рассвете
Тебя наяву, мою Золушку, встретил.
И ты повстречалась со мной не девчонкой,
И беды тебя не минули сторонкой.
Но всё ж ты милее, чем виделась мне
В саянских сказаньях, в мечтах и во сне.
На дальнем зимовье заснеженной ели
Не сказы, а быль напевали метели.

Горит в ночи костёр

Сумерки.
На дальний плес Сисима
Наползает сумрачная тень.
За хребтами гор неотвратимо
Догорает уходящий день.
Из распадков выплыли туманы,
В тальниках раскинув невода,
Синих гор седые караваны
В ночь уводит горный тамада.
Над тайгой, заламывая руки,
Вымытый до рёбер сухостой
Дуплами глядит в тоске и муке
На подлесок в зелени густой.
Кедрачи над каменистой кручей,
Будто войны, с крепостной стены,
Озирают в строгости дремучей
Океан суровой тишины.
По бруснично-моховым перинам

Бродит осторожно пятой,
Прикасаясь к трепетным осинам,
Чуть дыша, обманчивый покой.
Чудится – лохматые титаны
Сонмищем потусторонних сил
На шабаш в таёжные урманы
Поднялись из склепов и могил.
Млечной пылью золотой украшен
Неба чёрно-бархатный шатёр.
Как маяк, отчаянно бесстрашен,
Звёздочкой горит в ночи костёр.

Последний полустанок

Я мать любил, Россию и тайгу.
Но матери давно уже не стало.
О ней что помню, свято берегу.
Терзаюсь, что берёг при жизни мало.
Перед Россией я, как все, должник
И должником останусь до могилы.
Россия – родина. Её живой родник
Питал меня и мудростью, и силой.
Что от России взял, не всё сумел отдать,
Хоть за неё был ранен и контужен.
Люблю Россию, как родную мать,
Люблю её, но ей уже не нужен.
Больной и старый инвалид,
Схожу на притаёжном полустанке,
Мой рюкзачок провизией набит,
В нём лески, поплавки, обманки...
Сажусь на камень у подножья скал
И только мыслями лечу, как птица,
За белоголовый перевал...
Но и с тайгой пришла пора проститься.
С тоской гляжу в её седую даль –
Измученный, истерзанный подранок.

Мне в жизни ничего уже не жаль,
И недалёк последний полустанок.

У ручья

Ты звени себе, а я послушаю.
На знакомом камне посижу.
Лишь подступит немочь болью-стужею,
Всякий раз сюда я прихожу.
Ты звенел, как и теперь, беспечно,
Когда вовсе не было меня.
Я умру, тебе резвиться вечно,
Так же радостно сверкая и звеня.
И с чего тебе бы отуманиться?
Каждый, кто твою прохладу пил,
Знал, что чистотою не обманется,
Жажду утолив, набрался сил.
Подлеца, убийцу или вора,
Даже чёрта, если б захотел,
Щедро ты поил, но без разбора
Для святых или разбойных дел.
Оттого и волны синеглазы,
Оттого хрустально светел смех,
Никого не обделив ни разу,
Пел ты одинаково для всех.
Мы друг друга не поймём, наверно:
Ты даришь прохладу, я – тепло.
У меня в душе бывает скверно,
У тебя до донышка светло.
У меня по жилам кровь живая,
Не вода холодная течёт.
Нелегко мне оттого, что знаю
Я любви и ненависти счёт.
Но твою весёлую беспечность
Выменять за жизнь я не хочу.

Без борьбы и счастья что мне вечность?
Хоть за них я дорого плачу.
Ты звени себе, а я послушаю,
На знакомом камне посижу.
Лишь подступит горе болью-стужею,
Я сюда зачем-то прихожу.

Браконьер

Забрёл я как-то на речушку,
Присел на спину валуна,
Из перьев с ниткой сделал мушку
На загляденье. Только – на!
Мне, видно, сослепу казалось,
Что как живая мушка та.
Чего-то не хватало малость,
И не ловилось ни черта.
По речке лазил я упрямо.
“Поймаю, - думаю, - назло!”
И в закоряженную яму
Чуть самого не унесло.
Но всё ж не всё бывает худо.
Мотню до нитки промочив,
Я выловил красавца. Чудо,
Насколько хариус красив!
Взошёл на каменную глыбу,
Сушу ширинку у куста,
И так и сяк гляжу на рыбу
То с головы, то от хвоста.
Тут подошли ко мне ребята,
По двадцати, пожалуй, лет.
“Ну как, отец, поймал богато?”
Я говорю: “Неужто нет!”
Те саданули, как из пушек:
“Мы, – говорят, – из егерей,

Оберегаем рыб, зверушек
Вот от таких, как ты, зверей!”
И на меня – на браконьера –
Бумагу парень настрочил.
Так напутал меня, холера,
Я вновь ширинку подмочил.
Котомку мне перешерстили,
На мушку глянули вприщур.
“Мы так пока что порешили, –
Сказал, похоже, балагур, –
Суши штаны, портянки к ряду –
Ты напустил и в сапоги.
Пока не высохнешь, как надо,
Залазить в речку не могли.
Чтоб воду значит не изгадил
И рыбу напрочь не извёл”.
Второй обманку мне наладил,
За балагуром вслед ушёл.
А я затеял постирушку,
Просох, конечно, и подряд
С десятков харьюзов на ушку
Поймал обманкой тех ребят.

О перестройке в крае

Край тайги, снегов и кедра-
Легендарная Сибирь!
Неизведанные недра,
Неисхоженная ширь.
Край бескрайних порубежий,
Рек студеной и ветров,
Край соболий и медвежий,
Край тайменей, осетров.
Край лугов и край пшеницы.
Край не край, а богатырь!
Он кормил ползаграницы

И себя кормил. Сибирь-
Край людей совсем особых.
Молчаливый сибиряк
Воевать, пахать, строить –
Может всё, на всё мастак.
Ловкий, сметливый, бесстрашный,
В трудный миг не подведёт,
На медведя в рукопашный,
Не моргнув, с ножом идёт.

Край богат и люди – чудо!
В чём же дело? Стыд и срам!
Где таймени по три пуда?
Где хотя б на килограмм?

Нет в продаже рыбы местной
(Впрочем, мяса тоже нет).
Удить рыбу – повсеместно
Узаконенный запрет.
В реки и отцы и деды
Ставили любую снасть.
Так с чего ж такие беды?
И какая ж это власть?
Если старожил таёжный
Даже удочкой махнёт,
Егерь с мордою осторожной
На него тараном прёт.
В то же время без оглядки
Ловят нельму, осетров.
Тугунка, сигов, стерлядку,
Ловят в сотни неводов.
А улов идёт чинушам.
У народа столько “слуг”!
(Мать их в бога, мать их в душу!),
С каждым годом – шире круг.

Свинья-поэт

Свинья в своём хлеву спала себе да ела.
И презрительно разжирела.
Зашёл хозяин в хлев свиньей полюбоваться
(Он был большой любитель до свиней)
И молвил: “Хороша! Пудов, поди, на двадцать.
Полней, Хавроньюшка, полней”.
Болтушку чавкала Хавронья неспеша
И думала, с присвистами дыша:
– Уж верно я собою недурна.
Жирна, да и умна.
Хозяин между тем чесал Хавронье бок,
Прощупал шпик, всё осмотрел, что мог,
И в заключение воскликнул наконец:
- Уважила, Хавронья, молодец!
И диво ли, от похвалы такой

Свинья утратила покой,
“Довольно, – думала она, ворочаясь в соломе,
Как я могла мириться до сих пор!
Пусть знает обо мне весь задний двор,
Пусть знают о Хавронье в каждом доме.
Чем мне жиреть да здесь в хлеву валяться,
Пора хоть, например, поэзией заняться.
К тому ж в поэзии пробел, и все стихи
Бездарны и плохи.
Болтушка, пойло, хлев, корыто –
Всё по невежеству поэтами забыто.
Схватив бумагу и перо, Хавронья для начала
В своём творенье всех поэтов развенчала.
Она нещадно их за слепоту бранила
И за незнание запросов дня,
И за отсутствие огня.
И в свинстве всех огульно обвенила.
Вот труд окончен, и такого-то числа
Свинья стихи редактору снесла.
Стихи, конечно, получились худо,
Но жира у свиньи убавилось с полпуда.
Редактор был Баран (пословицу народ
Недаром сочинил насчёт барана и ворот!),
В стихах Баран не смыслил ни шиша,
Но всё-таки, в стихи уставя взор,
Перечитал их, молвил не спеша:
“Талантливо”. И написал: “В набор”.
И вот услышал свет:
Свинья-поэт.
Хавронья с этих пор совсем лишилась сна.
Лишь только рифмы хрюкает она.
В чаду поэзии и день и ночь витает,
А жир на ней, как свечка, тает.
Хозяин не поймёт, что с ней стряслось такое,
И, верно, скоро пустит на жаркое.
И так разор несказанно велик
От этого пиита.
Мораль: все свиньи ценятся за шпик,
И им полезней знать своё корыто.

За что, не знаю сам

Влюблюсь в горбатую и черномазую,
Чтобы никто вовеки не отбил.
Из сердца выброшу голубоглазую,
Как будто не встречал и не любил.
Но вот прошла она знакомой тропкою,
Я ей гляжу во след и не дышу.
За что, не знаю сам, а всё ж попробую,
Пойду опять прощенья попрошу.

Дуб и камыш

Замечено давно и справедливо,
Что невозможно одному, без коллектива.
Но нужен коллектив такой...
А впрочем...
За рекой,
Кудрявой кроной уходя за тучи,
Стоял красавец-дуб могучий.
Он в стороны, как сказочный шатёр,
Густые ветви распростёр.
Дубовый молодняк, что около ютился,
Живительных лучей совсем лишился.
Тягаться с дубом не хватило сил,
И он за ближнее болото отступил.
А дуб, красуясь кроною курчавой,
Стоял один, надменно-величавый,
И на отпрянувших собратьев свысока
Взирал издалека.
Да слушал льстивый шёпот камыша,
Который кланялся, шептал и унижался
И шаг за шагом, не спеша,
Всё к дубу приближался.
Дуб милостиво ветви потеснил,
Чтоб лучше слышать, как камыш превозносил

Его подобострастно.
А напрасно!
Известно: где растёт камыш – предатель гибкий,
Там грунт, конечно, зыбкий.
Напрасно дуба не тревожила забота,
Что вместе с камышом к нему придвинулось болото.
И что же с дубом случилось?
Под ним вдруг почва закачалась,
Свалился дуб в болотный ил
И сгнил.

Ледоход на Енисее

Не слышал первой мартовской капли
Под ледяным покровом Енисей могучий.
Безмолвные над ним стояли тучи,
Безбрежные леса над ним шумели.
Зима сибирская недаром лютовала,
Со всей земли морозы созвала,
Реку в метровый панцирь заковала,
Сыпучими снегами замела.
Но вот апрель.
Явилась синеокой
Красавицей в Сибирь волшебница-весна.
Растаяли снега, бушуют с гор потоки,
И Енисей воспрянул ото сна.
Рванулся он на нежный зов весны,
Как богатырь на клич, на призыв друга.
И лопнула на нём тяжёлая кольчуга,
Откованная в кузнице зимы.
Рванулся он и гневный и могучий,
Весенним ветром и свободой пьян!
Крушит, ломает лёд в водоворот кипучий
И гонит в Ледовитый океан.
На гребнях волн его вскипает пена...
Весенний ветер, прилетевший с гор,

Разносит весть, что вышел на простор
Сибирский богатырь из ледяного плена.

Важный осёл

Напрасно думают: осёл и глуп и прост.
Ослу доверили однажды важный пост.
И вот осёл
Дела уверенно повёл.
Обставил кабинет себе особый
И важность на себя такую напустил,
Учёные такие речи говорил –
Осла в нём распознать попробуй!
И стали многие оказывать ему
Почёт не по ослиному уму.
Вышестоящий лев
Был стар годами и, порядком одряхлев,
Заботами не утруждался,
Ослу во всём он доверял
(Вернее доверять предпочитал).
Осёл так в должности высокой и остался.
Мы к басне не даём пока морали,
Поскольку ни осла, ни льва ещё не сняли.

Петух-оратор

Чтоб мыши не наделали греха,
Какой-то зав назначил Петуха
Стеречь зерно в общественном амбаре
С хохлаткой в паре.
Зерно, заметьте, было не простое,
А семенное.
Возможно ль!
Петуху вдруг доверять зерно!
Другой столь ненадёжной стражи
И преднамеренно не сыщешь даже,

Но...
Заметил зав давно:
Петух-оратор
Среди хохлаток первый агитатор.
Он ни одной кампании не проглядел,
Всегда у дел.
И в полночь, и в полдень, и на утренней заре
Его знакомый голос во дворе
Звенел, переливался.
Короче, активистом наш Петух считался.
Когда ж потребовались к сроку семена,
В амбаре – ни зерна!
Оратор-говорун доверьем облечён
Нередко лишь за то, что он
Горланит по любому пустяку:
“Ку-ка-ре-ку”!
Таких частенько и за промахи не бьют,
За то, что вовремя поют,
А помнить надо бы – Петух хоть и речист,
Да на руку нечист.

Козёл – противник алкоголя

Козёл учёный на лужайке
О вреде пьянства лекцию читал.
Аудиторию собрал
Он от Медведя и до Зайки.
Дословно приводить здесь лекцию Козла,
Пожалуй, ни к чему.
Но нужно должное отдать ему –
Конспект листая аккуратно,
Вопрос он изложил научно и понятно.
К тому же лекция читалась с жаром
И, вероятно, не пропала б даром.
К примеру, скажем, доводы Козла
Ошеломили старого вола.
Но на другой же день, когда с работы шёл,
Увидел удивлённый вол:

Мертвецки пьян козёл.
Уткнувшись в лужу носом,
Он спит в обнимку с пьяницей Барбосом.

Бессонница

За окном трепещет ветка,
По стеклу листвою шурша.
За стеной поёт соседка
Над кроваткой малыша.
Барабанит дождь по крыше,
Свет в избе давно потух,

По углам скребутся мыши...
Чу!
Уже поёт петух!
Ночь к концу...
Какой же силой
Сон тревожный гонит прочь?
О тебе, родной и милой,
Я тоскую в эту ночь.
И совсем я не жалею,
Что утратил свой покой.
Счастлив, что любить умею,
Счастлив, что любим тобой.
И, как будто ты услышишь,
Говорю с тобою я.
Говорю как можно тише:
“Спи, любимая моя.
Спи...”

На Кызыл-Куле

Гудя, шмели проносятся, как пули,
Черёмуха роняет белый цвет.
Всё небо отразилось в Кызыл-Куле,
И кажется, что дна в нём вовсе нет.
Долблёный бот скользит по водной глади,
Как будто бы по воздуху плывёт.
Рука невольно тянется к тетради:
Здесь всё одной поэзией живёт!

Весна

Лес весёлым звонким свистом
Будят птицы ото сна,
Солнце светит в небе чистом,
Тает снег... Пришла весна!
В лужах и ручьях сверкают
Золотистые лучи.
По проталинам шагают

Деловитые грачи.
Вечер. Птицы замирают.
А красавцы-глухари
В сосняке густом играют
С полуночи до зари.
Утром тихо над полями
Чуть журчат вдали ключи,
И токуют на поляне
За оврагом косачи.
Только мишка в шубе бурой
С голодухи ходит хмурый.
Он в берлоге зиму спал
И, весну почуя, встал.
На пригорках прорастает
Чистой зеленью трава.
Речка с треском лёд ломает,
Заливает острова.
Над рекой кружат станицы
Прилетевшей с юга птицы,
Слышны крики, плеск воды,
Крыльев шум на все лады.
На хвое сырой и колкой,
В тёмном ельнике глухом
Рябчики гнездо под ёлкой
Выстилают мягким мхом.
В заболоченном лесочке
Из сухого тростника
Свито гнёздышко на кочке
Шилоклювки-кулика.
Лопоухие зайчата
Родились у русака,
А малыutki барсучата –
У седого барсука.
Кабаниха по дорожке,
Скрытой в гуще камышей,
Поутру ведёт с кормёжки
Полосатых малышей.
А за ней то рысью скорой,

То ползком, едва дыша,
Неотступно волк матёрый
Лезет в дебри камыша.
Пронеслась по небу туча,
Первый дождик прошумел,
Ветерокдохнул летучий,
Лес умылся, посвежел.
Прилетела на опушку
И, усевшись на суку,
Вдруг заладила кукушка
Бесконечное “ку-ку!”

В поезде

Дальний поезд и вагон купейный,
Коврики да пестрота пижам.
Временный уют полупостельный,
Стук колёс: тук-тук, та-та, та-там.
Скучно... За окном осенний ветер
Ивняки полощет у реки.
Звёзды в омутах рассыпал вечер.
Вдруг – костёр. А возле – рыбаки
Ладятся к ночлегу при огне.
До чего ж завидно стало мне!
Ловится, быть может, чепуха.
Но издревле славится недаром
На костре сваренная уха
Ароматом, вкусом и наваром.
И не конкурент индийский чай
Разнотравной даровой заварке...
Только б не забыли невзначай
Захватить к ухе с собой по чарке.

Живое живёт

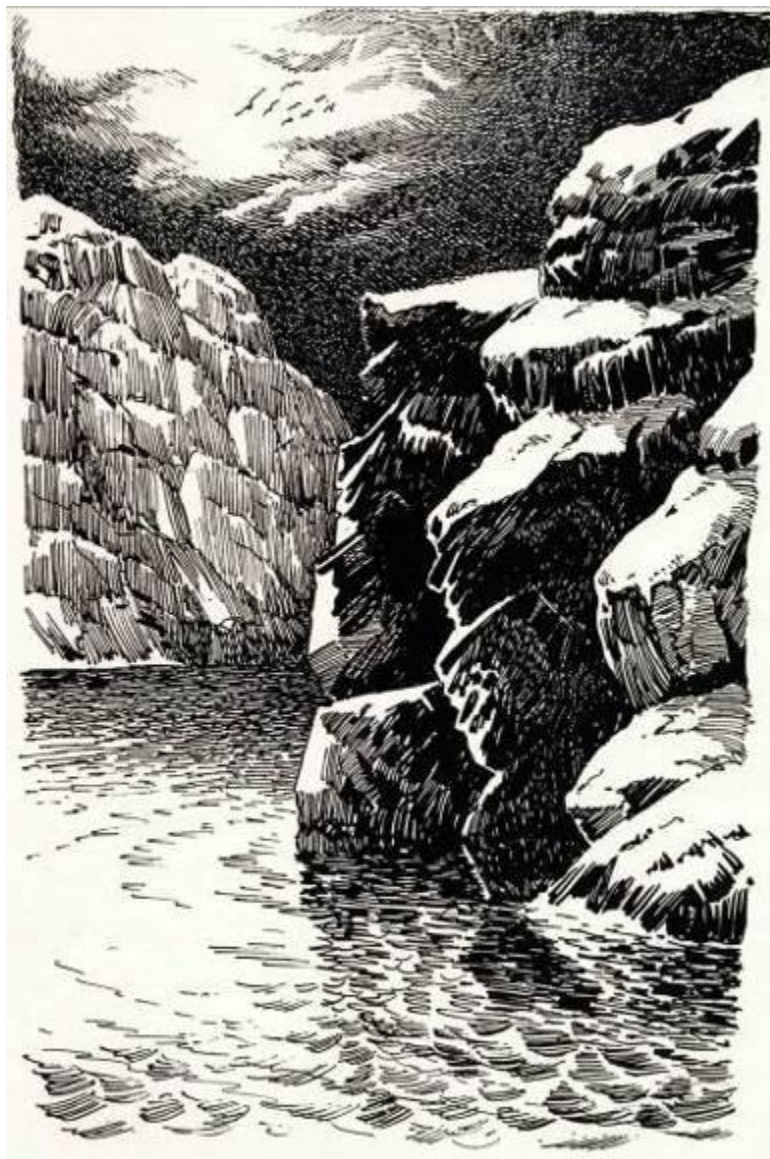
Знаю я, существует искони
Неразрывных явлений связь.
В январе серебрится искрами

На окошках морозная вязь.
В феврале колобродят метели,
По оврагам то хохот, то стон.
Март примчит с бубенцами капли
Ручьегривый весенний поклон.
И, согретая ласками мая,
Вся земля истомленно-нежна,
Жадно ждёт, первозданно нагая,
Чтоб упали в неё семена.
И какими волшебными красками
Переменится облик земли!
Развернутся восточными сказками
Неуёмные силы любви.
Словно зная: недолгие сроки
Эта буйная кипень цветёт,
Все свои потаенные соки
Без остатка земля отдаёт.
Только я не пойму: почему же
Одинаково ты холодна,
За окном ли январская стужа
Или кровь будоражит весна?
И когда всё живое любитя,
В сладострастный сплетясь хоровод,
Пусть потом как угодно осудится –
Я живой, а живое живёт!

В тайге

Широка сибирская тайга –
Без конца леса, леса и горы.
Смотрятся крутые берега
В горные прозрачные озёра.
Реки, и быстры и холодны,
О громады серые дробятся.
Мари и болота-зыбуны
Вечными туманами клубятся.
Как немые стражи, над тайгой
Высятся угрюмые утёсы,

Задевая лысой головой
Облаков и туч седые косы.
Вырванные бурей из земли
Вековые ели-исполины
Будто в рукопашной полегли,
Строй на строй сойдясь на дне долины.
Паводками сброшенные с гор,
Средь нагромождений бурелома
Здесь ржавеют с давних-давних пор
Валуны – гранитные шеломы.
Холодно и сыро поутру
От бурливых струй таёжной Маны.
Судорожно к нашему костру
Лапы тянут сосны-великаны.

Тюмень

Видать, недобрый кто-то
В июньский светлый день
Средь грязи и болота
Обосновал Тюмень.
Срубил избу-калеку,
Кругом возвёл забор...
Почти четыре века
Отстукало с тех пор.
За этот срок немалый
На берегу Туры
Избёнки как попало
Рубили топоры.
Кривые переулки
Длиною в три версты,
Бревенчатые, гулкие,
Горбатые мосты.
Поставьте, в общем, рядом
Десяток деревень
И нареките градом –
Получится Тюмень.

Безногий дворник

Сквозь вьюги фронтовых дорог
В армейский медсанбат
Доставлен без обеих ног
Израненный солдат.
Не помогли, наверняка,
Ни ангелы, ни черти.
И всё же чудом мужика
Вырвали у смерти.
Победный отгремел парад.
Теперь война – история.
Где ж искалеченный солдат,
Живой, не аллегория?
В пивной, пропахшей табаком,
Он водкой глушит муку
И за потёртым пятаком

Протягивает руку?
О, нет! Живёт он возле нас
На улице Республики.
Открыв култышки напоказ,
Не кланчит грош у публики.
Как двадцать с лишним лет назад,
И в снегопад и в стужу,
Простой и гордый, как солдат,
Опять народу служит.
Прохожий, стой. Не торопись.
Ты видишь не калеку.
Сними фуражку, поклонись
Герою. Человеку!

Спор грибов

Подосиновик однажды
Заявил: – Конечно, каждый
Согласится с тем, что я
Самый лучший гриб, друзья.
– Нет, – сказали сыроежки,
Сыроежки-сладкоежки, –
Мы нарядно разодеты
В ярко-красные береты,
В белоснежные сорочки,
В разноцветные платочки...
Перебили их опять:
– Наши шапки небогаты,
Мы нарядом не красны,
Но зато, зато дружны.
Становись, лесной народ
В наш весёлый хоровод!
Звонко крикнула поганка:
– Мной украшена полянка!
Среди вас лишь я одна
Высока, тонка, стройна!
Старый груздь из перелеска
Закричал и зло, и резко:
– Замолчать бы вам пора!

Я не гриб, а гриб-гора.
Кто сравнивается со мной
Высотой и шириной?
— У меня на стройной ножке, —
Мухомор сказал спесиво, —
Шляпка в белые горошки
Разрисована красиво.
Ясно всякому без спора —
Нет красивей мухомора.
Загалдели и маслénки —
Снизу беленькие плénки,
Шляпки круглые с пятак,
А на шляпках жёлтый лак.
И, возможно, этот спор
Так и длился б до сих пор,
Но явился как-то раз
В тот лесочек дед Тарас.
Дед Тарас сказал сердито:
— Ты, поганка, ядовита,
Значит, ты и мухомор
Не грибы, а просто сор.
Вас ни в суп, ни в маринад.
Вам в лесу никто не рад.
Хороши грибы волнушки,
Грузди — беленькие ушки,
Рыжики, моховички,
И лисички, и строчки,
Валуи.
А спорить что ж?
Всяк по-своему хорош.
Только белый гриб отменный,
Самый лучший, самый ценный,
Но не любит он как раз
Выставляться напоказ.
И закончил важно дед:
— Ценят гриб не за берет,
Не за праздничный наряд,
А за вкус и аромат.

Концерт в Зелёном зале

Во все концы летят гонцы:
Комарики-толкунцы.
Не отдохнуть им, не присесть,
Они звенят, разносят весть:
“Сегодня в середине дня
В Зелёном зале, возле пня,
Концерт весенний состоится”.
В Зелёный зал повеселиться
Спешат стрекозы, мошки,
Козявочки и блошки,
Кузнечики и пауки,
Спешат степенные жуки,
Нарядные букашки
И франты-таракашки.
В такси, на самолётах,
Трамваях, вертолетах,
На теплоходах и пешком,
В сапожках, туфлях, босиком
Идёт, бежит, летит, плывёт
На представление народ.
Все собрались: и стар, и мал,
Битком набит Зелёный зал.
Кричит с галерки мошкара:
“Ну начинайте! Уж пора!”
Вот жук, рогатый великан,
Ударил палкой в барабан,
И сразу стало тихо.
Вскочил на сцену лихо
Комар в нарядном пиджаке.
На комарином языке
Он пропищал: “Пчелиный хор
Исполнит песню “Медосбор”.
Знак подал трутень-дирижёр,
И загудел пчелиный хор:
“Мы носим мёд с цветочков
В восковые бочки.

Нас обиж-жать опасно:
Мы ж-жалимся уж-жасно!”
Потом стихи читал поэт,
Поэт известный Короед,
А модницы стрекозы
В платочки лили слёзы.
И муравьишки-циркачи,
Акробаты, силачи
Показали номера.
Им кричали: “Бис! Ура!”
А тараканы, блохи ли
То ахали, то охали.
Жуки в ладоши хлопали
И сапогами топали.
Но всех изящней и ловчей
Играло трио скрипачей:
Кузнечик, майский жук, сверчок.
Они сыграли гопачок,
Затем два раза кряду
“Ночную серенаду”
А бабочка-капустница –
Проказница, искусница,
Под общий хохот зала
Частушки исполняла.
На сцене фокусник-паук –
Две пары ног, две пары рук.
Он выполз на средину,
Раскинул паутину,
Три раза топнул сапогом –
Блеснул огонь, ударил гром...
Тут мухи зажужжали,
С концерта побежали,
За ними следом мошкара,
В дверях прижали комара.
Кузнечики и блошки
Попрыгали в окошки.
А жук от страха задрожал,
Без барабана убежал.
С тех пор паук на мух сердит,
В углу, насупившись, сидит,

Со злости горбит спину
И вяжет паутину.
Так мухи глупые сорвали
Концерт в Зелёном зале.

Хорошо на речке летом

Хорошо на речке летом.
Жаркий полдень. Тишина.
Вся пронизанная светом
В берег плещется волна.
Тростники свои вершинки
В косы синие сплели.
Ярко-жёлтые кувшинки,
Как на блюде, расцвели.

Меж кувшинок горделиво,
Где осоки шелестят,
На прогулку из залива
Утка вывела утят.
Вон охотится за мошкой
Трясогузка у моста.
Зимородок за рыбёшкой
В воду бросился с куста.
Краснопёрый, полосатый
Окунь рыщет в глубине.
Спит и спит налим усатый
Под корягами на дне.
Вдруг ельцы, как дождик частый,
Видя, что пришла беда,
От разбойницы зубастой
Разлетелись, кто куда.
Стихло всё. В воде осока,
Отражаясь, не дрожит.
Крылья размахнув высоко,
Коршун медленно кружит.
Солнце ласковое греет
Так, что ноги жжёт песок.
На бугре клубника зреет,
Набирает сладкий сок.
По цветам с утра до ночи
Собирают пчёлы мёд.
Муравьи спешат, хлопочут –
Дружный маленький народ.
По овражкам пахнет мятой,
Голубеют васильки.
Целый день шумят ребята
За деревней у реки.
Хорошо на речке летом –
Хоть купайся, хоть рыбачь.
Речка, залитая светом,
То куда-то мчится вскачь,
То течёт неторопливо,

Где темнеет глубина.
То сердито, то игриво
В берег плещется волна.

Походная палатка

И где со мною только не бывала
Виды выдавшая походная палатка?
В Саянах, где в июле ветер шалый
Сугробы между скал вылизывает гладко.
Слыхала, как гудят могучих кедров кроны
На Кулумысе – перевале горном;
Слыхала Танзыбея вопли, стоны
На дне ущелия могильно-чёрном.
Пред ней катил свой многотонный груз,
И в летнюю жару ознобом вея,
Прозрачноволный, крутонравый Ус
В объятия седого Енисея.
Несла нас на плоту река Амыл
Нехоженой тайгой, сквозь шивера, заломы,
Где разлетаются на щепки, на распыл
Столетние кряжи, как стебельки соломы.
Видала и пургу, туманы, дождь и град,
И тучи комаров, и полчища москитов,
И сосен вековой парад,
И золото багряного ракита,
И сказочное громожденье гор,
И вечные снега в заподнебесье,
И в камышовых дебрях гладь озёр,
Непроходимые болота бесьи.
То на подножке поезда чуть свет,
То на полutorке попутной степью знойной
Или в лодчонке утлой много лет
Возил её хозяин беспокойный.
Теперь она на отдыхе пока.
Но наша песенка ещё не спета!
Её достану я из рюкзака,

Сложу нехитрые пожитки до рассвета...
И где-нибудь в медвежьей глухомани,
На берегу реки хрустально чистой
Купаться будем в утреннем тумане,
Пьянящий воздух обнимать смолистый
И слушать, как дарят речные струи
Безмолвным берегам глухие поцелуи.

В новогоднюю ночь

По всей стране зажглись огни на ёлках.
Советский труженик-народ
В станицах, городах, аулах и посёлках
Победами в труде встречает Новый год.
Размеренно идёт он необъятной ширью
Страны, рождённой в бурях Октября:
Приморьем, Забайкальем и Сибирью
Придёт под стены древнего Кремля.
И, сдерживая трепет и волненье,
Пройдёт вдоль ряда голубых елей,
Замедлит шаг и встанет на мгновенье
В почётный караул у входа в Мавзолей.

8 Марта

Нас в муках мать на свет произвела,
Всю жизнь за нашу жизнь дрожала
И всех святых на помощь нам звала,
Когда на бой с врагами провожала.
Наш каждый шаг – ей боль или бальзам.
И может, потому до срока на погосте,
Где по весне цветенье трав да птичий гам,
Давно её истлели кости.
У матери моей я баламутный сын.
Нас было семь, но, признаюсь не споря,
Из всех семи, пожалуй, я один
Доставил ей всех больше горя.
Её за подвиг материнский чту,

За жизнь мне данную.
Но всё же
Со мною вместе выпейте за ту,
Которая и в жизни нам дороже!
И против матери я не грешу ничуть.
И будь она жива, она б меня простила:
Я знаю, как сама она любила!
В конце концов, в любви и жизни суть:
Мы смертны все и не минуем тленья,
Но коль жива любовь, то будет обновленье.

Предчувствие

Я долго путаной дорогой
Невольником по жизни шёл,
Пока по воле дьявола и бога
На счастье и беду тебя нашёл.
И с этих пор мне часто снится
В полугорячечном бреду,
Что я, как раненая птица,
Лечу, но скоро упаду.
Чтобы вцепиться мёртвой хваткой
(Какой тропой, не знаю сам),
И день и ночь за мной украдкой
Волчица ходит по пятам.
Мне вороньё беду пророчит,
В угон швыряя камни-грай,
А кто-то нож и зубы точит,
В глухой запрятавшись сарай.
Партком плетёт паучьи сети
Полускопцов, полустарух.
И хлещут языки, как плети,
Пуская непотребный слух.
Нельзя по принятой морали
Не по инструкции любить...
Так избыют, что и едва ли
Потом вообще захочешь жить.

Мосты сегодня сожжены

Теперь всё сказано до точки.
Я отдаю себя на суд.
И, слава богу, эти строчки
Мне облегчение несут.
Но это не успокоенье,
Что все вопросы решены.
Путь перекрыт для отступленья.
Мосты сегодня сожжены!
Пускай мне будет очень больно,
Даю торжественный обет:
Я понесу свой крест достойно.
До остального – дела нет!
Мне надоело промедленье.
Обмана больше не хочу.
Когда не мучают сомненья,
Любые горы сворочу.
И лишь одно мне не подвластно
(О том никто не будет знать) –
Тебя я буду ежечасно
В молитвах тайных вспоминать.

Дочерям

Выстоять! ... Впрочем, едва ли.
Жизни не зная почти,
Как легко вы меня прогоняли!
И как трудно мне было уйти.
Не впервой мне сдавило горло,
И уж, кажется, всё по плечу.
Но такой безысходности чёрной
Даже недругу я не хочу.
Я надеждой обманчивой тешусь:
День сегодняшний прокляня,
Если даже сопьюсь иль повешусь,
Вы когда-то поймёте меня.

И тогда не судите строго,
Как с плеча судили сейчас...
К сожаленью, не верю я в Бога.
Он сгодился бы про запас.

Н.П. Головиной

Стихов тебе немного посвящал,
Хотя такое всё-таки случалось,
Но четверть века я тебя прощал,
А это не простая малость.
Давно с тобой друг другу далеки,
Друг друга много лет не понимали.
Судить сейчас, рассудку вопреки,
Кто в этом виноват, едва ли
Надо. Знаю, что потом,
Когда пройдут и месяцы, и годы
(Войдёт ли кто, иль не войдёт в мой дом),
Я позабуду распри и невзгоды.
Да и теперь не замышляю зла
(А мы не раз друг друга оскорбили!),
Но помню: дочерей мне родила,
Что их по мере сил взрастили.
У нас немало было светлых дней,
Каких, быть может, больше не увижу.
И чтобы светлое хоть что-то сохранить,
Чтобы не ранить нам друг друга снова,
Нам больше рядом невозможно жить,
Пусть это горько и сурово.

Больное сердце

Мне не помогут доктора.
Таблетку на ночь, две с утра...
“У вас сердечко, дорогой, больное,
Побольше сна и вообще покоя”.
Но сердце у меня одно, а надо б пять,
Чтоб дочерям отдать,

Одно обиженному другу,
Да сердце матери детей.
И два бы сердца отдал ей.
Ну как же тут не быть недугу!

Вьюга

Загуляла, закружилась вьюга.
Как она душе моей под стать!
Я её готов, как пьяный друга,
Тискать, обнимать и целовать.
Мчит куда-то снежные охапки,
В хоровод свивая у реки.
Сорвала с елей и сосен шапки,
Как с бояр надменных клобуки.
И дымят вулканами сугробы –
Сказочные чудо-этажи...
Выбраться на улицу попробуй.
Слабый – лучше носа не кажи:
Встретит тумакami в грудь и в спину,
Вымещая бешенство своё...
Я, наверное, когда-нибудь погину
В вихревых объятиях её.
Но всегда ей доверяюсь смело
За родство мятущейся души.
– На, хватай меня! Кому какое дело?
В снежных лапах, сможешь, – задуши!

А.А. и А.К. Шигильчевым
(преподавателям Н. Солянской школы)

По естеству, конечно, с каждым годом
Солянка полнится народом.
И каждый гражданин, семи достигнув лет,
Шагает в школу. Конюх и поэт,
Доярка, слесарь и учёный
Сначала познают простейшие законы.
А сколько с ними муки и мороки!

Нельзя ли сдвинуть эти сроки?
Вчера родился мальчик, например,
Через неделю этот мальчик – инженер.
А лучше бы ещё, он только родился –
Под душем вымылся, побрился,
Прикрикнул на жену солидным басом,
Чтобы несла опохмелиться квасу...
И чтоб не в школу шёл, как нынешний пострел,
А сразу в институт, чтоб возглавлять отдел.
Короче говоря, вынашивается мнение
Учить детей задолго до рожденья.
А как найти к ним, так сказать, дороги,
Решайте вы. На то и педагоги.
И в семьдесят втором на ниве просвещения
Обдумайте свои соображенья.

Дождь и дождь...

Дождь и дождь. Разбухли все дороги.
Небо серое. Насупились дома.
Разъезжаются, скользят, устали ноги.
Плечи давит тяжкая сума.
В той суме не клад и не пожитки,
Но не сбросить мне её, хоть вой.
В той суме утраты и ошибки,
За полвека скопленные мной.
Дождь и дождь. Не разобрать дороги.
Чёрным саваном весь мир укрыла ночь.
Давит груз. Отказывают ноги
По просёлкам жизни грязь толочь.

Вологда

Никогда в краях я этих не был:
От Сибири – сказочная даль!
Голубое северное небо –
Родниковой чистоты хрусталь.
Здесь Руси начало изначальной.

Утопает в зелени листвы
С чисто русской тишиной печальной
Вологда – ровесница Москвы.
Мне по сердцу город деревянный
Из кондовой, смоляной сосны,
Терема, расписанные ставни –
Дань трудолюбивой старины.

По балконам башенки резные,
По карнизам кружевной узор,
Звонкий, как монеты рассыпные,
Цокающий разговор.
Я не против шума, многоцветья
Современных улиц, площадей,
Но свидетелей тысячелетья,
Здесь не рушат храмов и церквей!
На века воздвигнут мастерами
На холме златошеломый храм,

Что овеян древними ветрами
И открыт сегодняшним ветрам.
Я пришёл ко храму не молиться
(То удел старух и стариков),
А у стен замшелых поклониться
Отшумевшей седине веков.
Здесь слагались сказы и былины,
И послов встречали, и врагов,
И стекались ратные дружины
Под набатный зов колоколов.
Кланяюсь тебе, далёкий предок,
Что стоял в строю к плечу плечом,
Что Россию в трудный час не предал,
Заслонив увесистым мечом...
Никогда в краях я этих не был,
Не бывал я раньше здесь, а жаль.
Голубое северное небо,
Северная тихая печаль.

Покой – рутина

Мы часто говорим (совсем напрасно!):
Остановись, мгновенье, ты прекрасно!
Мгновения в небытие уходят,
А люди новые и новые приходят.
И новые мгновенья прежних краше,
И поколение придёт разумнее, чем наше.
Покой – рутина. Даже на мгновенье.
А всё прекрасное в движении.
Джоконда тем века и знаменита,
Что в ней движение трепетное скрыто.
Движение в данный миг. Сейчас.
Движение души – в движении губ и глаз.

Ну что вам рассказать про Хабайдак...

Ну что вам рассказать про Хабайдак –
Разъезд в глуши Восточного Саяна?

Домов два-три, заброшенный барак,
Да под горой бурлит шальная Мана.

Припев

А горы бесконечной чередой
Уходят вдаль, теряясь в дымке синей.
Распадками ползёт туман седой.
Роса легла на травы, словно иней.

Раскинули палатки над рекой
Ботаники-студенты из Тюмени.
Царит в долине утренний покой,
Но им сегодня вовсе не до лени.
В таёжный край приехали они,
Народ весёлый, смелый и горячий,
Собрать гербарий в считанные дни
Саянской щедрой флоры, не иначе!

С утра на плечи вскинув рюкзаки,
Чайку хлебнув таёжного заvara,
Ушли они тропинкой вдоль реки,
Оставив у палаток кашевара.

Тропинку обступили кедрачи,
Берёзы и развесистые ели,
И только в полдень редкие лучи
Сквозь кроны проберутся еле-еле.

В таёжных крепях мрак и тишина,
В сплетеньи трав прохладная истома,
Да горной речки светлая волна
Звенит среди камней и бурелома.
Ну что вам рассказать про Хабайдак –
Разъезд в глуши Восточного Саяна?
Домов два-три, заброшенный барак,
Да под горой бурлит шальная Мана.

Наталья

Рослая, костистая, прямая.

Вспыльчива, чувствительна, умна.
Я такой её и принимаю,
Дочь Владимира Головина.
Нет ни в чём какой-то серединки:
Если веселится, то до слёз,
Если любит, любит без запинки,
Ненавидит – по спине мороз!

Бог состарился

Где-то в небе прохудилось решето,
И лиха беда случилась через то.
Опрокинет бог кадушек целый ряд,
Чтоб послать на землю дождь иль град.
Ходит туча, не пристанет на постой,
Только воду разливает полосой.
Удивляется и сердится народ –
У одних совсем залило огород,
У других посохло всё, и овощей
Не наскоблишь на горшок хороших щей.
Бог не хочет в туче дырку починить,
Он состарился, и кости стали ныть.
У помощников его, у боженят,
На уме одни танцульки, говорят.
Всей заботы – у отца тряхнуть карман,
Увести с собою грешниц в ресторан.
А народу снова зиму зимовать
Без картошки и капусты, в бога мать!

На Селенге

Блестит на солнце лентой серебра
По праву старшая бурятских рек сестра,
В Монголии берёт она начало
И на пути до грозного Байкала
Летит меж гор стремительна, как лань,
Притоков и ключей сбирая дань.
И отягчённая, раздвинув берега,

Хрустальный катит груз по камням Селенга.
На берег вышел человек – кряжистый сын
Угрюмых скал и солнечных долин,
Скуластый и бронзоволицый.
Метнулся в Селенгу бесстрашной птицей,
Гортанно вскрикнул и наискосок
Вразмашку режет пенистый поток.
Могучая река, замедлив бег,
Дивится: “Ну и дерзкий человек!”

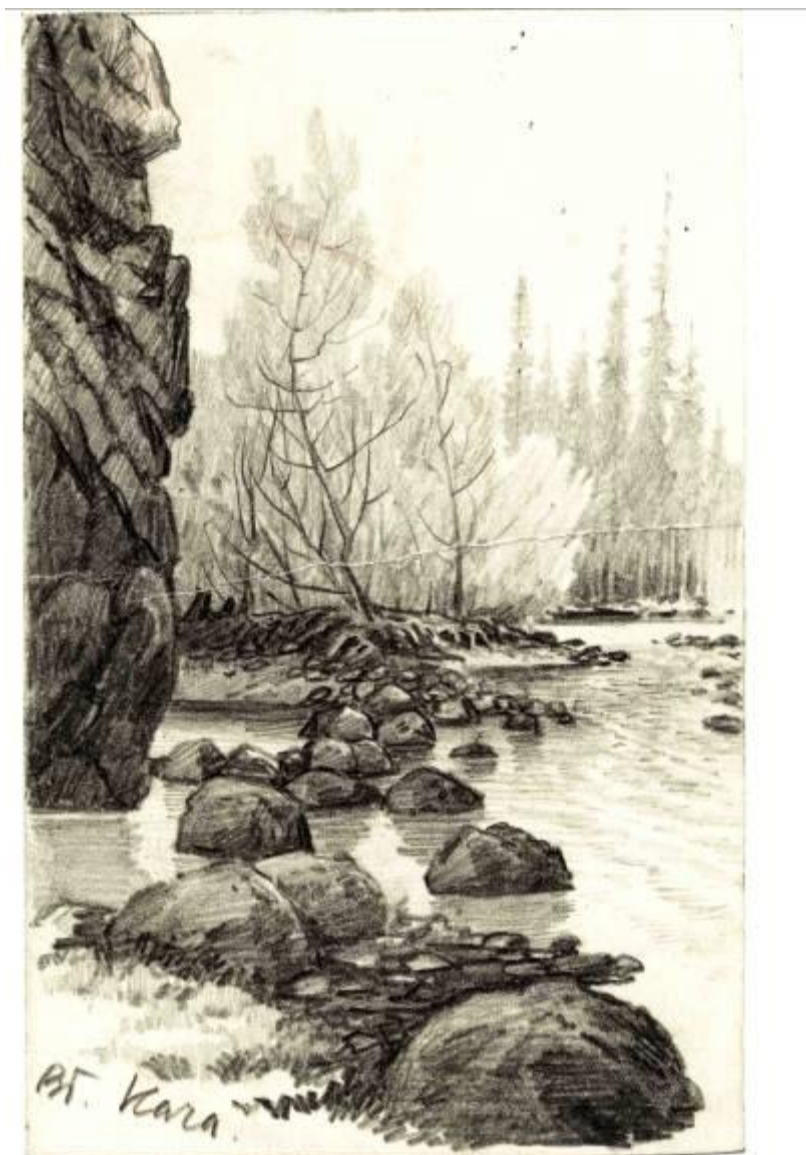
Вождам

Когда был человек почти что зверь
(Дубина, шкура и пещера в круче),
Вождей не возносили, как теперь,
А был он самый ярый и могучий.
И коль сместить вождя замыслил кто-нибудь,
Схватив смолистые пудовые дубинки,
При соплеменниках, открыто, грудью в грудь
Соперники сходились в поединке.
Жестокость, – скажем мы. – Суровый век.
Наш предок и раздет, и безоружен.
Чтоб выжил он, пещерный человек,
Для племени такой был вождь и нужен.
Позднее меньше на вождей везло.
Интриги, заплетённые умело,
Убийство в спину, яд, любое зло
В борьбе за власть пускали в дело,
И власть и титулы уже нужны
Не для того, чтобы служить народу,
Не ради процветания страны,
А низменным страстям в угоду.
Переберите в памяти вождей
Известных нам минувших поколений –
То изверг, то ханжа, невежда и злодей
Народом правили. И раз в столетье – гений.
И гении являлись лишь тогда,
Когда народ в беде, и быть вождём – не благо.

Когда нужны и мудрость и отвага,
А не чванливое величье без стыда.
Но пели каждому вождю хвалу
И гением бессмертным величали.
Однако сразу возводили и хулу,
Как только прах его сжигали.
Вожди, вожди, ни шепоту проныр,
Ни восхвалениям, ни почестям не верьте.
При жизни для народа ты кумир,
А по делам рассудят после смерти.

Внуку Головину Антошке

Сегодня десять лет Антошке.
Осталось говорить баском
И подрасти ещё немножко,
Чтоб стать заправским мужиком.
Опорой стать себе и маме,
А это всё – запомни внук –
Даётся вовсе не слезами,
А силой разума и рук.
Забрось девчоночьи замашки:
Сироп, конфеты, шоколад,
Бисквиты, сладенькие кашки –
Ешь без разбору всё подряд.
Учись и знаний набирайся,
Рисуй, выпиливай, читай.
Ни перед кем не задавайся,
Обидят – спуску не давай.
Здоровым надо быть и смелым,
И много знать, и всё уметь.
Тогда тебе любое дело
Нетрудно будет одолеть.
Иди всех дальше, выше, глубже,
Ты честь фамилии храня,
Таким же будь, а то и лучше,
Как головинская родня.

В.Головин. Кача мелеет. 1988г.

Половодье снегов

Снег и снег, густой и спорый.
Половодие снегов
Расплеснулось на просторе
За пределы берегов.
Пух лебяжий, мех песцовый –
Белопенные снега.
Горностаевой обновой
Приукрасилась тайга.
Ели в праздничные тоги

До вершин облачены.
Спит медведь в своей берлоге
Под снегами до весны.
На заснеженной опушке
У излучины Тубы
Промысловые избушки –
Под сугробом до трубы.
Но плывёт густой и спорый
Снег охапками с небес.
Всё смешалось: небо, горы,
Скалы, пропасти и лес.
Поразвесил снег воздушный
Кружевную пелену.
Но холодный он, бездушный,
Если ты в его плену.
Белизной невинной снега,
Пешеход, не обманись.
И в избушку для ночлега
Раньше сумерек вернись.

По орехи
(шуточный рассказ про Лисунова и нас)

1

Для забавы, для потехи
Собрались мы как-то раз
По кедровые орехи
И, конечно, про запас
Каждый взял с собой по «банке».
Было то ещё в Солянке,
Можно было брать вполне
По андроповской цене.

2

День в пути. И вот мы где-то
За Иланской, у Тайшета.
Ночь настала. Ночью той мы
У таёжной речки Поймы
Без труда набрали дров,

На бугре, где комаров
Отгоняет ветерок,
Распалили костерок.

3

Приглянулась нам коряга,
Свилеватая листвяга.
Вот в костёр бы уволочь,
Верно, хватит на всю ночь.
Но коряжина, холера,
Тяжеленная не в меру.
Трое бились, не могли
Приподнять её с земли.
Подошёл тогда Василий,
Наш товарищ Лисунов.
Без особенных усилий
И не тратя лишних слов,
Взял корягу на плечо,
Вынес в гору, хоть бы чо!
Лишь когда о землю шмякнул,
Пот смахнул и смачно крякнул.

4

Ошалели с первой дозы.
Кто склонился на пенёк,
Кто у спиленной берёзы
Подмости́л себе, что мог.
Только Сурин с Лисуновым,
С шуткой, вроде пили квас,
Дозу повторили снова
Неизвестно сколько раз.

5

Захмелев, мотивчик свой
Сурин ломит над тайгой:
“Миленький ты мой,
Возьми меня с собой...”
А Лисунов по пояс голый
Тенором скорбит в лесную даль:

“Я полон дум о юности весёлой,
Но ничего в прошедшем мне не жаль...”

6

В водке дьявольская сила,
Не износишь на ногах,
И друзей она скосила
Прямо с песней на губах.
Смяв траву, подмяв ромашки,
Спит Василий на спине
Босиком и без рубашки,
Улыбается во сне.
В стылом воздухе летают
То снежинки, то крупа
И у Лисунова тают
В углублении пупа.

7

В ноздри бьёт, таранит слух
Дружный храп, мужицкий дух.
(Разговор не для стиха –
Все во сне не без греха).
В чём же дело? Всё законно!
Люди спят раскрепощенно.
В первозданности такой –
Бесконтрольность и покой.
Ведь давно ведётся в мире,
Что не принято в квартире,
(Скажем, даже в огороде!)
Не зазорно на природе.
В общем, дух густой и стойкий
К табору, как на помойку,
Приманил со всех сторон
Стаи шумные ворон.

8

Две вороны осмелели,
Возле Лисунова сели.

Ближе, ближе...Скок да скок...
Больно цапнули за бок.
Приглянулась им пашина,
Думали, что мёртв мужчина.
Встал Василий, отряхнулся,
Будто только что уснул,
В ручейке ополоснулся
И рубаху натянул.
И без всякого похмелья,
Словно вовсе не пил зелья,
Целый день без передышки
Средь густого кедрача,
Руша и хвоею и шишки,
Бухал колотом с плеча!

9

Вот так сила! Вот так хватка!
Настоящий богатырь!
Удальцами век богата
Вся разбойничья Сибирь.
Здесь народ совсем особый.
Молчаливый сибиряк
Воевать, пахать и строить –
Может всё. На всё мастак.
Ловкий, сметливый, бесстрашный,
В трудный миг не подведёт,
На медведя в рукопашный,
Не моргнув, с ножом идёт.
Ну, а про хмельное зелье
Я скажу примерно так:
Сибиряк, найдя заделье,
Выпить шибко не дурак.

10

А орехи? Что орехи?
В них ли счастье? В этот раз
Нам достались лишь огрехи,
Шишку кто-то сбил до нас.

Зря обманывать не стану –
Брали мы с собой кули,
А орехов по карману
Ребятишкам привезли.

В степи

Шею изогнув дугой,
Молодой и сильный,
Ходит месяц золотой
По степи ковыльной.
Протыкают ночи тьму
Синие иголки.
Как не силюсь, не пойму –
Звёзды или волки.
На курган от тёмных сил
Налагая табу,
Древний предок водрузил
Каменную бабу.
Видно, здесь, среди могил,
Вождь – степняк раскосый –
Кровь горячую пролил
В утренние росы.
И от тех кровавых рос
Ковылей метелица
Космами седых волос
По кургану стелется.

И он повинен, и она

И он повинен, и она,
Что вместе их порой терзала скука.
Но вот размежевала их разлука,
Как пропасть,
Что не видно дна!
Тут и хватились.
Рядом жили,
А счастьем близости не дорожили.

На могиле Аркадия

Мишура бумажных цветов,
Венки из каких-то обрезков,
Серое небо без облаков,
Ветер студёный и резкий.
Свежая насыпь красной земли,
Рыхлой, ещё не осевшей.
Снегом припудренные ковыли
Хакасской степи онемевшей...
Здесь, в лабиринте ажурных оград,
Скамеек, холодных надгробий,
Путь завершив, упокоился брат,
Немой для восторгов и болей.
В обычные сроки растают снега,
В арыки осыплется пух тополиный,
Отзеленеют леса и луга,
Осень отплачет тоской журавлиной.
Ни свежесть арыков, ни шум тополей,
Ни суховеи, ни чёрные бури,
Ни звон жаворонка, ни стон журавлей
В прозрачной, сжимающей сердце лазури,
Ни шёпот влюблённых в вечерней тиши,
Ни их расставанья, ни встречи –
Ничто не коснётся его души.
Покой его страшен и вечен.

В парке

Жухлый лист запорошил аллейки.
Лёгкий иней побелил скамейки.
На павильоны и киоски
Наперекрест прибиты доски.
Не зима, а холодно уже,
Да и пусто, как в моей душе...

Кот и лиса
(по мотивам русских народных сказок)

На отшибе, у опушки,
В старой низенькой избушке
Не упомню, сколько лет,
Жили-были с бабкой дед.
Ни сынка у них, ни внука,
И была б такая скука,
Если б не жил без забот
С ними вместе Васька-кот!
Умный, ласковый такой!
Только тронь его рукой,
Спинку выгнет Васька-кот,
Замурлычет, запоёт.
Да и хлеб он ел не даром,
За кладовкой и амбаром
Так следил, что если мышь
Заберётся, то, шалишь,
Не уйти ей от расплаты,
Васька сцапает усатый.

Если б вечно мир да ласки,
Не было б и этой сказки.
Шёл да шёл за годом год,
Постарел Василий-кот,
Ослабел и с давних пор
Не несёт ночной дозор,
Только спит и спит на печке.
Не горят глаза, как свечки,
Притупился Васькин слух,
На боках свалялся пух.
Мыши вовсе обнаглели:
В кладовой мешок проели
И сгубили за ночь враз
Годовой пшена запас.
Осерчал на Ваську дед:
“Спишь да ешь, а толку нет!”

С бабкой дело обсудили
И кота прогнать решили.
Унести насилу смог
Васька ноги за порог.

С бабкой дед вдвоём остались.
Злость прошла, вернулась жалость.
Повздыхали, потужили,
Стали жить, как прежде жили,
А не грызла чтоб тоска,
На базаре петушка
Сторговали за полушку,
Принесли себе в избушку.

Где же наш бездомный кот?
По тропинке он бредёт,
Обессилив с голодухи –
Скоро ночь, а пусто в брюхе.
Тянет холодом с болот,
Кот бредёт, бредёт и вот –
Встал стеною до небес
Неприютный тёмный лес:
Ели, сосны да берёзы.
С горя льёт несчастный слёзы,
Страх не может превозмочь,
А кругом глухая ночь.
В каждой кочке и коряге
Гибель чудится бедняге.
Вдруг нечаянно в лесу
Встретил рыжую лису.

Рассказал её по порядку
И про деда, и про бабу:
Как им верой он служил,
Как добро их сторожил,
Как под старость занемог,
Как прогнали за порог,
Как шагал он по дорожке,

Как не ел давно ни крошки.
Успокоила лисица:
“Вешать носа не годится,
Из беды всегда, ей-ей,
Выручаю я друзей.
А пока что до поры
Хватит нам моей норы.
Поживи да погляди,
Дело будет впереди”.

Тайной, чуть заметной тропкой,
Тихой рысью неторопкой
Повела кота лиса
В дом к себе через леса.
Ваську кашей накормила,
Мох душистый расстелила
И велела отдыхать,
А сама пошла гулять.
И гуляла не без толку:
Заглянула в нору к волку
И сказала: “Старший брат,
Верно, тоже будет рад,
Прибыл гость ко мне заморский –
Дон Базильо, кот ангорский.
Много он лесов изведаль,
За столом у льва обедал.
Не зазнался всё же, вот
Оказал и мне почёт”.
“Слушай, – волк сказал, – лисица,
Ты мне, кажется, сестрица?
Так по-свойски удружи,
Иностранца покажи!”
“Серый, тут такое дело,
Коль нужда тебе приспела,
Вечерком неси овечку
Мне под самое крылечко,
Сам запрячься где-нибудь.
Да смотри не позабуди:

Если кот тебя заметит,
То не жить тебе на свете”.

Знают все: лиса – плутовка,
Обманула так же ловко
Косолапого она.
Ошалел медведь со сна,
Про кота услышав сказки,
Согласился без огласки
Вечерком лисе принести
Целиком быка, как есть.
“Сам я спрячусь, даже кот
Не заметит... Не найдёт”.

День прошёл. Завечерело.
Волк пожаловал несмело.
Потихоньку у крылечка
Со спины свалил овечку,
Сам укрылся с головой
Прошлогоднею листвой.
А медведь издалека
Годовалого быка
Приволок, на ель залез
И затих. Безмолвен лес.
Тишина, уснули птицы.
Появляется лисица,
И зовёт: “Любезный кот,
Закусить пришёл черёд.
Хоть еды и маловато
(Я живу ведь небогато),
Не суди меня, не надо:
Чум богата, тем и рада”.
Кот схватил быка за ухо,
Заворчал сердито, глухо:
“Мяу-мяу-мяу-мяу!”
“Ну дела! Ему всё мало!”
Волк с медведем онемели:
“Столько бы вдвоём не съели!”

И глядят, глазам не веря,
На диковинного зверя.

Вдруг комарик прилетел,
Волку прямо на нос сел,
Укусил его пребольно,
Волк поёжился невольно.
Кот заметил: возле кочки
С места сдвинулись листочки.
Он решил, что это мышка.
“Ах ты, – думает, – воришка!”
Прыгнул кот, когтями враз
Выдрал волку левый глаз.
Волк завыл от боли дикой.
Мишка думает: “Гляди-ка,
Не на шутку этот кот
Взял волчишку в оборот”.
Кот, увидев волка, с маху
Кинулся на ель со страху.
Испугался глупый мишка:
“Мне на ёлке будет крышка.
Кончил волка страшный зверь,
Разорвёт меня теперь,
Видно, сильно рассердился...”
Мишка с дерева свалился,
Ободрал об сучья бок,
Грудью трахнулся в пенёк,
Лбом в кромешной темноте
На осину налетел
И умчался напрямик
Через ельник и тальник.

После этой передряги
За рекой в глухом овраге
Косолапый волка встретил.
Волк дрожал. Всего на свете
Он боялся. И не чудо:

Ох, как выглядел он худо!
Нелегко пришлось и мишке:
Между глаз вскочила шишка,
Изодрал он шубу в клочья,
Когда лесом мчался ночью.
Подошла к нему лисица,
Чтоб за гостя извиниться.
Не сердитесь, мол друзья,
Вас предупреждала я.
Хорошо, что он смирился
И в погоню не пустился,
Знаю я его натуру,
Коль догнал, содрал бы шкуру.
Первым волк заговорил:
“Что тут делать, Михаил!
Кот настигнуть может нас
Через день иль через час.
Он поел и спит покуда –
Уходить давай отсюда”.
Проворчал медведь: “Похоже,
Что и я замыслил то же”.
Тут они с лисой простились,
В путь-дороженьку пустились.

А лиса? Лиса ликует.
Битый час коту толкует,
Что в лесу теперь она
Будет царствовать одна.
А быка и той овцы,
Что припёрли молодцы,
Что достались без хлопот,
Хватит им на целый год.
«Заживу теперь богато!..
А курятинки когда-то
Вдруг в забаву пожелаю,
Где проворить, тоже знаю.
До меня дошёл слушок,

Что завёлся петушок,
И совсем недалеко,
Да и взять его легко».

Как-то утром привела
На окраину села
Ваську рыжая лисица
И велела схорониться:
“У забора посиди,
За дорогой последи.
Здесь сердитые собаки,
Не хочу я с ними драки –
Очень шубку берегу.
Стереги. Я побегу”.
За углом через плетень
Прянула лиса, как тень,
На подворье бабки с дедом,
Что давно лисице ведом.
Что таить? Была пора –
Кур таскала со двора.
За заваленкой она
Притаилась у окна.
Ждать пришлось совсем немножко.
Отворилось вдруг окошко.
Бестолковый петушок
Из окна в ограду скок!

А лисе того и надо.
Цап его – и за ограду!
Петушка истошный крик
Услыхал в избе старик.
Палку наспех он схватил –
И в погоню, что есть сил.
Кумушка бежит вразвалку,
Дед за ней, махая палкой,
Отставая с каждым шагом.
У ручья перед оврагом

Замер дед, разинув рот.
Чудеса! Василий-кот
Из крапивы от забора
Грудью бросился на вора.
Он впился лисице в бок,
Вырвал шерсти рыжей клочок,
Откусил лисе пол-уха,
Расцарапал грудь и брюхо...
Петю бросила воровка,
Над оврагом узкой бровкой
В пересёлок от села
Красной молнией пошла.
Как и дед и баба рады,
Не сказать, да и не надо.
Только вновь который год
Ваське ласка и почёт,
Даже глупый петушок –
Шелковистый гребешок –
По ночам поёт вполсилы,
Чтоб спокойно спал Василий.

Курочка Ряба *(сказка)*

Ведущий:

– На поляне у речушки
В старой низенькой избушке
Мирно, дружно много лет
Проживали с бабой дед.
Дед выращивал картошку,
В омутах ловил рыбёшку.
Огурцов и луку грядку
Под окном садила бабка,
В лес по ягоды ходила,
Хлеб пекла, уху варила.
Так и жили старики
Возле леса у реки.
С ними в горнице жила

И любимицей слыла
Куточка, конечно, ряба.
Как-то ей сказала баба.

Баба:

– Даже маленькие птички
Каждый день несут яички.
Ты – не птичка-невеличка,
Хоть бы раз снесла яичко.

Дед:

– Ты как дочь у нас живёшь,
Рожь отборную клюёшь.
За упрёк меня прости,
Надо бы яиц снести.

Куточка-ряба:

– Если вы хотите очень,
Так и быть, снесу я к ночи
Вам яичко не простое,
Не простое, золотое!

Ведущий:

– Что за диво! На рассвете
У забора возле клетки
С бабкой дед яйцо нашли
И в избушку принесли.
А яйцо горит как жар,
Будто сделался пожар.

Бабка:

– Дед, яйцо-то не простое,
Видно, вправду, золотое.

Дед:

– На, разбей и посмотри –
Золотое ли внутри.

Ведущий:

– Били, били бабка с дедом
Аж до самого обеда,
А яйцо осталось цело,
Всё блестит, как и блестело.

Дед:

– Золотое, не иначе!

Вот удача так удача!

Бабка:

– Полежит пускай на полке,
Там, где нитки и иголки.
Продадим его потом,
В зиму купим новый дом.

Ведущий:

– Только чуть за вечерело,
Мышка вылезла и смело
Стала шарить тут и там
Под столом и по углам.

Мышка:

– В брюхе пусто у мышат.
Вон как с голоду пищат.
Отыскать хотя бы крошку,
Чтоб погрызли хоть немножко...
Третью ночь ищу без толку.
Заберусь ещё на полку.
Страшно, там блестит чего-то...
Ну и ладно. Есть охота.

Ведущий:

– Забралась она на полку,
Укололась об иголку.
Резко хвостиком вильнула
Да яичко и столкнула.

Бабка:

– Ах, беда какая! Дед!
Да проснись!.. Яйца-то нет.
Расколосось на кусочки,
В пыль рассыпались комочки.
Ветер пыль смахнул с крыльца,
И будто не было яйца.

Ведущий:

– Сбросил дед с себя овчину,
Запалил скорей лучину.
Осветил в избушке пол,
Но яичка не нашёл.
Плачет дед, и бабка плачет,

Громко курочка кудахчет:

Курочка-ряба:

– Куд-кудах-кудах-куда...

Это горе не беда.

Не плачь, баба, не плачь, дед.

Куд-кудах, даю обет,

Что снесу теперь простое

Вам яйцо, не золотое,

Как все курицы несут.

Куд-кудах-кудах-куд-куд!

Ведущий:

– И такого-то числа

Курочка яйцо снесла.

И яйцо не золотое,

А обычное, простое.

Из яйца в короткий срок

Вылупился петушок.

Дед доволен, бабка рада.

С этих пор из их ограды

Улетает за реку

По утрам: «Ку-ка-ре-ку!»

А у рябой у хохлатки

Просыпаются цыплятки

Под крылом у мамы-квочки,

Как пушистые комочки.

Сказке подошёл конец.

А кто слушал, молодец!

Тараскин гол

Не подсел на этот раз

К телевизору Тарас.

Отвернувшись от экрана,

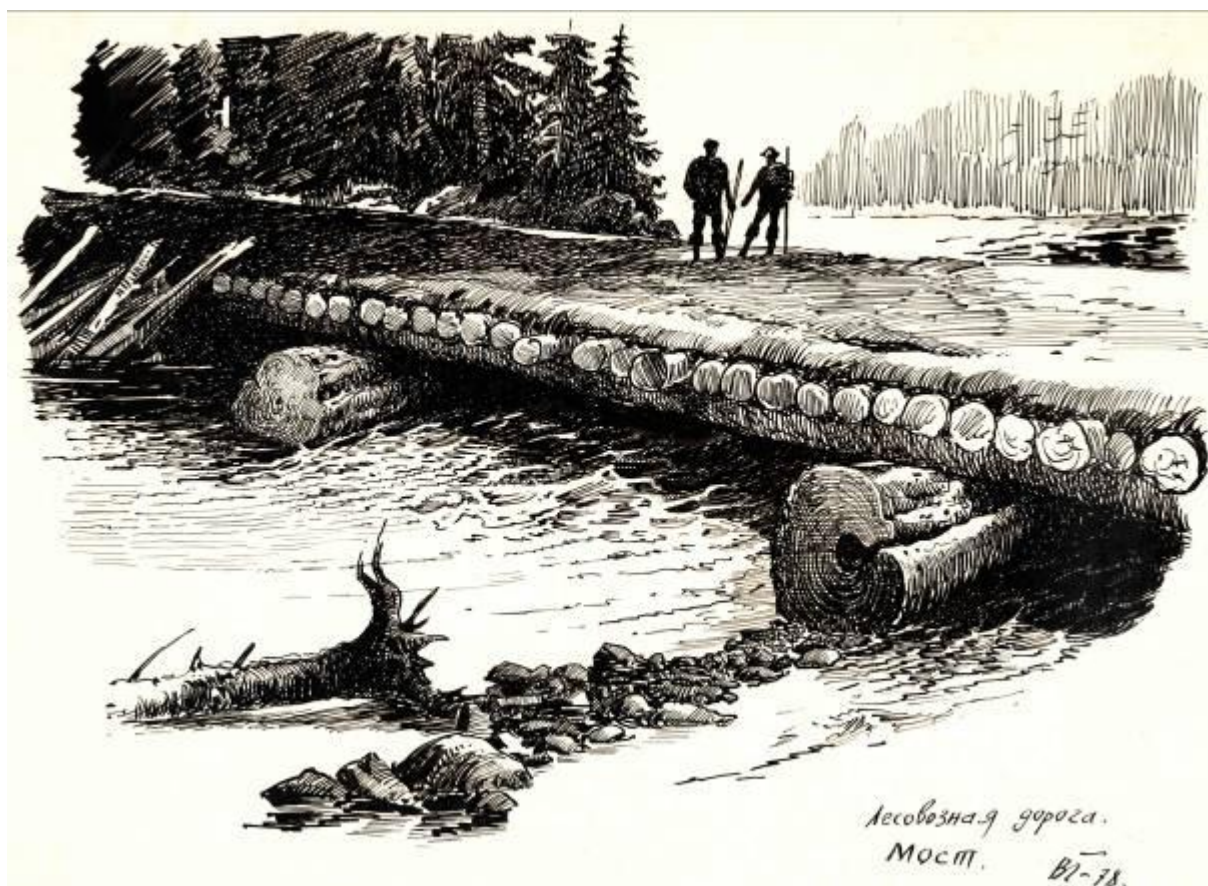
Он в постель улёгся рано.

И уроков не учил,

С горя он о них забыл.

Наш Тарас играл в футбол

И забил победный гол.
Только закружился что-то,
Гол забил в свои ворота.
Вот и мается Тарас:
Как придёт он завтра в класс?

“А друзья – теперь хоть плачь –
Не простят мне этот мяч!”
И, естественно, Тарас
Всех поздней явился в класс,
Незаметнее, как мог,
Сел за парту в уголок.
В класс вошёл и от порога
Заявил учитель строго:
“Вы должны сегодня знать
Умножение на пять”.
Петр Фомич журнал раскрыл,
Чуть подумал и спросил:
“Сколько будет пятью ноль?”

Отвечать, Фролов, изволь”.
У доски Тарас Фролов
Встал, потупился без слов,
Оттого, что класс подвёл.
“Чтоб пропал он, этот гол,” –
Горько думает Тараска.
Только что это? Подсказка?
“Будет ноль... ничья...ничья, –
Шепчут радостно друзья. –
Гол твой судьи не зачли.
По нулям. Ничья. Нули!”
“Значит, ноль!”– вздохнул Тарас.
“Ноль!”– воскликнул хором класс.
Пётр Фомич сказал Фролову:
“Молодец. Пятёрка снова.
Но причём какой-то гол?
Здесь урок, а не футбол”.
Только известил звонок,
Что окончился урок,
Встал Тарас и прямо, честно
Рассказал, что нам известно,
Что урок он не учил,
Зря пятёрку получил.
Правда, путанные фразы
Понял Петр Фомич не сразу.
Рассмеялся наконец:
“Всё равно ты молодец!”

Груздь

Как-то вырос под осиной
Груздь и крепкий, и красивый.
Стало вдруг ему обидно,
Что красы его не видно,
Что хвоёю и листвой
Он засыпан с головой.
Груздь упёрся в землю ножкой,
Поднатужился немножко,
И листву, и мох примял,

Гордо голову поднял.
Груздь недолго красовался,
Скоро грибнику достался.

Именины воробья

В именины воробья
Собрались к нему друзья.
Юбиляру в день рожденья
Наташили угощенья.
Ёжик на спинных иголках
Яблоко принёс. Кошёлку
Овощей принёс косой,
А козёл вилок большой.
Белка притащила шишку,
Принесла ворона мышку,
Бурундук грибы принёс,
Мозговую кость Барбос.
Приволок медведь колоду
Вкусно пахнущего мёду,
Горностай принёс рыбёшку,
Туюсок сметаны – кошка.
Бобр принёс кусок лесины –
Поглодать кору осины.
Именинник воробей
Угощал своих друзей
Коркой хлеба и зерном:
Рисом, гречей и пшеном.
А подарки почему-то
Не понравились ему.
Кто ответит: почему?

Вышла девочка из сада

Из калитки за ограду
Вышла девочка из сада.
Маму за руку взяла,
По тропинке повела,

Чтобы за овражком мама
Вдруг не угодила в яму,
Не ужалилась крапивой,
Чтоб передничек красивый
Не испачкала в песочке,
Не споткнулась бы на кочке,
Не стоптала бы сапожки
И не промочила б ножки.
Девочке четвёртый год,
А сколько у неё забот.

Лов зубатки

В мае самый лов зубатки.
У Горошихи палатки
На реке вразброс и в ряд
Разноцветные пестрят,
И блестят на солнце груды
Рыбы и стеклопосуды.
Рядом кружится народ,
Как весной водоворот,
Это рыщут рыбаки,
Ищут рыбы косяки.
Рыбы нет, ушла куда-то.
Вместе сходятся ребята.
Для сугрева и с устатку,
За удачу и зубатку,
За надёжные поклёвки
Разливают поллитровки...
Не спеша жуют горбушку,
Пирожок или ватрушку,
Озираются вокруг,
Жадно ждут чего-то. Вдруг
Рыбку выдернул старик.
Все бегут к нему и в крик:
“Подошла! Пошла, ребятки!
Торопись имать зубатки!”
Тёмной тучей налетели,

Старика кругом обсели,
И пошла, пошла работа,
Сразу по две ловит кто-то,
Кто-то леску спутал, мать
Начал громко поминать.
Женщины с мужицкой хваткой
Тоже дёргают зубатку.
А зубатка ошалела,
Что ни кинь, глотает смело
Глаз её, её бочок
И совсем пустой крючок.
Дикий клёв недолго длится,
Но у лунок серебрится
Ворох рыбы там и тут
За каких-то пять минут.
И по всей курье приречный
Свежий запах огуречный.
Вот косяк своей дорогой
Прокатился. Понемногу
На реке утихли страсти,
Рыбаки сложили снасти,
Разбрелись и в одиночку
По-над лунками, как квочки,
В тайных таинствах реки
Поджидают косяки.
Верят: к ночи иль к обеду,
Может, завтра, может, в среду
Кто-то крикнет: -Эй, ребятки!
Подошёл косяк зубатки!
К ночи прибыл вертолёт,
К трапу кинулся народ.
А на льду (подумать страшно,
Как живём мы бесшабашно!) –
Всякий хлам: штаны, портянки,
Котелки, бутылки, склянки,
И пока хватает глаз –
Продовольственный припас.
Булки хлеба, сушки, плюшки,

Макароны, постряпушки,
Вермишель, крупа, галеты,
Здесь же брошены котлеты,
Банки вскрытые тушёнки...
В бога, в душу, в перепонки!
Люди были здесь иль стадо?
Полно! Хмуриться не надо.
Тем припасом, может быть,
Семью можно год кормить.
Пусть, хотя бы для примера,
Старика-пенсионера.
У него всего достатка
Часто пенсии тридцатка.
Ввозим мы из-за границы
Сотни тысяч тонн пшеницы,
Может, платим из кармана
Всё того же ветерана,
Но швыряет стар и млад
Хлеб – начало всех начал.

Рыбаки на Енисее

Суров осенний Енисей.
Валы пенно-гривастые
Дробятся с рёвом на косе
О валуны лобастые.
Чугунно-чёрная вода
И небо к ночи чёрное...
Укладывают невода
В дощаники просторные
Напротив ввоза рыбаки
Слаженно, заученно,
И в ночь уходят вниз реки,
Куда-то за излучину.
На стрежне ветер больно лют,
То воет он, то свищет.
Крутые волны бьют и бьют
В левый борт и в днище.

Но твёрдо правит рулевой,
Обходит мели точно.
Он вырос здесь и не впервой
Ведёт дощаник ночью.

По Кашпировскому

Зашёл козёл, к примеру, в огород,
И грядки топчет, и капусту жрёт.
Психуют многие, хватают хворостину
И ну дубасить бестолковую скотину.
Козла не будем гладить по головке.
Попробуем ему дать установку:
“Я сосчитаю... раз... до тридцати,
И сам козёл...два...три...должен уйти.
А не уйдёт...четыре...пять...
Тогда дубину можно взять”.

Бессменно папиросы-трубы

Бессменно папиросы-трубы
Курят на город ядовитый смрад.
Их стерегут оскаленные зубы
Железных заводских оград.
И меркнет, меркнет неба бирюза.
У стен бетонного колосса,
Ставнями прикрыв глаза,
Дома притихли, ожидая сноса.
Чего мы только (боже!) не снесли!
Дома и головы, часовни и соборы...
К гибели Россию привели
Тупицы, палачи и воры.
И вот, порвав узду и тормоза,
И ни во что уже не веря,
Взметнулась, выпучив глаза.
Идеология взбесившегося зверя.

Очнись, народ!

Люди, ощутив свободу,
Партийных догм ломают борозду.
Верхушка партии встревожилась, народу
Спешит натянуть прежнюю узду.
Перешагнув все нормы демократий,
На съезд открыла заднее крыльцо,
Минуя выборы, “элите” партии.
А первое партийное лицо,
Как экстраисключительную меру –
Не волей масс! Генсека своего
На съезде двинули в премьеры,
Где аппаратчиков партийных большинство.
Не верю я в благие перемены,
Что вдруг неограниченную власть
На блюде поднесут народу супермены,
Вкусивши барский привилегий сласть.
Народ, дураченный и пуганный
То словоблудием, то палачом –
Расстрелянный, ограбленный, поруганный –
Очнись и поднимись к плечу плечом!
Не верь тебя терзавшим партократам,
Не верь сладкоречивой лжи,
Тебя уже опутавшей когда-то.
Им из правительств двери укажи!

Е.Н. Пронину

Душой восторженной не раз,
Как, впрочем, все поэты,
Он возносился на Парнас –
Неисправимый ловелас
И песенник отпетый.

* * *

Полярники, изыскатели, геологи...
В безмолвной пустыне, в стужу

Замерзающими пальцами
Пишут строки, нужные людям.
Усилиям воли заставляют мыслить
Стынувший мозг... Последние в
Жизни слова, не о себе... слова,
Что нужны людям.
Какая сила!

* * *

Будто инопланетянин
Лёг вчера на бережок,
Как лазутчик в мирном стане,
Уж не тающий снежок.

* * *

Не миновать могильной тьмы.
Я не могу понять:
Зачем же так стремимся мы
Подмять или отнять?

* * *

Из тонких нитей ткут рубаху,
Из суммы капель – океан.
Из моря слёз возводят плаху,
Где сложит голову тиран.

* * *

Кто ответит, если знает,
На черта собака лает?
Ночью лает, днём спала,
А разбудила полсела.
Ведь и лаять не пристало
Бестолково, как попало.

Я за друзей сегодня пью

Мы пригласили вас, друзья,
В своё казенное жилище
Испить по штофу питья
И поделиться скромной пищей.
Веками выверен обычай:
Дни радости и дни печали
Без всяких рангов и различий
Друзья застольем отмечали.
Прошёл я долгий путь солдата.
Склоняю голову, скорбя
О тех, что за меня когда-то
В бою подставили себя.
Служила мне всегда примером
Та наша дружба на войне
Между солдатом, офицером,
Как между равными вполне.
Война нас уравнила прочно.
И офицер и рядовой –
(При чём тут ранги!) так же точно
Все рисковали головой.

Постиг я, будучи солдатом,
Когда в страну пришла война,
Когда уже убили брата,
Что на миру и смерть красна.
Не кланяясь костлявой смерти,
Перед лицом друзей своих,
Бесстрашно мы дрались, как черти,
Нередко каждый за троих.
...Из боя вынесли друзья.
Я в санитарной части ожил.
Без тех друзей, бесспорно, я
До юбилея бы не дожил.
Конечно, долг. Конечно, служба.
Устав. Присяга... В чём вопрос!
Но я уверен, что и дружба
Внесла в победу важный взнос.
Я за друзей сегодня пью.
За тех, с кем воевали вместе,
И тех, что седину мою
Пришли сегодня удостоить чести.
Что можно взять на сто рублей?
Коробку спичек, может быть.
А настоящих сто друзей
За миллиарды не купить.
С терпением подлинного друга
Заботы, ложе и досуг
Со мною делит первый друг,
Моя бесценная супруга.
Что ж, дорогие господа,
Я с вами веселюсь и плачу.
И кажется мне иногда:
Без вас я вряд ли что-то значу.
Итак, до донышка!
По всей!
За верность в дружбе!
За друзей!

Какая благодать!..

Спозаранку подошёл к окну
И не мог поверить чуду –
Ослепительную белизну
Кто-то ночью расстелил повсюду.
Вышел торопливо на балкон,
Чтоб студёной свежести напиться,
И послушать нежный перезвон
Гостьи – непоседливой синицы.
Воздух и целителен, и чист,
С привкусом хвои оледенелой.
Горечью припахивает лист
На кусту рябины перезрелой.
Боже мой! Какая благодать
Жить в приволье сказочной Сибири!..
Обещают даже пенсию отдать,
И тепло не отключать в квартире.

Дорогой юбилярше

У Клавы нынче возраст пенсионный.
И вместе прожито семнадцать лет.
От этой женщины неугомонной,
Спортивной, в шахматы влюблённой,
Исходит ровный, хоть неброский свет.
Терпенья бы хватило не у многих
Весь день-деньской воспитывать детей,
Обиженных людьми детей убогих,
Не знающих приличий, правил строгих
И не умеющих обуздывать страстей.
У ней хватает выдержки и ласки,
Чтоб заменить им и отца и мать.
Немного пожурить, читать стихи и сказки,
Гулять в лесу, раскрашивать раскраски
И ссоры бурные унять.
А дома ждут не меньшие заботы:
Прибрать, стирать, картошку посадить.

Короче: непочатый край работы.
В конце концов, еще сготовить что-то,
Чтобы и мужу чем-то угодить.
Со мной ей жить, надеюсь, интересно,
Но, знаю, очень трудно иногда.
Художник и поэт – со стороны прелестно!
Но только было бы известно,
Что привереды эти господа.
А я ещё контужен на войне,
И часто гнут в дугу бывшие раны,
А потому невыдержан вдвойне.
Жена обычно уступает мне,
Стараясь не обидеть ветерана.
Я низко кланяюсь подруге и жене,
Публично признаюсь в день юбилея:
Во всём, что удаётся в жизни мне,
Её заслуга равная вполне.
Она помощница во всём, что я умею.
Так за тебя, любимая жена,
Бокалы мы опустошим до дна!

Союз ельца и лебедя (сказка-басня)

Пятый год, как наш елец
Танки двинул на дворец,
Власть в державе захватил,
Море в лужу обратил,
Мелочёвке в этой луже
Жить становится всё хуже.
Не укроешься нигде
От акул в такой воде.
Воровство, коррупция,
Разбой да проституция.
Глянешь: даже там и тут
Хищники друг друга жрут.
А правителя ельца
Стерегут в стенах дворца

Тысяч сорок караула-
Щуки, судаки, акулы.
На окраине ерши
Захватили камыши,
Разделить хотят на части
Море, что в ельцовой власти.
Нынче лебедь и елец
Вроде спелись наконец,
Чтобы враз в разбойном море
Учинить порядок вскоре,
Басню дедушки Крылова
Испытать желая снова,
Щуку заменил елец,
Рака даже на крылец
Царедворцы не пустили,
Оплевали, оскорбили,
Не допустим, мол, возврата:
“Он же пятится назад!”
Лебедю велел елец
Смутам положить конец,
Но не вышло бы конфуза
Из таковского союза.
Ведь означенные лица
Молчуны, как говорится.
Года три, я полагаю,
Надо этим краснобаям
Огороды городить,
Чтоб хоть что-то обсудить.
Не случайно же ельцу,
Как монаршему лицу,
Не было б какой промашки,
Речи пишут на бумажке
Замы, помсекретари,
Крючкотворы и хмыри.
Сам он вдруг такое скажет,
Мол, сейчас на рельсы ляжет.
Или скажет о Чечне:

«Положу конец войне
Дня за три или четыре,
Сидя здесь, в своей квартире».
В общем только врать умеет
И при этом не краснеет.
Что попишешь? Виноват...
Но правитель дубоват.

С ходу он не скажет сразу
Даже путаную фразу.
Помычит, прищурится,
Минут десять хмурится.
Выдавит с трудом полслова
И мычит, нахмурясь, снова.
Если ж ляпнет с маху что-то —

Ни в калитку, ни в ворота!
Лебедя позвал елец,
Раскусив, что тот подлец,
По-присловью: свояка
Видит свой издалека.
Ну а голоса, конечно,
Пригодились, делом грешным,
Без того бы и ельцу
Путь закрыли ко дворцу.
Надо знать бы, что елец
Не простак, не оголец...
Лебедя, наверно, снова
Ждёт трагедия Руцкого.
На тарелочке весов
Тот подкинул голосов,
А потом елец бедняжку
Упечатал в каталажку.
Ну а нам, ядрёна мать,
Остаётся только ждать:
В долгом времени иль вскоре
Обратят клоаку в море.

Шутка (Семенькову А.Ф.)

Ты нацарапал мне записку,
Засунул за дверной косяк...
Я лампочку придвинул близко,
Вертел записку так и сяк...
Ну почерк!.. Будто птица лапой
Поднаследила на снегу.
И так обычно эскулапы
Все пишут, словно на бегу.
Лишь полубуквы, полуфразы,
Полунамёки на слова.
Возьмись читать, пожалуй, сразу
Поедет крыша... Дважды два!
Я знаю: ты поэт, охотник,

Учёный, инженер, хохмач,
Историк, педагог и плотник...
По почерку...ещё и врач?

Из записной книжки

Я говорю о тех, кто шёл в атаку рядом,
О тех, что погибли. Я говорю о них.
Их не представили к заслуженным наградам.
Наградой отмечали нас. Живых.

* * *

Сползают с гор косматые туманы,
Как колдуны, застыли кедрачи.
Ласкают волны непокорной Маны
Росой умытые лучи.

* * *

Какой-нибудь прохвост и подхалим
В угоду бюрократу-самодуру,
Чтоб выслужиться перед ним,
И в душу наплюёт, и слупит шкуру.

* * *

Ох, до чего живуч я всё же!
Чего не выстрадал, а жив.
Мне только с сердца ободрали кожу,
Для болей и ранений обнажив.

* * *

И после фронта я не раз контужен
Интригами продажных сволочей.
Мой стих на сквозняках простужен
И вымучен бессонницей ночей.

* * *

...Ответственность и честь!
Мы, россияне, потому в ответе
За всё, что будет, и за всё, что есть
В огромном мире, на Земле-планете.

Шуточное пожелание Н.А. Сурину в день 60-летия

Человек проходит год от года
(Как его родившая природа)
Дни весеннего беспечного расцвета,
Зрелость возмужания и лета.
А когда стучится старость у порога,
То и в ней, толкуют, счастья много.
Мол, недаром в мудрости простой
Старость называют золотой.
Я-то на восьмом десятке знаю –
Не такая уж она и золотая.
И в песенку не верую, признаться,
Мол, мои года – моё богатство.
За диетой, говорят, следи,
Выпивку и женщин обходи –
Полнота, склероз и диабет,
А чтоб подлечиться, баксов нет.
Дорожает грошевой уют,
Даже пенсию и ту в срок не дают!
Хоть и пенсия, по сути, подаянье,
Тут уж, милый друг, не до гулянья.
Мой тебе совет: остановись,
Не спеша, спокойно оглянись.
Старости легко не поддавайся,
В летней зрелости подольше оставайся.
Что любил, по-прежнему люби,
Только норму всё же соблюди,
Чтоб сберечь естественный запас
На много лет, на много раз.

**Заслуженному деятелю науки РФ академику
Николаю Александровичу Сурину к 60-летию**

За свой пока не очень длинный век
Успел немало этот человек.
Стал академиком, заслуженным к тому же,
В семье почтенной и отцом, и мужем.
Хотя, конечно, Сурин не монах
(Да не огневится на него Аллах!),
И рюмку мимо рта не проносил
Во здравие, коли на всё хватало сил.
Надеюсь, каждый подтвердит уверенно и смело,
Что вольности его не тормозили дело.
Ведь новые сорта не принесут на блюдец,
Они талантом и упорством создаются.
Сорта, что юбиляром созданы,
Засеяли почти что полстраны.
Что ж пожелать тебе, чем удружить,
Чтобы ещё науке послужить?
Пусть будет впредь ничто тебе не чуждо:
Любовь, застолье, труд и дружба.
Пусть сохранит тебе господь здоровье
И отведёт наветы и злословье.
А юбилеи отмечай не часто,
Примерно, лет чрез полтора.

Всё равно живу

Три раза в сутки каждый раз —
Трентал, фентал и бетеназ,
Нитросорбит и мацинил...
Таблеток разных проглотил
Я короба и пачки,
Не увезти на тачке.
И не обходится ни дня,
Чтоб отвязались от меня
Прочие лечения —

Массажи, облучения,
Капельницы, вливания,
Уколы, прогревания,
Втирания (то мази,
То парафин, то грязи),
Узи, рентген и УВЧ...
Боль то в ноге, а то в плече,
То в сердце, то в желудке –
Какие к чёрту шутки!
Боль с головы до пяток,
А мне восьмой десяток.
Всему и всем наперекор
Живу, представьте, до сих пор.

* * *

Мне вчера приснилось лето.
Птичий гомон у реки,
Буйство трав и море света...
Сено косят мужики.
А сегодня в самом деле,
Наяву, а не во сне
С крыши бусинки капли
На ладонь упали мне.

Армейские будни (воспоминания)

Построенье, физзарядка,
Смирно, вольно, разойдись,
Врозь носки, плотнее пятки,
Твёрже ногу, подтянись...
Завтра снова физзарядка.
Браво крикнет старшина:
“Врозь носки, плотнее пятки!”
Но всё это на хрена?

Нам бы заблудиться...

Две берёзки позабылись,
После вспомнить не могли,
Как влюбились, заблудились,
В тёмный ельник забрели.
Та берёзка, что сильнее,
К милой спутнице своей
Прижимается теснее
И тихонько шепчет ей:
“Мы повенчаны судьбою,
Будь же девушкой моей.
Заблудились мы с тобою,

Я прошу руки твоей!”
Нам бы тоже заблудиться.
Где-то средь уральских гор
На путях-дорогах слиться...
Вместе жили б до сих пор.

Великий пример

Насколько же Бетховену труднее было,
Как слуха с возрастом его лишило!
Но и тогда чарующие звуки
Творили гения глаза и руки.
Старость и меня – презренная старуха –
Лишила на восьмом десятке слуха.
Но разум и глаза пока мне без опаски
Диктуют и слова, и подбирают краски.

Хор ветеранов

Повторяют река
И таёжный простор
Академгородка
Нестареющий хор.
Ветераны труда
С сединой на висках
Нам поют, как всегда,
Славя город в веках.

Старую сон не берёт

Небо лоскутное,
Вьюга беспутная
Снег ворошит у ворот.
Ставки хлопают.
Старая охает,
Старую сон не берёт.
Печь натопила,
Да за ночь остыла –

Тепла не дают кирпичи,
А кровь не сугревная...
Мается бедная
Под кожушком на печи.

Рыба не клюёт

Тучи здесь не пробегают мимо,
Крутятся четвёртый день подряд
В пойме очумевшего Сисима,
Посылая нам то дождь, то град.
Речки вздулись, затопив дороги,
Затопив и тропы и мосты,
Сгладив перекааты и пороги,
Мчат через покосы и кусты.
По оврагам, колеям дорожным –
Всюду катится каскадами вода.
А Сисим, как пьяница безбожный,
Пьёт и пьёт без меры и стыда,
От разгульной силищи пьянея.
И не подступиться – с ног собьёт!..
Льют дожди. Все реки сатанеют.
И, конечно, рыба не клюёт.

Свитер *(Клаве)*

Поизносил я свитеров!..
А этот дочь связала.
В нём коротал я у костров
В тайге ночей немало.
А нынче, как души тепло,
Дарю его тебе я,
Чтоб от простуды сберегло,
Тебя в ненастье грея.

Голубая речка

Голубая речка,
Небо голубое.
Выйди на крылечко,
Посиди со мною.
У твоей ограды
Битый час тоскую.
Не придёшь – не надо,
Но... тогда умру я.

Диабет

Мы в молодые наши лета
Жрём сахар, пряники, конфеты.
А лишь достигнем зрелых лет –
На сладкое запрет.
Диабет...

5 августа 1997 года

Вышел я в дождливую темень и слякоть,
В тёмную ночь, хоть выколи глаз.
В ненастье вольготно украдкой поплакать,
В уединении, не напоказ.
Взвесить, что многим бывает хуже,
Что есть у тебя и харч, и жильё.
Так что шагай себе в кедах по лужам,
И наплевать, что хоть выжми бельё.
Высохнут слёзы, просохнет штормовка,
Высохнут кеды, уляжется боль.
Будут к столу, как всегда, поллитровка,
Картошка, селёдка, и перец, и соль.
Во всём водворится прежний порядок.
Ненастную ночь постараюсь забыть.
Только останется в сердце осадок,
И меньше немножко останется жить.

Земляника

Цветёт на склоне земляника
В зелёном кружеве кудрей,
А зайчик солнечного блика
В глаза заглядывает ей.
Целует жёлтые реснички,
Ей не укрыться никуда.
И у смущенной землянички
Алеют щеки от стыда.

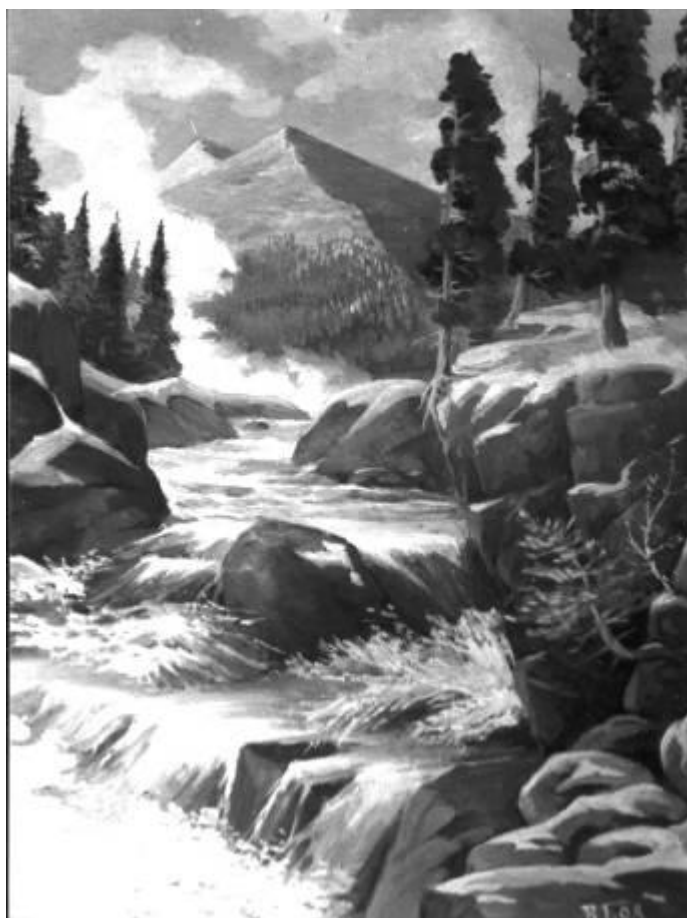
Сентябрь-октябрь

В березниках глухая тишь
Печально-грустно-гробовая.
Листочки обречённо лишь,
Вздыхнув, покорно умирают.
Неслышно стелются они
Мне под ноги, на край тропинки,
На травы лёглые, на пни,
В огонь пылающей осинки.
Не нарушая тишины,
Стою я посреди поляны.
Приходом будущей весны
Я утешать себя не стану.
Не всем назначено дожить
До вешних дней. И оттого берёзы
С такой печалью, может быть,
Роняют золотые слёзы.

У Тобола

Вьётся лесная дорога –
То буерак, то откос.
Слева за лесом Отнога,
Справа – песчаный плёс.

За поворотом направо,
Всего километрах в пяти,
Паромная переправа –
Пешком минут сорок идти.
Катит неторопливо
Мутные воды Тобол,
А в прошлую пору разлива
Размыл он и пристань, и мол.

На память об этом разбое
Трупы деревьев, стволы
Навалены вешней рекою
И скручены корни в узлы.
Сплошь тальники да осоки
По илистым берегам,
Вороны, грачи да сороки
Гнёзда сплели по кустам.
Прохлада висит над рекою

В часы полуденной жары.
И редко бывает такое –
Почти не едят комары.
Этой назойливой твари
В тобольщине – боже спаси!
Болота здесь, топи да мари,
Озёра и караси.
И окунишек, и щуки,
Сорожек, язей и ершей
Можно наудить от скуки.
И даже изрядных лещей.
Вьётся лесная дорога –
То буерак, то откос.
Слева за лесом Отнога,
Справа – Тобольский плёс.

Самый первый снежок

В Академгородок
Невесомой лебяжьей периной
Ночью лёг в березняк,
На пригорок в сосняк,
На тропу отбелённой холстиной.
И ко мне под окно,
Что знакомо давно,
Прилетели с утра две синички.
Видно, помнят, что тут
Их заботливо ждут,
И кормушку проведали птички.

В палате 302

Подобралась весёлая братва
В палате номер триста два.
Их ежедневно щупают врачи,
И сёстры возле них хлопочут.
Неунывающие хохмачи
Всё шутят и до слёз хохочут.

И ведь больны надолго и всерьёз:
Сердечники и всё такое.
Их пичкают уколами до слёз,
От капельниц, припарок нет покою.
Всё нипочём. Ничто их не берёт,
Им на уме одна потеха.
Один соврёт,
А все заглядывают в рот,
Хватаясь за животики от смеха.
Ни горестей у них, и не заботы –
Лежат и травят анекдоты.

В день рождения
(Филиппову В.Г.)

Без выкрутас и славословья,
Хоть я, считай, почти поэт,
Желаю сто пудов здоровья
На много, много долгих лет.
Пусть беды не обходят нас,
На то и жизнь, что каждый знает:
Она прищучит много раз,
Но изредка и приласкает.
А потому гони кручину,
Когда невзгода впереди,
Грудь развернув, расправив спину,
Той ласки терпеливо жди.

Ничто не вечно

Ничто не вечно, греки древние сказали.
Мы это многократно доказали.
То, что недавно называли “рвачество”,
Теперь зовём борьбой за качество.
За что летели головы подряд,
Теперь – семейно-групповой подряд.
Вчера поукрупняли хутора,
Сегодня говорим: разукрупнять пора.

И в мыслях, и в делах туда-сюда порхаем,
Сегодня хвалим, завтра хаем.
Как куклами с тряпичной головой,
Играет нами генеральный нулевой,
А тем, кто не вертелся по указке,
Свернули попросту салазки.
И всё ж не знали мы такой напасти,
Как от президентской власти.

В Тюмень бы

Ухабистая дорога –
То буерак, то откос.
Тянется слева Отнога,
Справа Тобольский плёс.
Буйный в пору разлива
(Смахнул и пристань, и мол!),
Катит неторопливо
Летние воды Тобол.
На мелководных отмелях,
На плесах и по кустам –
Стволов необхватные комли
И разный наносный хлам.
Приволье здесь благодатное,
Правда, едят комары.
Но реки рыбой богаты,
Грибами и дичью – боры.
И ягоды тьма по болотам...
Всё это бы да на стол!
Не зря захотелось что-то
В Тюмень бы, да на Тобол!

Весна в Туруханске

Уже весна. К середине мая
Даже в Сибири снег растаял.
Подходит к Туруханску самолёт.
Гляжу... Кругом снега, на Енисее лёд.
Лишь где в него врывается Тунгуска,
Вода темнеет полосой узкой.
Бульдозеры с посадочных полос
Сгребают снеговой занос...
И всё ж к полудню крыши отпотели,
И здесь зима заплакала капелью.

Оконфузился рыбак

С удивленьем наблюдаю
Из больничного окна.
Дождь и снег в середине мая –
Что же это за весна?
Через две недели лето,
Сев закончен на селе,
А прохожие одеты,
Как в сибирском феврале.
Дождь с утра. Повсюду лужи.
А с обеда снова снег...
Не случайно мне всё хуже –
Расхворался человек.
Лета ждал, как небылицы,
Дни сверял с календаря,
В мае угодил в больницу,
И лежать до сентября.
Поплавки, обманки, мушки,
Спиннинг и удильник свой,
Спиннинговые катушки
Приготовлены зимой.
Сапоги, носки, портянки,
Стул походный и рюкзак...
Сложены коробки, банки...
Оскандалился рыбак!

Я осень не люблю

Я не люблю осенней тишины,
Печальные леса и перелески,
Осколки между туч голубизны,
Застиранных туманов занавески.
Претит природы увяданье
И оглушающая тишина.
Монашеское упование,
Мол, смертно всё. Судьба у всех одна!
Восстань, природа, бурей и грозой,

Туманы раскидай по перелескам:
Хоть день да твой! Хоть час да твой!
Но просияй на выданье невестой.
И пусть потом пожухнет лист,
И пусть потом метели свист.
Твоё бунтарство через сны
Дойдёт до будущей весны.
Тогда, быть может, и весна
Воспрянет раньше ото сна,
Чуть удлинит в Сибири лето
И больше подарит тепла и света.
Но тишина. И тонет всё в тумане.
И ждут чего-то россияне...

Проходит лето

Летние давно гуляют тучи,
Поливают летние дожди.
Мне пока ни капельки не лучше,
Те же процедуры впереди.
Испытаны новейшие леченья
От капельниц до лазерных лучей.
Не приносит мне успокоенья
Доброе сочувствие врачей.
Мне б на Ману! Костерок, палатку,
Граммов сто и добрую уху!
Выспаться под шум таёжный сладко,
В кедраче на лапнике и мху.
Но гремит, шумит дождями где-то.
Я лежу в своей палате зря.
Позади уже середина лета
И рукой подать до сентября.

Было всё напрасно

Мой брат посмертно награждён
На Курской огненной дуге.

Спасён им целый батальон...
А другу –
Памятник в тайге.
На трасе железнодорожной
Полсуток в ледяной воде.
Он сотворил,
Что невозможно,
Считалось до него.
В беде
Не за рубли,
Не за награды
И не за доллары.
За честь!
Мы свято верили – так надо
И чётко повторяли: “Есть!”
А нынче слышим ежечасно:
И подвиги, что свершены,
И жертвы ради них напрасны...
А новые хозяева страны –
Единый коррумпированный спрут.
Почти что поголовно все воры,
Врут и воруют, снова врут.
Многострадальному народу,
Уставшему от разной сволоты,
Пообещали и богатство, и свободу,
Затем спихнули в пропасть нищеты.
Кумиров нет теперь.
Нет веры.
Ни в президента, ни в царя...

На Хабайдаке
(новым знакомым Тане и Вите)

Приехал на Хабайдак
Любитель ухи харьюзиной.
Я ведь заядлый рыбак,

Гость Хабайдака старинный.
Сначала развёл костерок.
Чаёк на таёжной заварке
Пришёлся по вкусу.

Я взмок.

День был отчаянно жаркий.
И вдруг из-за дальней горы –
Чёрная туча и ветер!
Как не бывало жары –
Всё изменилось на свете:
Воеет глухая тайга,
Молнии в небе сверкают,
Вспенилась Мана-река,
Волны на берег швыряет.
Быстро собрался, как мог.
Пока добежал до вокзала,
Настолько прозяб и продрог,
Что каждая клетка дрожала.
Но видно хранил меня бог,
Знакомцы нашлись (в самом деле!),
Пустили меня на порог,
Домашним теплом обогрели.

Пока больные спят

Полумрак в больничном коридоре.
Спят больные, бодрствуют врачи.
За окошком тополя в дозоре
Стерегут спокойствие в ночи.
Опустили веки городские окна.
Ночь рассыпала пригоршни звёзд.
Млечный путь расшитые полотна
Расстелил под енисейский мост.
Из-за тучи месяц круторогий
Выглянул, улыбчивый, и рад.
Я ему маячу: погуляй немного
Между туч, пока больные спят.

На Мане

Величественной чередой
Горы, распадки, утёсы
Тонут гряда за грядой
В дымке синеволосой.
Проткнутый елями лес
Дыбится морем зелёным.
Вскинули до небес
Кедры рогатые кроны.
А по долине реки –
Болота, кочкарники, ямы,
Смородинники, тальники,
Наносы таёжногохлама.
Сквозь этот чертоворот
Чуть свет выбираюсь на косу,
Бреду мелководьем, и вот
Я у любимого плёса,
Клёв если даже плохой
(День-то пока ещё длинный!),
буду сегодня с ухой.
Особенной. Харьюжиной!

Педагогов почитать

Как обычно, с сентября
Пети, Маши, Коли
Собираются с утра
На занятия в школе.
Быть полезным для страны
Без образования
Невозможно. Всем нужны,
Безусловно, знания.
Врач и слесарь, и поэт
Маленькими были
И, конечно, с семи лет
В школу приходили.
Чтоб познать науки смог
(Знает каждый житель)
С детских лет ему помог
Педагог. Учитель.
Так обязаны считать
Взрослые и дети:
Педагогов почитать
Больше всех на свете.
Скажем хором всей страны,
Школьники-ребята:
“Каждый месяц им должны
Отдавать зарплату”!
Даже президент, премьер
Школьниками были,
Но о том (плохой пример!),
Видно, позабыли.

* * *

Не в самом удобном местечке в мире,
Встретились в палате триста четыре.
И это, заметьте, вторая встреча,
Где колют, бинтуют, массируют – лечат.
Пора подумать: встретиться, что ли,
Как и положено, в добром застолье?

В день рождения юноше

*Где, когда, какой великий
выбирал путь, что попрото-
панней и легче?*

В. Маяковский

Светлый праздник – день рожденья
Бывает только раз в году,
И юбиляру в поздравленье
Сулят беспечную судьбу.
Без огорчений, без печали –
Не жизнь, а просто божий дар!
Но сладенькой судьбы едва ли
Себе захочет юбиляр.
Без горя – не оценишь счастья,
Побед достойных – без борьбы,
Солнцесиянья – без ненастья,
Без мук любовных – сладострастья...
И нет безоблачной судьбы,
Как зим сибирских без мороза,
Великой радости – без слёз.
Нет без шипов душистой розы
И лета без дождей и гроз.
А потому придуманного рая
Тебе я просто не желаю.
Печалью, радостью, слезами, шуткой
Душа, шлифуясь, делается чуткой,
Как тонкое плетенье серебра
Из светлых побуждений и добра.
Не часто навещают пусть
Тебя раздумия и грусть,
Печали, горести, заботы,
Не о себе, а для кого-то.
Так возмужаешь. Станешь скоро
Любимой женщине опорой.
Сначала матери. Жене потом.
Но пусть твой потеряют дом

Болезни, всякие недуги.
В сибирской заблудившись вьюге,
В трущобник дикий забредут,
Твоё жилище не найдут.
Здоровья, радости тебе и счастья,
В окошках – света без ненастья.

* * *

Мир всем живущим,
Память ушедшим.
Слава погибшим –
Безгрешным и грешным.
Слава и память
Погибшим в бою
За Родину-мать,
За Отчизну свою.

Плачет небо над Россией

Нищие, голодные, босые...
От реформаторских затей.
И плачет небо над Россией,
Как мать над бедами детей.
То не стихийные ненастья –
Разбой. Насилье палачей.
С паучьей президентской властью
И скороспелых богачей.
Ограбленные россияне,
Слепые пасынки судьбы –
Учителя, рабочие, крестьяне,
Объединяйтесь для борьбы.
Никто не даст вам избавленья,
Ни бог, ни президентский строй,
Пора бы наступить прозренью,
Кто правит гибнущей страной.

Россия – родина моя

*Люблю Россию я, но
странною любовью...*

М.Ю. Лермонтов

1

Под стук колёс в вагоне-ресторане,
За столиком картинно развалясь,
Юнцы безусые с монетою в кармане
Судачили, мол, жизнь не удалась.
“Чо, кореш, толковать? Расея!
Вот там, за етим... как ево? За рубежом...
Мизинцем, глазом поведи – лакеи
Бегом тебе и виски, и боржом.
И девочки!.. Какие хошь.
Гостиницы, отели, пляжи...
А баксы? Пистолет да нож!
Один налёт – пять лет живёшь,
И может, десять даже”.
Я этак не сужу. За этой заграницей
Лакействовать бы мне и этим болтунам.
А, может, хуже. С “И”и “S” в петлице
Топить в крови Вьетнам.
Я этак не сужу. Россия,
Где жили мой отец, и дед, и мать,
“Где осени такие золотые,
Просторы глазом не обнять!”*
Где зимы выюжные, стозвонные морозы,
Что только россиянам по плечу,
И скромные красавицы берёзы...
Нет! Родины другой я не хочу

2

Люблю российские неброские просторы,
Напор и чистоту таёжных рек,
Седые кедрачи, распадки, горы...

* С. Есенин. Я люблю тебя, родина кроткая.

По нраву мне российский человек —
Приветливый, гостеприимный,
Не знает усталости в труде
И без героики картинной
Поможет, выручит в беде.
Отважных сыновей России
Свершенья ратные не раз

Соседям избавленье приносили
В далёком прошлом и сейчас.
Твёрд россиянин и в несчастье,
Но жаль моих мне земляков,
Что терпят у верховной власти
Так часто подлецов и дураков.
Быть может, за стихи такие
Я полной мерой заплачу.
Всё ж над народами России
Бандитской власти не хочу.

3

Кровь проливали не напрасно
В четырёхлетнем яростном бою.
За мать Россию в той войне ужасной
Мы не щадили даже жизнь свою.
Жаль, не суждено в Берлине было мне
В мае водрузить Победы знамя.
Но, как и многие, я на войне
Отмечен и свинцом, и орденами.
Кто на Руси рождён, работал, жил —
Россия дорога им. Всё же
Кто за неё полжизни положил,
Она стократ ему дороже.
Я с той войны калека. Инвалид.
На пенсии остаток дней влачу.
В России беспредел и униженный стыд,
Но родины другой я не хочу.
Больную мать не бросит сын в беде,

Коль он не растерял сыновьей чести.
Я россиянин, потому везде
В успехах, в горестях – с Россией вместе.

* * *

Мелькают за окном леса, луга, озёра
И россыпи притихших деревень.
Сибирь! Сибирь!.. Московский поезд скорый
Мчит по Сибири третий день.
То с ходу гулкие мосты пересекает
Под разъяренный рельсов перестук,
То, будто в пропасть, в выемку ныряет
Или на насыпь вылетает вдруг.
Разъезды, станции мелькают мимо.
Еще свисток заглохнуть не успел,
А поезд – всё вперёд неутомимо –
Уж за разъездом где-то просвистел.
Стою я у окна и радуюсь раздолью,
Обилию лесов, лугов, полей.
И сердце сжало непонятной болью
За россиян – живущих здесь людей.

Весенние сны
(жене Клавье)

Тебе в преддверии весны
Всё снятся сказочные сны.

Сон первый

Автобусы идут почти пустые.
На ветках, будто яблоки литые,
Стаи красногрудых снегирей...
Едва доходишь до дверей
Богатого продмагазина,
Откуда ни возьмишь – детина
Тебя плечом: “А ну, пусти!” –

И хочет раньше сам войти.
Но в тот же миг герой прекрасный,
При шпаге и в накидке красной,
Детине заступил дорогу
И процедил довольно строго:
« Пускай пройдет сначала дама,
иначе проучу я хама!
Но прежде, сударь, извинись!»
Взревел детина: “Что? Катись,
Пижон из погорелого театра,
А то не доживёшь до завтра!”
Тут рыцарь парня хлесть по роже
И шпагу выдернул из ножен:
«Считаю до пяти, обороняйся!
Или немедленно извиняйся!»
Куда-то сразу из дебила
Вдруг испарились прыть и сила.
Залепетал он, пятясь задом:
“Зачем же драться? Больно надо!
Простите с..сударь. А она
Подруга ваша аль жена?
Пушай простит и энта дама...”
И будто ветром сдуло хама.
Летел он пулей, без оглядки,
Лишь за углом мелькнули пятки.

Сон второй

Спешишь ты утром в детский сад
И видишь лозунг через весь фасад:
“Ответим партии любимой за заботу,
Досрочно перевыполнив работу”.
От лозунга душа в тебе запела,
Вбежала в садик ты, взялась за дело.
Полсотни ребятишек приняла
(Частично у соседок заняла.
Одна, сказали, захворала,
Своих по группам рассовала).

Умыла пацанов, кормила их, поила,
Читала, пела, разбираала ссоры,
Виновным выносила приговоры.
Когда совсем уж не осталось силы,
Под вечер по домам их проводила
И забежала получить зарплату.
Её повысить обещал когда-то
Наш президент (тогда еще генсек),
А это постоянный человек.
Раз обещал, он не нарушит слова –
Лет через пять пообещает снова.
Вот огребла ты денег пачку,
И на обновки хватит и в заначку.
Зашла в дежурный магазин,
Купить к Восьмому марта вин,
Колбаски, балычка, ветчинки,
Икорки, свежей осетринки.
Хотела бы купить ещё конфет,
Но продавец сказал: “Хороших нет.
Вот завтра непременно подвезут.
Зайдите, не считая за труд”.
С приветливой улыбкой продавец
Покупки упечатал наконец.
Напомнил: “Не забудьте же зайти,
Богатый будет выбор “Ассорти”,
Без президентского налога.
Так заходите, ради бога”.

Сон третий

В день православный – Рождество –
Было в Красноярске торжество.
В огромном зале собралась элита:
И первый, и его, конечно, свита,
Артисты видные, писатели, поэты
И депутаты край- и горсовета.
И кто-то из начальства, возлюбя,
На этот праздник пригласил тебя.
С размахом было всё и широко по-русски.

Столы ломились от закуски:
Икорка чёрная, балык и осетрина,
Колбасы, окорок и вина,
Каких ты не видала сроду,
Перебиваясь с сухаря на воду.
Регламент разработан был заранее,
Как водится на добром партсобрании.
Дань отдавая новой моде,
Какой-то поп, с церковным хором вроде,
Восславил день рождения Христа,
Святой водицей покропил с креста.
Затем, возвыся голос благочинный,
Гаркнул многолетие по чину
От президента, кем прославлена страна,
До Полозкова вплоть и Кузьмина.
Все много пили, лопали от пуза,
Орали тосты в честь единого Союза
Под руководством (сами знаете,
Газеты, думаю, читаете).
Ты скромно в уголке сидела
И не пила и ничего не ела,
Печально думая: “Элите этой,
Откормленной и разодетой,
Чихать, что в магазинах пусто,
Что три рубля и редька, и капуста.
У них вот-вот развяжутся пупы
От царской дармовой жратвы”.
Но как тебя, однако, удивило,
Что здесь же красноярское светило —
Писатель видный и известный,
Казалось, что прямой и честный.
Не прячась за других и не играя в прятки,
Громил он наши беспорядки.
Сам из простых и за народ простой
Против привилегий рвался в бой.
Так как ему икра, балык и водка
В застолье этом лезли в глотку?
Что ж, видимо, Звезду героя

Принять не каждый может стоя...
Проснулась, как всегда, ты в полшестого
И на работу убежала снова.
Весь день за деревянные гроши
Тебя терзали малыши.

**В шутку и всерьёз
(Табакову Н.А. в день 50-летия)**

Совсем нелегкий труд, друзья,
Взвалил себе на плечи я —
Непоэтическая штука
Животноводство как наука.

Уборка, например, навоза –
Не парфюмерно пахнувшая проза!
А яловость, бескормица, падёж...
Да к ним и рифму не найдёшь.
А вслушайтесь, как образно и ярко
С бурёнками беседует доярка,
Что даже многодетная пеструха
Стыдливо затыкает ухо.
Наверно, оттого поэта
Не вдохновляет тема эта.
О зоотехнии нет стихов.
Есть про пастушек, пастухов,
Про ямщиков. Есть про собаку,
Но всё с любовью связано, однако.
Про животноводов нет ни бэ, ни мэ.
Пришлось за это взяться мне.
Объектом поэтического слова
Избрал я Николая Табакова,
Который и в науке преуспел,
И, кроме многих важных дел,
Завёл жену на зависть и детишек
Он произвёл пока что не излишек.
Всё это шутки. А шутить довольно.
Мне отчего-то нынче больно.
Как было, так и есть – учёный брат
И в юбилеи без наград.
Мы, видимо, понять должны,
Что у властителей страны
И без того лихих забот,
Как говорится, полон рот.
Не шутка – сдобного куска
Лишили лидеров ЦК.
Тряхнули за штаны и шкуру
Чванливую номенклатуру.
Поэтому в кругу научном нашем
Давайте юбиляру скажем
Слова душевные, какие только можем,
И солидарностью поможем

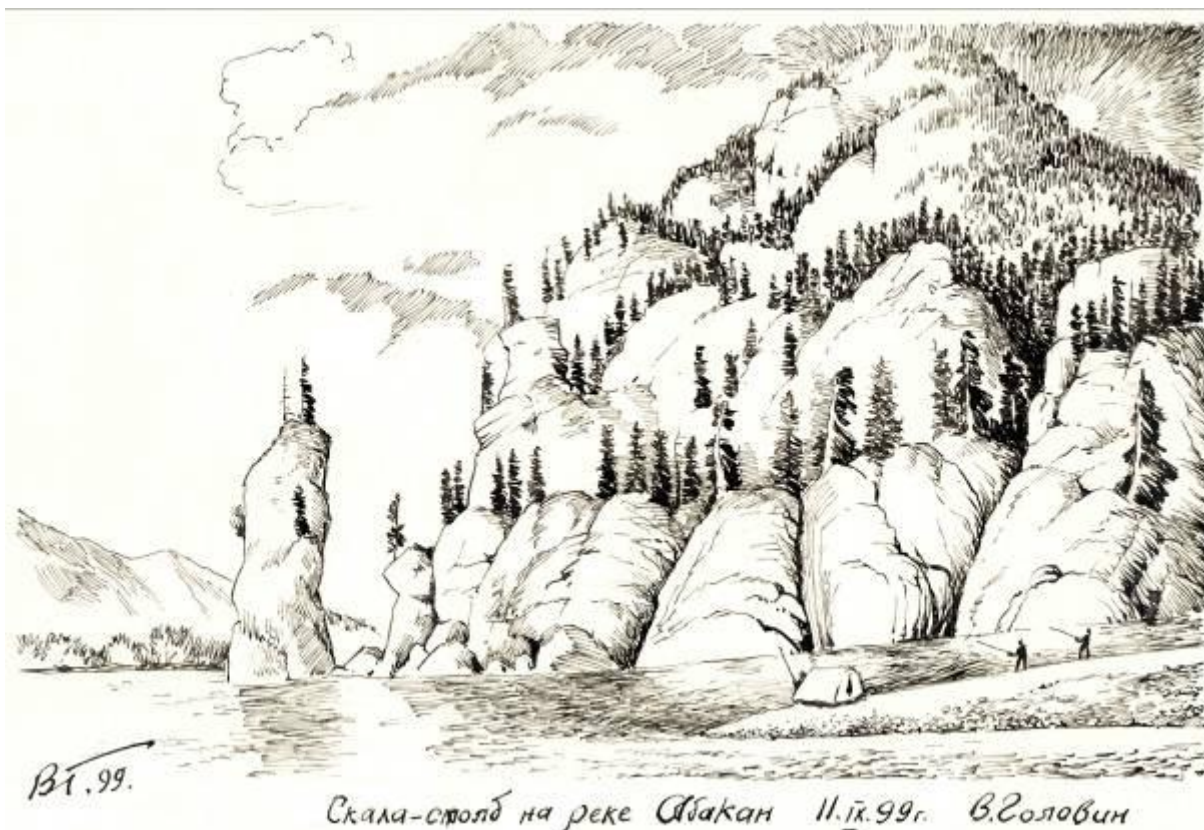
Ему без усталости работать и без скуки
В зоотехнической науке.
А труд его и ваш совместный труд
Взрастят со временем научный институт.
Ведь речи депутатские пока
Ни мяса не дают, ни молока.
Хотя давно пора бы дать народу
Не только их ораторскую воду.

О только б не ожесточиться!

Опять мне нестерпимо больно,
Как будто бы во тьме бреду,
И мрачный сполох колокольный
Вещает новую беду.
И душно мне в сплошном тумане,
И мысли мечутся вразброс.
Неужто силы не достанет,
Чтобы без стонов и без слёз?
Утихнет боль. У ветерана
Немало болей на веку.
И эта, зарубцуюсь, рана,
Оставит метку старику.
Обманут я, наивно веря,
И по заслугам, может быть,
Но разве можно, лицемеря,
Без веры и творить и жить?
О только б не ожесточиться!
А с болью свыкнуться пора,
И светом радуги струиться
Из-под кистей, из-под пера.

Не хватит ли!

В страдалище России стали нормой
Путчи, революции, реформы,
Что каждый раз народа-простака
Лишают даже нищего куска.

Опомнитесь, россияне

Плечисто-грубая разгневанная гнида
Толкнула от прилавка инвалида.
И вдруг костыль его и орденские бланки
Мишенью стали перебранки:
– Без очереди лезет! Это ж надо!
– Должно, чужие нацепил награды!
– Сидел в тылу!
– Аль в штабе – всё одно!
– Кто воевал, те померли давно!
И под галдёж подросток белозубый
Шутил, кривя улыбчивые губы:
– Зачем сюда-то притащился, дед?
Тебе же сладкое во вред.
На фронте слышал он когда-то:
– Россия не забудет вас, ребята!
И вот шагнул ему восьмой десяток,

И вот в стране всеобщий недостаток,
И нынче сахарный талон
Не может отоварить он.
Он не берёг себя и кровь пролил,
Увечьем за победу заплатил.
Он сострадания достоин, а не брани.
Опомнитесь и ужаснитесь, россияне!

Старики, калеки-ветераны

С той войны прошло полсотни лет.
В той войне ухабист путь солдата.
Потому в живых почти что нет,
Кто в окопах вшей кормил когда-то.
Полегли они среди снегов
(И не только на полях России),
Среди трав, некошенных хлебов
Одногодки наши молодые.
А не погибшие в войне
И ещё живут поныне
(Не о тех я, что живы вполне,
Что войну прошли в высоком чине),
По фальшивым сводкам и кино,
По статьям газетным и романам,
Обеспечены давно
Старики, калеки-ветераны.
В наш жестокий рыночный уклад,
Когда ценам убраны преграды,
Покалеченный в войне солдат
Заложить готов свои награды
За кусок мясного тощака
По нужде прирезанной скотины,
За стакан снятого молока
Иль за водку! За глоток единый!

Приватизация

Встречал и закаты, и зори
В цехах, в полях, в рудниках
Обычный трудяга, который
С мозолями на руках.
И всё, что он добыл, построил
И всё, что в поту распахал,
Его выкупать приневолил
У власти стоящий нахал.
Нашли иностранное слово,
Едва ли хитрее найдёшь.
Хоть можно доступно, толково
Назвать бы по-русски – грабёж.
Боюсь, что какой-то подонок
Удумает, мать – его - мать!..
Коплю помаленьку деньжонок
Старуху свою выкупать.

На пустыре

Когда-то здесь версты был на две вширь
Заросший, заболоченный пустырь.
В осенний вечер, в пору увядания,
На пустыре я ждал с тобой свидания
У тальника, среди травы некошенной,
Уже морозной пудрой припорошенной.
Теперь Тюмень – и в славе и в известности –
Расширилась, заполонив окрестности.
На пустыре, на месте нашего свидания
Воздвигнуто особенное здание –
Солидное, широкое и длинное,
Учреждена в нём выставка картинная.
Я был в Тюмени и на бывшем пустыре
Бродил среди домов в метельном феврале.
Я слёз не удержал, расслабившись на миг,
Но заглушил отчаяния крик:
– Где ты? Откликнись! Через всю Сибирь

Приехал я в Тюмень на наш пустырь!

* * *

Тихим шагом лет двадцать прошло,
Но я помню, разлукам назло:
Под мостом, как последний нахал,
Я чужую жену целовал.
Не жалею нисколько о том.
За такую, что кровь с молоком,
Можно грех перед богом принять,
Чтобы раз, хоть украдкой, обнять.

Август

Август. Мозглая Тюмень.
Дождь и дождь четвёртый день
То обвалом, то потише
Льёт без устали на крыши,
На луга, на огороды
Воду, воду, воду, воду.
Уж таков России рок –
Всё и всем напоперёк.
Если дождь, то месяц целый,
Грабежи, то без предела,
То коммуна, то базар...
...Нынче Ельцин и Гайдар
Льют бессовестно народу
Тоже воду, воду, воду.

Рядом тесно

Мне взгрустнулось оттого немного,
Что пришёл без Клавы на Отногу.
Людам пожилым давно известно:
Вместе родичам обычно тесно.
Может, одинаковость гнетёт?
Надо, чтоб один смолчал. А тот,
Тот, что от рождения – огонь,
Пусть шумит. Другой его не тронь.
Но родичи в удачу, в неудачу
Голос в голос и поют, и плачут.
Они во всём настолько схожи,
Что ни один из них смолчать не может.
Чтоб они опомниться могли,
Нужно им потосковать вдали...
Друг от друга...

Всё повторяется

К Наташе в холодильник заглянул
(Дочь Наташа – кандидат наук),
Пакетик с краю взял и развернул
И чуть не уронил его из рук.
Записка в нём разборчиво и чисто
Гласила: “Мякоть на второе”.
В пакете мяса граммов сто,
А у неё на иждивеньи трое.
Всё повторяется. Когда-то
(Наташе шёл четвёртый год),
Я жил настолько небогато,
Что даже вёл картошкам счёт.

За железной дверью

Сижу я у окна на этаже четвёртом.
Этаж четвёртый – все заботы к чёрту!
А вот на самом первом этаже
Всё окна за решётками уже.
И двери многие железом оковали,
Чтобы квартиру вдруг не обокрали.
Из клетки, будто из окна гляжу,
За двери лишний раз не выхожу.
Японцы, говорят, изобрели такой прибор,
Какого не было на свете до сих пор:
Нажмете кнопку – брызнет из прибора
И опрокинет с ног любого вора.
Очухается он часа через четыре,
Но вы уже укроетесь в квартире.
Однако дело в чем: такой прибор
И носит при себе, конечно, вор,
А чтобы мне его купить,
Полгода нужно пенсию копить.

И как в зверинце, за железной дверью
За четырьмя запорами теперь я.

Скоро полночь

Скоро полночь. Из-за тучи
Льётся бледный свет луны.
В тальниках речных излучин
Затаились колдуны.
Окружили омут, кочки,
Свесив в зеркало воды
Нерасчёсанные клочья
Тёмно-синей бороды.
Проскрипел из-за болота
Полусонный коростель.
Застелил туманом кто-то
Луговину, как постель.
Ночь длинна к исходу лета,
Нерушим её покой.
Только слышен тихий где-то
Смех русалки молодой.

Плачут берёзы

Я вдруг открыл – российские берёзы
Не только по весне роняют слёзы,
Что люди в заблуждении глубоком
Берёзовым зовут обычно соком.
То слёзы радости, понятые вполне –
Знак благодарности и солнцу, и весне.
Но видел я зимой, как плакали берёзы,
Роняя на снега отчаяния слёзы,
Когда над ними, выйдя на бугор,
Какой-то бородач занёс топор.
Тот бородач, допустим, просто хам.
Да только оттого не плакать бы и нам.

Редьки хрен не слаще

Умники гайдаровской артели
Россиян до нитки подраздели.
Для кучки богачей (какой-то тыщи!)
Миллионы обратили в нищих.
Неужто не прозрели до сих пор мы,
Куда ведут нас ихние реформы?
Наш президент поёт народу сказки
По зарубежной “дружеской” указке,
Вконец Россию разбазарит скоро
По схеме “теоретика” Егора.
А между тем избранники народа
На съездах льют ораторскую воду,
Что даже бесполезнее пока,
Чем говорильня пленумов ЦК.
А ведь они за депутатские мандаты
Наобещали чёрт-те что когда-то.
И красноярский губернатор,
Хоть от природы не оратор,
Предпочитая нецензурный лексикон,
О! Как в посулах распинаясь он,
Златые горы обещая смело,
Когда высокий пост заполучить пришло!
Губернатор, президент и депутаты
Обещали нам и светлые палаты,
И жизнь достойную, и всяческие сласти,
Пока не добрались до власти.
А получив и почести и льготы,
Живут теперь без горя и заботы,
Россиянам подарив свободу
Перебиваться с сухаря на воду.
О демократах говорят всё чаще,
Что прежней редьки этот хрен не слаще.

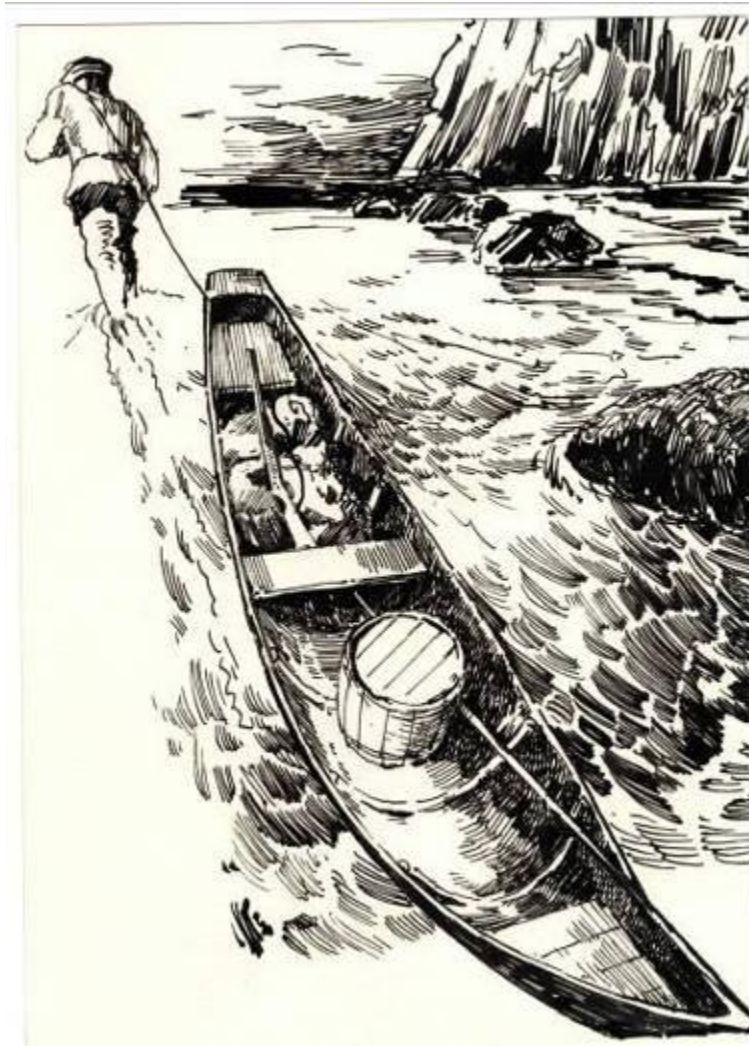
Готов я потерять тебя

О, если б умереть во сне!
Уснуть вчера и больше не проснуться.
Но не ссудил всевышний мне
Так просто с жизнью разминуться.
С утра я нынче выпил водки
(По стольку я давно не пил!),
Занюхал хвостиком селёдки,
Головкой лука закусил.
Но хмель меня не взял нимало!
И я уверовал в себя:
Ломать мне шапку не пристало,
Готов я потерять тебя.
Переживу и эту рану
За наши общие грехи...
Переболею... Снова стану
Писать картины и стихи.
Когда-нибудь потомок строгий,
Стихов моих читая хлам,
Найдёт, быть может, эти строки
И приговор объявит нам.

Опять зима

Выпал снег. Опять зима.
Стужа. Поневоле
Все попрятались в дома.
Ребятишки – в школе.
В ней уютно и тепло,
За двойными окнами.
Хоть сугробы намело
За дверями плотными.
Кто выходит и на миг
По делам на улицу,
Поднимает воротник,
Под пургой сутулится.
Днём и ночью на ветру

Поджимают лапки
Птицы в поле и в бору.
Без пальто и шапки
Зиму б можно пережить –
Птички не изнежены.
Только корму не добыть –
Всё вокруг заснежено.
Потому-то в города,
Сёла и станицы
Прилетают в холода
Снегири, синицы.
Их надёжные друзья
В банку на окошке
Насыпают, как и я,
Семечки и крошки.

Таёжному староверу Бердюгину

Я мысленно снова брожу,
Оставив вдали полустанок.
Таёжным чутьём нахожу
Места своих прежних стоянок.
Вымокнув сверх головы,
Шагаю тропинкой заброшенной
По дикому буйству травы
От века ни разу не кошенной.
Вот здесь, среди старых берёз,
У ветром обтрёпанной ели
Однажды я чуть не замёрз
Под завыванье метели.
Бердюгин тогда подсобил
Дойти до избушки на Джотке,
Налимьей ушицы налил
И кружку охотничьей водки.
Он старовер. Не курил.
Держал староверку, старуху,
Но вдовушек тискать любил,
Не меньше любил медовуху.
Сказал мне: “Хужее пурги
Дождик, поэтому сразу
Ноги в тайге, как глаза, береги,
А спички, стал быть, пуще глазу».

Внучка Катя

Дочь Наташи, внучка Катя,
Очень любознательна.
Снег сегодня выпал кстати.
Внучке обязательно
Нужно выйти в сквер соседний,
Побродить сугробами,
Что, как белые медведи,
Спят рядами строгими.
Снег тяжёлый, серебристый,

Аж деревья клонятся.
Свиристелей пересвисты,
Что в ветвях хоронятся.
Кружевной узор снежинок
На садовой лавочке,
У заснеженных тропинок
След вороньей лапочки...
Всё, что видит, всё, что слышит,
Вдумчиво, внимательно
В дневнике своём запишет
Катя обязательно.

Ну и перемены

В России, не спросясь народа,
Всё изменилось за два года.
Был развитой социализм,
Стал рыночный капитализм.

Надо бить по роже

Есть люди среди нас
Подчёркнуто просты.
И, кажется,
Как стёклышко, чисты.
Весьма услужливы
К тому же,
Пока ты им
Зачем-то нужен.
Потом тебя
Не просто подведут –
Унизят,
Уничтожат,
Продадут
Нахраписто, нахально.
Не иначе!
Ведь добряки
Давать не могут сдачи,

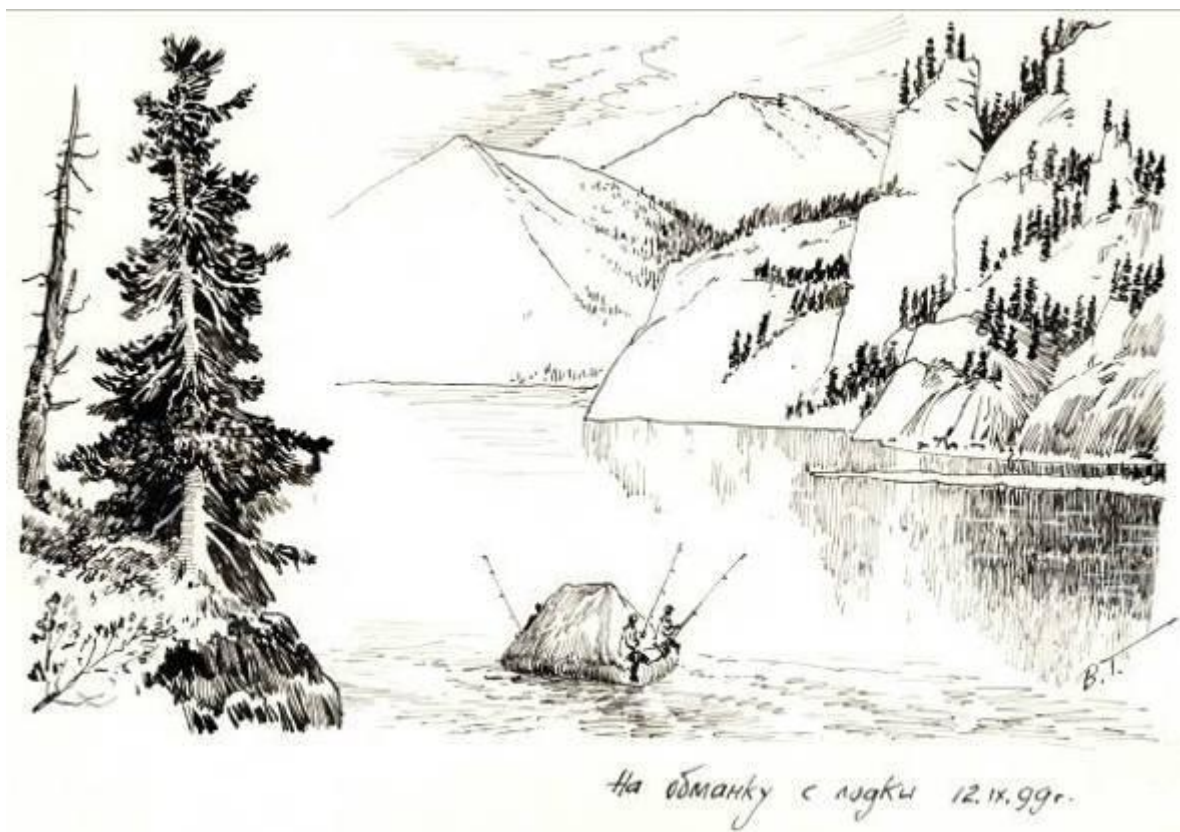
Считая, дескать, честь
Всего дороже.
Нахалы не поймут.
Их надо бить по роже.
Я за доверчивость
Наказан много раз.
Тогда прощал,
Но не прощу сейчас.
Нахалы вылезли
Толпою
В наш рыночный
Виток разбоя.
Нет, всех я не хочу
Одним аршином мерить.
Кого-то надо же любить,
Кому-то верить.
Но только сотню раз
Отмерь,
А с маху
Никому не верь.

Вы видели, как реки замерзают?..

...Плывут седые северные стужи,
Снег по берегам уже не тает,
И льдом покрылись заводи и лужи.
От берегов к середине русла лёд,
Как лезвие дамасской стали тонкой,
Всё продвигается. Но в клочья рвёт
Река его иззубренную кромку.
Напор морозов яростен и дружен.
Вода чернеет от ожесточенья.
Её полоска на реке всё уже,
Но не сдаётся вольное течение.
В Саянах реки буйны и шальны.
Каких морозы ни куют оков —
Не замерзают перекаты до весны.
Таков характер и сибиряков.

Собой не доволен

Я сегодня душою болен.
Впрочем, болен не первый день.
Оттого, что собой не доволен,
Что зачем-то приехал в Тюмень.
Здесь когда-то я так намотался,
Что не ведал, сумею ли жить.
И тогда навсегда зарекался
Стороною Тюмень обходить.
А сегодня измучен и болен,
И не радует завтрашний день.
Как собою я сам не доволен,
Что напрасно приехал в Тюмень!

Простите, милые

Я доживаю век. Того, что было,
Назад и колдовством не возродить.

Судьба меня и нежила, и била.
Пожалуй, по-другому скучно жить.
Житейских передряг паденья и утраты
Ушли куда-то в голубой туман.
Лишь от войны остались у солдата
Отметины – рубцы потерь и ран.
Теперь признаться можно без опаски,
Я от всего, что в жизни пережил,
Храню в душе любимых женщин ласки
И что в войну Отчизне послужил.
Уверенно горжусь пролитой кровью,
Как воин, не поддавшись на испуг.
И счастлив, что не обойдён любовью
Российских щедро ласковых подруг.
Простите, милые, за это откровенье:
Не позабыл я прошлые грехи.
И может, оттого не гаснет вдохновенье,
Чтобы писать картины и стихи.

Комментарий к некоторым радиопередачам

Тем, кто Россию в трудный час
Сменял на за границу,
Зачем-то заставляют нас
С повинной поклониться.
Не дам руки им никогда,
Не поклонюсь покорно.
Кто предал родину тогда,
Предаст её повторно.
Да и о тех, что на войне
Шли на меня с фашистами,
Бессовестно внушают мне,
Мол, с помыслами чистыми.
Кровь тысяч братьев с палачей
Не смыть потоками речей,
Во что я свято верую.
Для журналиста-сопляка
Судить не слишком смело ли

О той войне наверняка,
Когда его не сделали?
Пусть он поедет в Брянский бор,
Где власовцы косили
И перекрёстным, и в упор
Защитников России.
Я дважды был под их огнём.
Их рьяный благодетель
Пусть знает: о злодействе том
Есть я – живой свидетель.

К Наде на пельмени...

Я приехал из Тюмени
Прямо к Наде на пельмени
Рано утром, чуть не в семь.
А она все горевала,
Что мука, вишь, ей попала
Не пельменная совсем.
Я с дороги да под стопку
Подложил пельменей стопку
И... Да что там говорить!
Закусил вполне, как надо,
Что хозяйюшку в награду
Позабыл благодарить.

Вере и Юле

Вам сегодня по три года.
Вас приветствуют с утра
Зауральская погода,
Мама, дедушка, сестра.
На стекле блестят узоры,
Как и должно в феврале.
Приготовлены приборы
И закуски на столе.
И вино, и даже водка,
Как ведётся на Руси.

Туруханская селёдка
И в сметане караси.
И конфеты, и печенье.
Ради праздничного дня
Красноярское варенье,
Что отправила родня,
С приглашением на дачу
Летом в гости приезжать,
Чтобы, радуясь и плача,
Тётю с бабушкой обнять.
Вам сегодня по три года.
Вас приветствуют с утра
Солнцеликая погода,
Детства звонкая пора.

Юле с Верой спать пора

Все игрушки Веры с Юлей
Спать легли, закрыли глазки,
Успокоившись, уснули,
Чтоб во сне увидеть сказки.
Куклы спят, уснули кошки,
И медведи, и матрёшки,
Спят и кубики, и мышки,
И в шкафу уснули книжки.
Спят тарелки и кастрюли,
Даже ложечки уснули.
Вере с Юлей до утра
Тоже спать давно пора.
Целый день они играли,
Пили чай и кашу ели.
К вечеру совсем устали,
Забрались в свои постели,
Улеглись под одеяла...
Стало тихо. Ночь настала.

* * *

В полдень пар струится от земли,
За оврагами курлычат журавли.
Воробьи справляют свадьбы по кустам
И скандалят, и дерутся из-за дам.
Из какой-то чужедальной стороны
Ветерок вернулся вестником весны,
По знакомым перелескам поплутал
И в окошко, будто в сердце, постучал:
“Выходите же, на улице весна”!
Но к окошку подошла она одна.
Боже мой!
Промчалась лет какая тьма!
На висках её морозная зима.

Пускай позволит бог

С последней встречи минуло пять лет,
И мы с тех пор заметно приувыли.
Особенного дива в этом нет —
Ведь мы восьмой десяток разменяли.
Но встретились без грусти и тревог.
Всё вспоминали прошлое шутя.
Пускай бы нам опять позволил бог
Встретиться и десять лет спустя.

В.Г. Филиппову в день рождения

Пускай в окно твоё всегда глядится май
И в первой зелени берёзы.
Но на земле немислим вечный рай,
Как розы без шипов, как зимы без мороза,
Как реки без стремнин и водопада.
И рай земной, пожалуй, не награда.
Без огорчений не познаешь счастья
И солнца не оценишь без ненастья,
И даже разума без простаков
И откровенных дураков.

Пусть будет жизнь твоя обычная, простая,
Без всякого придуманного рая,
А потому (не часто!) всё же пусть
К тебе заходят и печаль, и грусть.
Печально, радостно, слезами, шуткой
Душа, шлифуясь, делается чуткой,
Как тонкое плетенье серебра
Из светлых устремлений и добра.
Но только пусть болезни и недуги
С пути сойдутся и в сибирской вьюге
В болото или глушь лесную забредут
И дверь в твоё жилище не найдут.
А если хвори прошагают мимо,
Любая трудность одолима.
Тебе желают многолетия, бодрости
И силы, и любви, как в молодости,
России верные сыны
Твои друзья – Головины

Воробей

Из-под носа голубей
Расторопный воробей
Корку хлебную схватил
И взлетел, что было сил.
Ну не диво ли, друзья?!
Корка больше воробья!

Свиристели

С шумом, с пересвистами
Голосами чистыми
Целой стайкой свиристели –
С хохолком на темечке –
Дружно яблоньку обсели,
Выбирая семечки
Из мороженой ранетки,
Как начинку из конфетки.

Заяц

Побелел зайчишка, чтобы
Легче прятаться в сугробы.
Белый снег и заяц белый.
Если спрятаться умело,
Долго путая следы,
Отдыхай, не жди беды.
Ну, а в случае тревоги
Выручают зайца ноги.

Ворона

Хмурая и в радости и в горе,
Сидит ворона на заборе
И думает: “Конечно, люди врут,
Когда растяп воронами зовут.

И не пойму я, хоть убей,
За что так любят голубей.
Хотя у них не достаёт смекалки
Хоть что-то поискать на свалке.
Всё ждут, пока накормят их хозяйки.
Бессовестные попрошайки”!

Голубь

Голубь, голубица –
Почти ручная птица.
Красивая и видная,
Но вовсе безобидная.
Странником в изгнании
Живёт на подаянии.
Но в городах и на селе
То символ мира на земле.

Лиса

Краснобокая лиса
Обежала все леса,
Заглянула на болото,
Может, подвернётся кто-то.
У деревни покрутилась,
Но в курятник не решилась –
От собак на той неделе
Убежала еле-еле.
Мышковать пошла она
Возле старого гумна.

Глухарь

С маху замерла куница
У сплетенья тальника, –
Краснобровая царь-птица
Села возле родника.
Хищница к ручью с пригорка

Промелькнула через гарь...
Настороженно и зорко
Поднял голову глухарь.
Тишине лесного царства
Доверять он не привык.
Вдруг какое-то коварство
Он почуял. В тот же миг,
Осыпая снег и иней,
С шумом крылья размахнул
И в морозной дымке синей
За распадком утонул.

Внучка плачет

В чёрных шапочках синички
Очень схожи, как сестрички.

На берёзке посвистели
И на подоконник сели.
У окошка внучка Маша
Ела блинчики и кашу.
Маша удивляется,
Что у птичек платьвица,
Как у ней, зелёные
И почти что новые.
Вдруг увидела она,
Что белее полотна
Щеки у синичек.
Стало жалко птичек.
“Гляньте – щёчки побелели!” –
Внучка плачет.
В самом деле:
Птичкам не морозы ли
Щёчки обморозили?

Медведь в неволе

Зверь живёт в железной клетке
В заповеднике “Столбы”.
Ловит на лету конфетки,
Поднимаясь на дыбы.
Медведище тёмно-бурый
Цепью яростно гремит
И трясёт косматой шкурой
И зимой, как все, не спит.
На свободе братья-звери
По берлогам нежат бок,
А ему закрыли двери
На задвижку и замок.
Ходят девочки, мальчишки
Поглазеть, разинув рот,
Как тайги хозяин Мишка
На цепи в плену живёт.
Но ни взрослые, ни детки
(Даже в праздничные дни)

Не дают теперь конфетки –
Больно дороги они.
Не дают и хлеба корки.
Кто-то их самих прижал –
Ельцин иль Гайдар Егорка –
Хлеб опять подорожал.
Зверя стерегут не даром –
Клетка, цепи и замок! –
Реформатора Гайдара
Чтоб он придушить не смог.

Сказка о Яге, Водяном, Лесовике и Кощее (для взрослых)

1

За горами снеговыми,
За лесами вековыми,
В густолесье у болота
Старый дом стоит. Ворота
Покосились. От ворот
Шаткий тянется заплот.
На крыльце сидит старуха,
Подперев ладонью ухо,
И ворчит на целый свет,
Что порядка в мире нет.
Что сгнило её крылечко,
Что дымит в избушке печка,
Износилось помело,
Что ей брюхо подвело.
Что не стало прежних слуг,
Гуси-лебеди на юг
Улетели. Чёрный кот
Хил и слеп четвёртый год.
Только ворон, слава богу,
Служит старой понемногу.
Принесёт щепоть зерна
Ржи, овса или пшена,
Хворой ведьме всё годится

На похлёбку иль кашицу.

2

Прожила Яга сто лет,
А друзей у ведьмы нет.
Только недруги кругом.
Стороной обходят дом
Люди, звери и зверушки,
Помня злобный нрав старушки.
Целый век колдунья злая
Сострадания не знала,
Только сеяла беду.
В огороде иль в саду,
Или в поле, то и знай,
Напрочь сгубит урожай.
На капусту и картошку
Занесёт жучка иль блошку,
Саранчу и гусеницу –
На гречиху и пшеницу.
Сбросит с дерева бельчат,
Ночью выкрадет зайчат,
Волка приведёт в кошару,
Тысячи мышей – к амбару.
Превратила у Аленки
Братца милого в козлёнка.
Все колдуньины проказы
Даже трудно вспомнить сразу.
Сотню лет ходили слухи:
Злей Яги другой старухи
Не встречалось никогда
В самодревние года.
Но теперь она стара,
Редко сходит со двора.
Колдовство хоть не забыла,
Но не та у ведьмы сила.
Родственник её Кощей
Перестал считаться с ней.

3

С горя спятила старуха,
Про себя бормочет глухо:
– Только б избу починить!
Только б зиму пережить!
Никому и никогда
Я не сделаю вреда!
Но не верят злой старухе
И к её стенаньям глухи.
Лесовик в глаза хохочет:
– Что допрыгалась, Яга?
То-то, старая карга!
Припеваючи жила,
Только ела да пила.

Пол-округи обокрала,
Всё тебе казалось мало.
Я ещё запрошлым летом
Говорил тебе... Да где там!
Помнишь, как детей пугала?
Как кота на них спускала?
Как в болото завела?
Хорошо, большого зла
Не случилось. Я ребят
Проводил до самых хат.
Не минуешь ты сумы,
Не переживёшь зимы.
Благо мне внутри дупла
Хватит места и тепла.
Да и пустит на постой
Чуть не каждый домовой.

4

Лесовик – колдун безродный,
Добронравный, благородный.
Нет у старикашки дома.
Сена клочок, пучок соломы,
Где придется, под кустом
Для него постель и дом.
Минет летнее тепло –
Забирается в дупло.
Полусыт и полунаг,
Про себя толкует так:
– Знают все: лесовичок
Не зловредный старичок.
Ягодники, грибники,
Дети, бабки, старики –
Мои гости и друзья.
Им подсказываю я,
По какой идти дорожке,
Чтобы наполнились лукошки.
Кто коверкает кусты,
Топчет травы, мнёт цветы,
Птичьи гнёзда разоряет,

Кто в лесу с огнём играет,
Тот и мне, и лесу враг.
Заведу его в овраг,
Поплутаю, закручу,
Запугаю, накричу,
По болотам потаскаю,
По ручьям пополоскаю
И на первый раз прощу,
Невредимым отпущу.

5

В горе мечется Яга:
– Скоро стужи и снега,
Скоро белые метели
Дом продуют через щели,
Занесут его до крыши,
Как помру, и не услышу.
К Водяному поспешу
И совета попрошу.
У него не бабий ум.
Не чужой мне. Всё же кум.
И не мешкая нимало,
В край болота прихромала.
– Водяной, а Водяной!
Да откликнись!..
– Я больной.
Осенью всегда хвораю.
А зачем явилась, знаю.
Волшебство твоё и сила
Завсегда в избушке были.
Почини свою избушку –
И не победить старушку.
– Знамо, что непобедима,
Коль не окочурюсь в зиму.
Но делов невпроворот
Там от крыши до ворот.
Где мне, старой, одолеть?
Лучше лечь и околеть!
– У тебя, гляжу, кума,

Поубавилась ума.
Прожила ты лет немало,
А когда-нибудь видала,
Чтобы ведьмы, колдуны,
Знахари и ведуны
Лес рубили, шахты рыли,
Скот пасли, зерно растили?
Уясни ты, баба дура!
Ты – Яга! Номенклатура!
Наша мощь и силы мера –
Жителей окрестных вера.
Ведь не только люди, звери
В колдовство почти не верят.
Ведьмами, чертями, вишь,
Их уже не удивишь.
Много лет живя на свете,
Устарели сказки эти.
– Что же делать, куманёк?
Мне, признаться, невдомёк.
Не слетать ли спешно мне
К самой северной родне?
За неделю обернусь...
Там Кощею поклонюсь.
Так и так, скажу, родня,
Не оставь в беде меня.
Кого надо – припугни,
Чтоб не рыпались они.
– Ты, похоже, полагаешь –
Злом кого-то напугаешь?
Новым злом, поверь, Яга,
Только наживёшь врага.
Кто-то нужно чтоб любя
Сделал, веруя в тебя,
Всю починку, всю работу
От крылечка до заплота.
Заводи, кума, ей-ей,
Больше преданных друзей.
– Это новенькое что-то!
Ты не спятил средь болота?

– Нет, не спятил. Ты покайся,
Перед всеми унижайся.
Но толкуй, что Лесовик –
Хитрый, пакостный старик –
Зло лихое возлюбя,
Силой принуждал тебя.
Под давлением этой силы
Иногда, мол, ты грешила.
Кто-нибудь поверит, может,
Чем-нибудь, глядишь, поможет.
Ну а там, как говорится,
Только б с краю зацепиться.
Слышал я, теперь в народе
Состраданье стало в моде.
Дескать, прошлые дела
Много наплодили зла.
– Это верно. Будь здоров,
Сколько наломали дров.
– То-то! Надо притвориться,
Даже храму поклониться.
А в каком-нибудь совете
Или, скажем, комитете
Заявить: “Не умолчу!
Перестроиться хочу.
Дескать, я желаю лично,
Чтобы всё демократично.
Позабыть былой конфуз,
Мирный заключить союз.
От слона до таракана
Чтобы зажили гуманно.
Чтобы каждый, даже слон,
Строго соблюдал закон”.
Помни: в вере наша сила,
Как всегда и раньше было.

6

Как словами, так и делом.
А Яга хитрить умела.
Побрела она лесами

Под седыми небесами.
Кланялась кроту и волку,
Горбила старушью холку.
Перед всеми повинилась,
Трижды в пояс поклонилась,
А медведю до земли,
Чтоб старушке помогли.
И артель привёл бобёр
Мастеров Яге во двор.
Серый починил крылечко,
Кумушка белила печку.
А медведь надрал пласты
Белоснежной бересты.
Дятел крышу перекрыл,
Берестой её обил.
На чердак забрался кот
И прочистил дымоход.
Застеклил косой окошко,
Чугуны помыла кошка.
Стаи птичек налетели
Конопатить в доме щели.
Ёжик разогнал взашей
Из кладовки всех мышей.
А зайчата, хоть малы,
Дружно вымыли полы.
Кто-то починил заплот,
Обновил столбы ворот.
И колдунья избушка
Засияла, как угрушка.

7

Только с ведьмина двора
Удалились мастера,
Домик встал на курьи ножки,
Лесу подмигнул окошком.
Ведьма ахнуть не успела,
Лет на сто помолодела.
Сразу сделалась строга –
Ведьма! Прежняя Яга!

Слуг она без промедленья
Привела в повиновение:
И гусей, и лебедей,
Пауков, клещей и змей.
Даже старый, хилый кот,
Что слепой четвёртый год,
Подобрался как-то разом,
Начал видеть левым глазом.
Ворон вновь взлетел на крышу,
За неделю зная, слыша:
Кто идёт, зачем, куда?
И удача иль беда
Ждёт прохожего в дороге.
У Яги порядки строги –
За промашку рвёт старуха
Ворону перо из брюха.
А за пост ему (по чину –
И доносчик и слуга) –
Дачу-люкс и мертвечину
Предназначила Яга.
И опять аж целый век
Зверь, зверёнок, человек
Ежедневно, ежечасно
От колдуньи злой, ужасной
Будут ждать беды и горя.
А к колдунье из-за моря
Прилетел родной и милый
Сам Кощей с нечистой силой.

8

На болоте вой и гром,
Чёрный дым валит столбом,
Хохот, хрюканье и пляски.
Водяной в зелёной ряске
У костра сидит с Ягой,
В углях шарит кочергой,
Под котёл сгоняя жар.
В нём готовится отвар

Из пиявок, лягушат,
Змей болотных и мышат...
Ведьмы, черти, колдуны,
Знахари и ведуны
Из заморских царствий аж
Прилетели на шабаш
В честь Яги, что ради зла
Власть былую обрела.
Только бедный старичок,
Старичок Лесовичок,
На ночь спрятался в дупло,
Хоть в лесу ещё тепло.
Он решил на первый случай
Удалиться в лес дремучий.
Нервы, мол, поберегу,
Чтобы с глаз долой Ягу.

Это сказка. А на деле
Звери вовсе озверели,
Старую ягу – по шапке,
Без раздумий, без оглядки.
Главным над всея Расея
Выбрали себе Кощея.
Правит он, как Ельцин Боря,
По указке из-за моря.
Говорят теперь всё чаще:
“Прежней редьки хрен не слаще”.

О Родине

В затишье боя у Днестра,
Пока нехитрый суп-пюре варили,
На отдых разместившись у костра,
О Родине солдаты говорили.

И, как нарочно, все из разных мест:
Кавказец, сибиряк и украинец.
Один хвалил тайгу, другой – девчат-невест,

Кавказских скакунов – наездник-кабардинец...
Волжанин и якут вступили в спор.
Волжанин козырял раздольной песней...
Я промолчал. К чему и разговор,
Коль мой Урал любых краёв чудесней!

5 июля

Товарищ Головин, скажи на милость:
Какая лень в тебя переселилась?
На что это похоже, в самом деле!
До полудня валяешься в постели,
Глаза опухшие в двенадцать продерёшь,
Литр квасу ахнешь, в туалет зайдёшь
И снова на диван в полусонной истоме.
Ты посмотри, что делается в доме:
Разбросаны наброски и холсты,
Роман не завершён, валяются листы,
Ковёр замусорен, посуда не помыта
И собственная морда не побрита.

Ты к замыслам своим остыл,
А время не вернуть. Ты позабыл?
Да. Время не вернуть – ни час, ни день,
Что слопала прожорливая лень.
Секундами поспешно семена,
Оно работает теперь не на меня.
Но время всероссийское сейчас
Работает и в целом не на нас.
Все лозунги, с которыми носились,
Исподниками в прах поизносились.
А все земные гении и боги
Вели страну по гибельной дороге.

Неведомо, что завтра ждёт
Переобманутый задёрганный народ.
Грядущее – такой же тёмный лес
Для рулевой КПСС.

За что же пролиты моря и реки крови?...
Вот я и мучаюсь без злобы, без любви,
Опустошённый, будто без нутра –
Днём ожидаю ночь, а ночью жду утра...

Виновных вроде нет. Они в могиле.
Но нынешние лидеры не в дворниках ходили.
Имели пост, правительственные льготы
Оклады, дачи и ещё там что-то.
Но от ответственности уклоняясь,
Кто князем был, тот снова князь.
Приспешникам и прихлебаям пышки,
А рядовым партийцам только «шишки».
Вот и завоешь поневоле
Как от зубной проклятой боли.

15 сентября 1990 года

Льёт и льёт уже вторые сутки
Дождь такой, что на душе тоска.
Не проглянет солнце на минутку,
С головой укрывшись в облака.
А на сердце муторная слякоть,
Как болота рясковая муть,
Будто мне назначено когда-то
Непременно в ряске утонуть.
Не хочу я верить, будто тучи,
Голубое небо заслоня,
Будут серыми дождями мучить,
Будто только осень ждёт меня.
Верю, ждёт меня родная Клава.
И во тьме дождливой ночи ждёт,
Что она любовь моя и слава,
Что беду и пасмурь отведёт.

Агроном

Рожь за речкой колосится,

Наливается зерном.
В поле до ночи (не спится!)
Наш колхозный агроном.

На поля ложатся росы.
Степь ещё объята сном.
Уж опять русоволосый
В поле ходит агроном.

Рожь доверчиво, как другу,
Льнёт колосьями к нему.
Неспроста на всю округу
И почёт, и честь ему.

В день страды звонкоголосой
Рано утром, до зари,
Зазвенят стальные косы,
Выйдут в поле косари.

Чуть восход окрасит небо
В лёгкой дымчатой дали,
И комбайны морем хлеба
Поплывут, как корабли.

Зазвенит девичий голос,
Прославляя труд большой.
Нет, не зря за каждый колос
Агроном болел душой.

Перечитывал не даром
Он научные тома –
Потечёт рекой в амбары
Хлеб колхозу в закрома.

Беспросветная ночь

Длинна бессонная ночь.
Мысли темнее ночи.

Во всю обалденную мочь
Разгульные ветры хохочут.
В оврагах кряхтят тополя,
Воздев узловатые сучья.
Стоном стонет земля:
«Откуда напасть эта сучья?»
Убийства, насилие, разбой.
Акционеры и банки
Грызутся между собой,
Как скорпионы в банке.
И обирают народ
(Вклады униженной нации),
Скупают то ГЭС, то завод
Чубайсовской приватизации.
А новые богачи
Возводят дворцы и палаты.
Гибнут в чеченской ночи
В заложниках наши солдаты.
Выползли из щелей
Спекулянты и жулики.
Нынче привольно всей
Этой отъявленной публике,
Что расплылась по стране,
Будто дерьмо из кювета.
Даже в горячечном сне
Вряд ли привидится это.
Вещают на все голоса
Продажные боссы вещания,
Грядёт де вот-вот полоса
Расцвета - во след обнищания.
Но зарастают поля,
Глохнут цеха и заводы,
Корчась, скудеет земля
От буржуазной «свободы».
... Безработная беднота,
Разруха и толпы босые,
Роскошь и нищета ...
Ты ли это, Россия?

Ведётся счёт!

Давно ли символ мира – алый стяг –
Пылал, над куполом рейхстага рея?
Урок забыт. Неистовствует враг.
Грозит войной. Линчуется Корея.

Как в грозный сорок первый год,
Убийц самовлюблённых банда
На мир пойти готовится в поход,
Чтоб заточить его в тюрьму Эллис-Айlanda.

Но пусть не забывает Уолл-Стрит
Что преступлениям ведётся счёт.
За всё, что ныне рушится, горит,
Ответ сполна потребует народ.

Ведётся счёт. И недалёк тот день,
Когда народный гнев их приведёт
За кровь детей, руины деревень
На новый суд, Нюрнбергский эшафот.

Возвращение на Родину

Родимый край. Здесь каждый косогор,
Тропинка каждая, ручья приветный лепет,
Сосновый бор, кайма далёких гор,
Знакомо, дорого в душе рождает трепет.

Вот старая берёза над водой
Склонилась кудреватой головою,
А около неё осинник молодой
О чём-то шепчет мне серебряной листвою.

Мальчишкою берёзу эту помню я.
Рассказы рыбака здесь у костра бывало,
Разинув рот, дыханье затая,

Я слушал и просил, чтоб рассказал сначала.

А вот он и последний перевал,
Последний поворот тропинки узкой.
Вот здесь при расставании целовал
Я девушку в небесно синей блузке.

И сколько раз в далёкой стороне,
Где мы в боях отчизну отстояли,
Всё чудились места родные мне,
Поля бескрайние, да голубые дали.

Пять лет прошло. И вот вернулся я.
В огне атак, и в зной, и в непогоды
Об этом дне, любимые края,
Я молча тосковал все эти годы.

Возвращение

Родимый край!.. Знакомый косогор,
Седые кедрачи, брусничные болота,
Сосновый бор, кайма далёких гор,
Осенних перелесков позолота...
Вот старая берёза над водой
Задумчиво качает головою,
А около осинник молодой
Лепечет что-то трепетной листвою.
С ребячьих лет берёзу помню я.
Рассказы рыбака здесь у костра, бывало,
Разинув рот, дыханье затая,
Я слушал и просил, чтоб рассказал сначала.
А вот и он – последний перевал,
Последний поворот тропинки узкой.
Вот здесь при расставании целовал
Я девушку в небесно-синей блузке.
Семь лет минуло. Воротился я.
Остались позади военные невзгоды.
Об этом дне, любимые края,

Я молча тосковал все эти годы.
И сколько раз в далёкой стороне,
Где мы в боях Отчизну отстояли,
Всё виделись края родные мне –
Разливы рек да голубые дали.

Выпал снег

Клава, с Новым Годом!

Выпал снег предновогодний.
Ни следа. Как сахар чист.
Предо мной лежит сегодня
На столе тетрадный лист.
Ни штриха на нём, ни точки,
Как на утреннем снегу.
Жаль, особенные строчки
Я придумать не могу.
Лексикон словесной груды
Методично ворошу,
И слова, как изумруды,
Отыщу и напишу.
О тебе любимой самой,
Самой нужной и родной,
Хлопотливой, неустанной –
Друг, жена. Помощник мой.

Где-то, что-то ...

Где-то, что-то случилось не так.
Как случилось? А кто ж её знает.
Не сломил нашу Родину враг,
Изнутри она загнивает.
Только ясно, что предки правы,
Сочинив изречение такое:
Дескать, рыба гниёт с головы,
А потом уже всё остальное.

1976 год

Глухарь

С маху замерла куница
У сплетенья тальника —
Краснобровая царь-птица
Села возле родника.
Хищница к ручью с пригорка
Промелькнула через гарь...
Насторожёнno и зорко
Поднял голову глухарь.
Тишине лесного царства
Доверять он не привык.
Вдруг какое-то коварство
Он почуял. В тот же миг,
Ссыпал с ветки снег и иней,
С шумом крылья размахнул
И в морозной дымке синей
За распадком утонул.

Дорожка

Вьётся ленточка-дорожка
В золотую ширь полей,
Мимо нашего окошка,
Возле старых тополей,
По откосу у забора
Опускается к реке,
За рекой, вдоль косогора,
Вьётся, вьётся вдалеке.

Без конца, как зыбь морская
(В целый день не перейдёшь).
Обступила золотая
Тропку узенькую рожь.
Хорошо росистым утром
По полям тропой идти,
С листьев брызги перламутра
Осыпая на пути.

Загорье

Не Кавказ, не Черноморье –
«Красноярское Загорье».
Не шикарный, не отличный,
Но курорт вполне приличный.
Всюду рощи и аллейки,
Вдоль расставлены скамейки
Под берёзами в тени.
Утомился – отдохни.
Но скамеечки убоги,
Кособоки, колченоги.
Если сесть неосторожно,
То травмироваться можно.
В перелеске, на полянах
Аромат цветочно-пряный.
Воздух чистый и прозрачный,
Только климат шибко мрачный.
Люди в продолжение мая
Бродят, курток не снимая.
Снег и дождь. Вот-вот июль,
А температура нуль.
И в палатах, как в подвале.
Под двойные одеяла
Лезет истый сибиряк,
Не согреется никак.
Матюгает целый свет,
Что хозяина здесь нет.

Их село снесли

(справа от тракта Б.Ключи – Ирбей)

Село по чьей-то директиве разорили,
Дома, сараи, бани – всё снесли.
Окрестные деревни укрупнили,
Куда-то в центр перенесли.
В стерне колхозное пасётся стадо.

А рядом – почернелые углы
Тесовой пирамиды, жалкая ограда
И деревянные скамейки да столы.
То память тех, что из села ушли
И не смогли из боя воротиться.
Тесовый памятник.
А их село снесли
И всё вокруг засеяли пшеницей.

Кача, Кача...

С высоты Крайисполкома
Кругозор больших широт.
Сверху видно, как знакомо
Руслом Качи грязь плывёт.
Как жильцы, что с Качей рядом,
Молодёжь и старики
Зажимают нос от смрада,
Рассыпая матюги.
На глазах у саннадзора
И общественности всей
Качей миллионный город
Сбросы гонит в Енисей.
Уверяют старожилы
Из окрестных деревень,
Дескать, в Каче (время было!)
Даже множился таймень.
Нынче, одолев заразу,
Держатся пескарь да ёрш,
Но пропахли нефтебазой,
Что и в рот-то не возьмёшь.
Неспроста решили, значит,
Уйму денег извести
И в новый центр от грязной Качи
Исполком перенести.
«А очистить речку эту
Я и сам, конечно, рад,
Но в бюджете денег нету», –

Уверяет бюрократ.

Ко Дню Победы

Жаль, не довелось в Берлине мне
В мае водрузить Победы знамя.
Но я, как многие, на той войне
Отмечен и свинцом, и орденами.
Кто на Руси рождён, работал, жил,
Россия дорога им. Всё же.
Кто за неё полжизни положил,
Для тех она стократ дороже.
Я с той войны калека, инвалид,
На пенсии остаток дней влачу.
В России беспредел и унижений стыд,
Но Родины другой я не хочу.
Больную мать не бросит сын в беде,
Коль он не растерял сыновней чести.
Россия – родина! Я потому везде
В успехах, в горестях с Россией вместе!

Летом

Луг-ковёр цветами вышит.
Речка-лента на лугу.
Ветерок чуть-чуть колышет
Ивняки на берегу.
Как фарфоровые вазы,
В речке лилии стоят,
И росинки, как алмазы,
В лепестках у них горят.
С треском носятся стрекозы,
Чёрный шмель в траве гудит.
Словно в зеркало, берёза
В воду с берега глядит.

На «Карпаты» по клубнику
Чуприкову Григорию Елисеевичу

С веселинкой, без тревоги
Катим по лесной дороге.
«Жигулёнок» отдохнувший
Бодро будит лес уснувший.
Только больно узок путь,
С колеи не отвернуть –
Мрачный лес по сторонам –
Неуютно стало нам:
Если занесёт в болото,
Не найдут и с вертолёта!
Лето, как на зло, сырое.
Выпало осадков втрое,
Чем в минувшие года –
Где ни сунешься – вода!
А дорога хуже, хуже,
То колдобина, то лужа,
То овраг, то косогор
И жара... Ревёт мотор...
Правый, левый поворот.
Пронесло! Газуй вперёд!
Лишь вперёд. Нельзя иначе.
Что-то в задней передаче
Не по-доброму скрипит,
Так что ход назад закрыт.
Наконец, вздохнув устало,
У курьи машина встала.
Перегрелась. И не диво!
А пред ней такая лыва!
Только сунься, бог ты мой!
Окунёшься с головой.
От такой-то тайной мысли
Лица пассажиров скисли.
Ехать предстоит в болото,
Где увязнешь до капота.
Лучше бы назад вернуться,

Если б можно развернуться.
Но на счастье рулевой
И не трус, и с головой.
Справа яма, слева яма.
Он махнул серединой. Прямо.
Вылетел на островок,
А с него немного вбок.
Будто в цирке виртуоз,
Меж сосёнок и берёз.
Вправо, влево, напрямик,
Без зазоринки, впритык...
Сердце ёкнуло в груди,
Но болото позади!
Дико мы тогда устали.
Полрайона отмотали,
Где, пожалуй, даже бес
И на брюхе б не пролез.
Без прикрас, на самом деле,
Если б был другой шофёр,
Мы бы где-нибудь засели
И торчали б до сих пор.

Только ягоды едва
Наскребли стакана два.

Музыка

А гривастые балбесы
Хрипло воют, будто бесы,
Что-то дикое поют,
По гитарным струнам бьют.
Усилитель микрофонный
Грохот удесятерённый,
Как лавину, как обвал,
Рушит в танцевальный зал.
Эти горе-музыканты —
Без души и без таланта —

Загребают без забот
Каждый вечер пару сот.

О рыбах и рыбёшках Сибири

*Сорожка*¹

Краснопёрая сорожка
Ловит мух и разных блошек,
Потому ей нравится
У побережий плаваться.
У воды плодятся мошки,
Комары, сороконожки,
То есть насекомые –
Для плотвы лакомые.
Мошка в воду упадёт,
Тут её сорожка ждёт.
Быстро схватит, и тогда
Всколыхнётся здесь вода,
Волны побегут кругами...
Часто видели мы с вами:
Поверху хватает мошку
Серебристая рыбёшка,
Это есть как раз сорожка!

Окунь

Окунёк зеленобокий
У обрывчика с осокой,
Краснопёрый, полосатый,
И колючий, и горбатый.
С сеголеток чуть не час
Не спускает жадных глаз.
За травой хоронится,
На плотву охотится.
Зазевается малёк –

¹ Сорожка, сороча, чебак – местные названия плотвы из семейства карповых.

Не промедлит окунёк.
Вмиг проглотит огольца,
Хоть плотвичку, хоть ельца.
Окунёвая уха
Очень даже не плоха.
Окунёвы малолетки
Всё ж разбойничают редко,
Промышляя насекомых.
Только окунь взматерееет,
Сразу будто озверееет –
Первый хищник водоёмов.
16 октября 1998 года

Щука

В наших реках и озёрах
Щука – первая обжора.
Ест плотву, ельцов, ершей,
И налимов, и лещей.
Очевидцы говорят,
Что глотает и щурят,
Крыс, лягушек и мышей,
Карасей и пескарей –
Всё годится в пищу ей.
Всё глотает. Всё подряд,
Даже уток и утят.
Замирает всё живое,
День к закату клонится.
И выходит для разбоя
Хищная разбойница.

Налим²

С виду распознать, друзья,
Трудно, рыба иль змея.

² Налим – семейство тресковых

^{**} Хариус – семейство лососевых

Кожа скользкая, как мыло,
Сплющенная голова —
Настоящее страшило!
Длинный ус. Один, не два.
Рот широк, глаза — как точки,
Тело гибкое, как плеть.
Спит под камнем или кочкой
День-деньской. Начнёт темнеть,
Он выходит на охоту
(Не плавёт, по дну ползёт!).
Черви, трупы, кто-то, что-то —
Всё идёт налим в рот.
Чем ненастней и темней,
Тем налим активнее.
А вода, чем холодней —
Он не утомимее.
У него и икрёмёт
В холода. Под Новый год.

Хариус^{**}

От Урала до Востока
В крупных реках и протоках,
Где вода и холодна,
И на доньшке видна
Каждая, как есть, соринка,
Мелкий галечник, песчинка,
Рыба хариус живёт.
По притокам вверх идёт
Эта рыба ежегодно,
Когда реки полноводны,
В ручейки на икрёмёт.
Там она жирует лето
По таёжным речкам где-то.
Поздней осенью упрямо
В реки катится и в ямы.
Эта рыба и красива,
И по вкусу хороша,

И в засоле просто диво,
И наваристей ерша.

Гольян

Это мелкая рыбёшка.
Меньше пальчика немножко.
Серая, невидная,
Но небезобидная.
Хоть она невелика,
С годовалого малька,
Очень ценных рыб, огромных
Истребляет в водоёмах.
В икромет гольяны просто
За день жрут икринок по сто.
А из них вполне могли б
Народиться тонны рыб.
Да таких, что будь здоров! –
И сигов, и осетров.
Только-только снег сойдёт,
У гольянов икромет.
То есть продолжение рода
У гольянского народа.
Сна и отдыха не зная,
По ручьям гольянов стаи,
Будто на большом параде,
В ярком свадебном наряде
Брачный совершают ход
В ежегодный икромет.

***Карась*³**

Где осока, ряска, грязь,
Там и водится карась.
В зимние лихие стужи

³ Карась – семейство карповых

** Язь – семейство карповых

Выживает он и в луже.
В ил залезет, до весны
Спит себе и видит сны.
Серебристый, золотистый –
Всё равно карась костистый.
На старицах у Тобола
Всюду ряска и рогоз.
У паромного прикола
Карасищи, как поднос.
На костре в походном стане
Их мы жарили в сметане.
Карасище здоровенный.
Кости как в баране в нём,
Обсосать их нет проблемы
В темноте, не то, что днём.

Язь^{**}

На плотву походит язь,
А костлявый, как карась.
Со спины и с головы
Поупитанней плотвы.
Вот плавники такие же,
Но светлые, не рыжие.
На уде упрямо бьётся,
Рыбаку не вдруг сдаётся.
Его ловят ради спорта,
А трофей второго сорта.
Хоть язи-богатыри
Весят килограмма три.

Осётр⁴

Не плотва и не пескарь,

⁴ Осётр – семейство осетровых

^{**} Мангазея – давний город на реке Турухан – притоке Енисея. На его месте теперь Старый Турухан.

А по праву рыбий царь!
Заливное осетра
Или чёрная икра –
Повседневная закуска
На столе у новых русских.
Для других же осетрина
Недоступна, как и вина,
Что привозят из-за моря.
Даже северянин с горя,
Крадучись от егерей,
По ночам, без фонарей,
Эту рыбу ловит редко.
Может, раз за пятилетку.
А в низовьях Енисея,
Против бывшей Мангазеи **,
В центнер с лишнем осетры,
В них по два ведра икры.

Таймень

Богатырь сибирских рек
Измельчал в двадцатый век.
По три центнера бывали!
А теперь уже едва ли
Килограмм на двадцать пять
Удаётся в год поймать
Одного по всей Сибири...
Года три или четыре,
Может, пять тому назад
Там, где Дивногорский град⁵,
Хапнул на блесну чертяка!
На полцентнера, однако.
Рыба сильная! Красиво
На истоки в икромет
Плёсами идёт игриво,
По дорогам – напролёт.

⁵ Дивногорск – город на Енисее

Мы построили плотины,
Гидростанции. Но вот
В загородках, как скотина,
Эта рыба не живёт.
Ей простор широкий нужен,
Быстроструйная вода,
И, как стёклышко, к тому же
И чиста, и холодна.

Пелядь

Пелядь – сиговой породы
Чистых северных озёр.
Любит ключевые воды
Или с ледниковых гор.
Вот в Туве на Чегытае
(Сам ловил, то не слова),
Экземпляры попадают
Весом килограмма два.
Только с глубины огромной,
Ну, а ближе к берегам
И улов, конечно, скромный –
Пелядишки в двести грамм.
Есть и в Туруханском крае
Пелядины старицы.
В них заморов не бывает,
Лёд до дна не промерзает,
Хоть зима там долго злится,
Потому, что и в ночи
Бьют в них донные ключи.

Нельма

Рыба деликатная
И в ухе приятная.
И в копченье хороша
(Балычок или теша!).
А пирог из нельмы – чудо!

Рыбы чуть ли не в полпуда
Вырастают иногда.
В позапрошлые года
Нельмы в реках и озёрах
Было больше не в пример.
Но пропала то ль в заморах,
То ль повывел браконьер.
Нельму ловят не иначе,
Так, случайно! На удачу!

Лещ

Рыба стайная. Пуглива.
Плоская, как камбала.
В море нашем по заливам
Всё придонье заняла.
Меньше карася костиста,
Поприятнее язя.
Но в лещах бывают глисты —
В строганину их нельзя.
Ловятся лещи на «донку»
С лодки и на глубине.
На червей, на хлеб, подёнку.
И добычливо вполне.
Часто по два килограмма,
А бывают до семи...
На прикорм пшено и манку
Или комбикорм возьми.
И сачок пренебреженно
На рыбалку захвати.
Клюнет вдруг чудак отменный
Килограммов до пяти.

Сиг

Вот сибирского сига
В Енисее до фи́га.
К Туруханску от Имбата

Пойма вся сигом богата.
Ловят чаще впрок, в засол.
В зиму северянин
Без солёной рыбы стол
Накрывать не станет.
Здесь варёная картошка
Да солёная рыбёшка –
Неизменный рацион
И теперь, и испокон.

Прочие рыбы

Приходящие

Омуль, ряпушка, зубатка
В Енисей однажды в год,
Как всегда по распорядку,
Заплывают в икромёт.
После икромёта вскоре
Вновь идут на север, в море –
Непременно косяками.
Так из года в год веками.
Жители окрестных сёл
Ловят рыбу на засол
Всевозможными снастями:
Неводами и сетями,
И блесной, и вентерями.
Но об омуле забота:
Чтоб совсем не загубить,
Стали с головы по счёту
По лицензии ловить.

Осёдлые

По запрудам и речушкам
На червя или на мушку
Ловятся пескарь, елец,
Ёрш, верховка и голец.

Ловятся зимой и летом...
Надо пояснить при этом:
Как живцы, незаменимы
Ёрш колючий – на налима ...
Впрочем, можно всех подряд
На налимов и щурят.
А ельцов солить годится,
Жарить то ж! Ершей – в ушицу!
По навару из ерша
Ушка больно хороша.
Если же в навар ершистый
Положить и осетрины,
Можно мыслить без греха:
Будет царская уха!

Опять зима

Выпал снег. Опять зима.
Стужа. Поневоле
Все попрятались в дома.
Ребятишки – в школе.
В ней уютно и тепло,
За двойными окнами.
Хоть сугробы немело
За дверями плотными.
Кто выходит и на миг
По делам на улицу,
Поднимает воротник,
Под пургой сутулится.
Днём и ночью на ветру
Поджимают лапки
Птицы в поле и в бору
Без пальто и шапки.
Зиму б можно пережить –
Птички не изнежены.
Только корму не добыть –
Всё вокруг заснежено.
Потому-то в города,

Сёла и станции
Прилетают в холода
Снегири, синицы.
Их надёжные друзья
В банку на окошке
Насыпают, как и я,
Семечки и крошки.

Речка

Во владениях курорта
Речка есть второго сорта –
Не рыбачить, не купаться!
До неё и не добраться
Сквозь болота и кочкарник,
Сквозь крапиву кустарник.
Берега у речки в тине,
А рыбёшки нету ныне.
Говорят, давно когда-то
Рыбы было в ней богато.
А теперь: иди ищи –
По кустам одни клещи.
Как-то сдуру из Чулыма
Забрели два-три налима
В эту речку по весне,
Но и те попались мне.
Признаюсь, как на духу, –
Я сварил из них уху.

Среди волков

На глубоком таёжном снегу
Сиренево-синие тени.
На скалах покой стерегут
Кедры, в снегах по колени.
В нарядах из куржака
Сошлись на уступах берёзы.
В стремнине бушует река –
Её не сковали морозы.
Свежеет копытной тропой,

Где поросль подлеска густая,
Цепочкой идёт на разбой
Голодная волчья стая.
За опытным вожаком
По чуть приметному знаку
Россыпью, полукольцом
Кинулись волки в атаку.
Поздно заметил рогач –
Попались в засаду олени:
Мчатся от берега вскачь
Быстрые страшные тени.
Выпятив мощную грудь,
Прыжками многосаженными,
Касаясь копытами чуть
О валуны обнажённые,
Стремнину перелетел
Вожак оленьего стада.
Видно, подружкам хотел
Он показать, как надо.
И за своим вожаком
Быстро, расчётливо, смело,
Как птицы – прыжок за прыжком –
Всё стадо перелетело.
Взвыл от досады вожак,
Волчий вожак сиволобий,
Незамедлительно так,
Выместив ярую злобу.
Горло волчице порвать –
Одно челюстей движение!
И он постаревшую мать
Стае швырнул на съеденье...
К утру на истоптанном льду
Слетелись монашки-вороны,
Каркать про чью-то беду
И завершить похороны.

Танцы

Под гармошку и гитары
Перед сном танцуют пары.
В теснотище трутся, жмутся,
Скачут, вертятся и гнутся.
И, простите, скорчив рожи,
Каждый бесится, как может.
Дикий человек пещерный
Точно так плясал, наверно.
С виду танец неприличный,
Но зато демократичный.
Пусть хоть в этом у народа
Будет полная свобода.

Тоска и скука

В Туруханской гостинице

Меня нелёгкая на север занесла.
Сижу в гостинице. На самолёт
Билеты проданы до первого числа,
Рекой нельзя: на Енисее лёд.
На улице то снег, то дождь и грязь.
В столовой щи и щи. Питаюсь всухомятку.
На всё на свете круто обозлясь,
Стихами пачкаю походную тетрадку.
Сижу один. Гостиничный сосед
Гуляет где-то. Бог послал соседа!
Ему и сорока, пожалуй, нет.
Приходит за полночь и дрыхнет до обеда.

От скуки канский «Беломор» курю.
Валяюсь на казённой койке
И шибко нецензурно говорю
О диких ценах и о перестройке.
На столетия повернули вспять
И всё пытаемся начать сначала.
Боюсь, не обернулось бы опять
Созданием генсеку пьедестала.

Конечно, Горбачёв пока что свой.
Но власть имущие чинуши
Так насобачились кривить душой
И в лести гнуть откормленные туши!
Молчит угрюмо Туруханский град.
В ночи и лай собак не слышен.
Мой из окна обшаривает взгляд
Его дождём исхлестанные крыши.
Тоска и скука. Серая тоска,
Но я родился, видимо, в сорочке,
Что для забавы, для себя пока,
Из слов сплетаю эти строчки.

Что как награда, выпадают мне
Стихосплетенья мелкие удачи.
Над выдуманной строчкой в тишине
Я, как ребёнок, посмеюсь, поплачу.
И забываю я казённый неуют —
И жуткий чай, и грязные стаканы,
Что то и дело по стене снуют
Усатой ратью тараканы.

* * *

В Тюмень заехал, на какого-то рожна,
Октябрьской непогодой простужен....
Хотя Тюмень мне вовсе не нужна,
Тем более Тюмени я не нужен.
По улицам брожу без дела и без цели,
Никем не признан, никого не узнаю,
Здесь десять лет я прожил. Неужели
Бесследно? На углу стою.
Спешит народ, как я два года
Тому назад к автобусу спешил...
Мой след октябрьский снег запорошил.
Что сделаешь? Такая непогода!

Утёс Ермак
(на реке Чусовой)

Под ним столетьями, ворча,
Валы неслись.
А он, как острие меча,
Вонзился в высь.
В ненастье мечется сильнее,
Ревёт река.
Утёс незыблемо над ней
Стоит века.

Народ предания хранит,
Что здесь Ермак
Вошёл на вздыбленный гранит,
Свой бивуак
Разбил в долине у реки
И с этих скал
Врагов летучие полки
В горах искал.
Увидев на заре костры,
Он на восток,
Покинув острие горы,
Войска увлёл.

И с ночи той через века
Седой утёс
Героя имя, Ермака
До наших дней донёс.

Хирург
(Будем жить!)

Бьют часы нестерпимо звонко
В строгой тиши госпитальных палат.
Лицо умирающего ребёнка
Бледное, бледное, как халат.

Над столом склонились ламп лучи.
Оперирует сегодня профессор сам.
Вокруг него ассистенты, врачи
До шёпота снизили голоса.

В приёмной томятся отец и мать,
А здесь на столе умирает их дочь.
И если у смерти её не отнять,
Чем их утешить и чем им помочь?

Вечностью кажется этот час.
Вопрос решается: быть иль не быть?
Наконец, улыбнувшись морщинками глаз,
Профессор вымолвил: «Будет жить!»

* * *

Слёз прорвавшихся не сдержать.
(Очень уж долго крепилась она)
Шепчет ему благодарная мать:
«Будь священна твоя седина!
Сотни жизней уж спас, может быть,
Ты за свой многотрудный век.
И, как самый родной человек,
В каждой из них ты всегда
будешь жить!»

Часовой

Ночь темна. В глухой ночи.
Ни огней, ни звёзд.
Только, кажется, грачи
Возятся у гнёзд.
Где-то сонно под горой
Ключ едва журчит,
И по-старчески порой
Гром вдали ворчит.
На ночь тучами укрылась
Сонная луна.

На минуту приоткрылась...
Снова спит она.
Каждый звук и шорох каждый
В тишине ночной
Ловит собранно-отважный,
Чуткий часовой.
Позади него граница,
Дом и палисад.
В эту ночь пускай приснится
Девушке солдат.
Хабаровск, 181 Артполк, 1940 год

Что будет?

Гибнет великая нация
Под гнётом нужды и позора.
Цветут грабежи да инфляция
Под флагом лжеца и позёра.
Гадают профессора:
Что нам, горемыкам, достанется,
Когда наконец со двора,
Погонят правителя-пьяницу?

Чудак

Какой-то придумал чудак
Понятие «месяц медовый».
Выходит жена. Как пиджак,
Что месяц хорош, пока новый.
Уж видно, такая жена
Тому горемыке досталась,
Что пенистым мёдом она
Всего тридцать дней показалась.
Потом он изведаль сполна
Другие «горячие» страсти,
Такие, что сам сатана
Бессилен при этой напасти.
И дёготь в тот липовый мёд

Вливая за ложкою ложку,
Уж так, видно, каждый живёт,
Уверовал он понемножку.
И вот повторяют с тех дней,
Как эхо, и снова, и снова,
Что, дескать, с супругой своей
Хорош только месяц медовый.
Когда я услышу такое,
То просто коробит меня.
Хотя со своею женою
Не знал и медового дня.

Шашлыки

Харч не так чтобы хорош,
Но за месяц не умрёшь.
Кто к такому не привык,
Может прикупать шашлык.
Зря из Грузии цветущей
В здешний климат проклятуций
Не поехал бы грузин,
Армянин и осетин.
Здесь деляги-мужики
Жарят микро-шашлыки.
Всё продумано толково:
С каждой порции – целковый.
Мясо им дают в столовке,
Прямо скажем, по дешевке.
Остаётся для кармана
Две десятки с килограмма.

Я перед вами голову склоняю
*Коллективу третьего отделения
санатория «Енисей»*

Где мощная река во всей красе своей
Блестит на плёсах, бьётся в груды скал,
В бору сосновом санаторий «Енисей»

Меня, как многих, приютил и обласкал
В октябрьский листопад и в непогодь сырую,
Когда я только встал с больничного одра,
Казалось мне, что катафалк и сбрую
Готовить в дальний путь пришла моя пора.
А дело сделали уют и тишь палат,
Жизнеобильная сибирская природа
(Хотя не лучшим было время года)
И, может быть, какой-то препарат...
Но, знаю, исцелили до конца,
Как и давно спасли меня – солдата –
И руки умные, и чуткие сердца,
И души чистые, как белизна халата.
Их сострадание, святое соучастье,
Любовь, самосожжения тепло
Вдохнули силу, веру в жизнь и счастье
Всем недугам и – всем смертям назло.
Я перед вами голову склоняю,
И вновь и вновь признанья лепечу.
Но беден мой язык, я это знаю,
Чтоб высказать всё то, о чем сказать хочу.

Я требую!

...Порядочные не были в чести...
Им выпало проклятья крест нести
И испытать такие злые муки,
Что и теперь дрожат и холодеют руки.
...такие злые муки!
Я требую – убийц и палачей
Народу огласить дотошно, поимённо
И объявить весь род их вне закона,
Не тратя обвинительных речей.
...весь род их вне закона!
Их сучья кровь в их детях, внуках,
В продажных кобелях и суках,
Способных Русь распятию предать
И, как отцы, перепродать.
...их сучья кровь в их детях, внуках!

В. Головин

ДЕВОЧКА.
ПЛОТ-
ВИЧКА

ДЕВОЧКА-ПЛОТВИЧКА (внучке Маше)

девочка Маша и её папа весь субботний день отдыхали среди веселых березок на берегу Качи. Купались, загорали, играли в мяч, плели венок из одуванчиков, удиили рыбу. Поймали всего-навсего одного маленького пескарика и пустили его в банку с водой. Пескарик шевелил усиками и без перерыва глотал и глотал воду.

- Это он дышит, - сказал папа.

- Разве можно в воде дышать? - спросила Маша.

- Рыбы умеют дышать только в воде. На берегу без воды они умирают.

Маша сдвинула брови и попросила папу рассказать, как живут рыбки в Каче.

- Ну, слушай, - согласился папа. Он рассказал Маше о бойких пескариках, о серебристых плотвичках и ельцах, о ленивых карасях, о ершах забияках, о зубастых щуках. Не забыл рассказать про налимов, окуней и малюток-гольянов. Маша внимательно слушала, не перебивая. Затем, пока ехали на электричке домой, она о чем-то думала и думала, наморщив лоб и оттопырив нижнюю губу. Сидела смирно и даже в окошко не глядела.

Папу и дочку мама встретила в прихожей. Она, оказывается, давно вернулась с дежурства, приготовила ужин и испекла торт к чаю.

- Гуляки, - несердито проворчала мама. - Быстро мыть руки и за стол. Остывает всё.

Маша отказалась от котлеты, сразу попросила чаю. Она съела кусочек торта и задремала за столом. Мама уложила её в кровать, коснулась лба тыльной стороной ладони, сказала тихо:

- Спи, доченька. Спи.

- А где пескарик? - спросила Маша.

- На кухне в баночке.

- Принеси его сюда... пожалуйста, - попросила дочка.

- Хорошо, - согласилась мама.

Маша прикрыла глаза, но еще не уснула, когда мама поставила на тумбочку банку с пескарником, вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь. Маше было хорошо и покойно. Кровать под ней слегка раскачивалась, как вагон электрички, только плавно и без стука, будто уши заткнули ватой. Перед глазами возникла полянка на берегу Качи, желтые одуванчики, рассыпанные по траве, как маленькие солнышки. На одуванчиках копошились деловитые пчелы с желтыми утолщениями на мохнатых лапках...

Маша улыбнулась, засыпая. И вдруг услышала слабый, но отчетливый голос:

- Девочка, унеси меня домой, на Качу. В баночке я умру.

Маша откинула одеяло, вскочила с кровати. Пескарник всплыл к самой поверхности, выставил губы из воды и тихо повторял:

- Хочу домой. Тут я умру.

Девочка прижала банку к груди, взмахнула свободной рукой, оттолкнулась ногами и, легко оторвавшись от пола..., взлетела к потолку. Через открытую

форточку выпорхнула наружу и, плавно махая рукой и босыми ногами, полетела к Каче. Под ней мелькали дома, огороды, светили редкие огни, а над ней где-то высоко-высоко в темном небе мерцали звезды и плыла круглая луна, как ватрушка. Вот и знакомая полянка. Маша опустилась на самый бережок, зашла по колено в воду и выпустила пескарника из банки.

- Пойдем со мной, сестричка! - сказал пескарник. Он махнул хвостиком и брызнул на девочку водой. В то же мгновение

девочка превратилась в маленькую серебристую рыбку, чуть больше пескаря. Она во всем стала похожей на плотвичку – и серебряной чешуей, и красными плавниками, только вокруг глаз остались от прежней Маши реснички, а вместо спинного плавника – золотистая косичка. И еще грудные плавнички оказались похожими на маленькие ладошки, даже с пальчиками. Пескарик вертелся возле неё и весело распевал:

Здравствуй, девочка-плотвичка,
Золотистая косичка,
Серебристые бока.
Подними свои реснички,
Назовись моей сестричкой,
Поживи у нас пока.
Нет у нас большого дома.
Наши скромные хоромы
Всюду есть по руслам рек.

Нам хором совсем не
надо:
Мы любой коряжке
рады,
Чтоб укрыться на
ночлег.

- Плыдем скорее, -
заторопился пескарик, -
пока не увидели
зубастая щука или
налим Страшила.

Он нырнул на дно
и стал почти
незаметным на сером
песке. Проворно
работая хвостом и
плавниками, пескарик
миновал песчаную
отмель и спрятался
между стеблями осоки
под затонувшую щепку.

Плотвичка пристроилась рядом.

- Мы будем здесь лежать всю ночь? - спросила она.

- Тише, - прошептал пескарик. - Слышишь, кто-то шумит?.. Спи.

Плотвичка прислушалась. Где-то недалеко слышалась возня, и кто-то хлопал ладошкой по воде. Она плотнее прижалась к пескарику и полностью спряталась под щепкой. Ей сделалось страшно. Кругом темно-синяя вода и зеленые стебли камышей и осоки, которые, как большие деревья, поднимались вверх и исчезали в темноте. Пескарик лежал без движения, спокойно хлопая жабрами. Он, видимо, спал. Но его глаза были открыты. Плотвичка задремала и прикрыла ресницы... Через какое-то время пескарик вздрогнул и перестал дышать. Плотвичка подняла реснички и обмерла. Совсем рядом, чуть пошевеливая оранжевыми плавниками и медленно двигая огромными жабрами, как подводная лодка, плыла щука. Её выпуклые глаза, казалось, видели всё и всех вокруг, щука плыла и пела, открывая пасть и пощелкивая зубами:

В брюхе пусто. Третьи сутки
Ни плотвы, ни карася.
Невеселенькие шутки:
Опустела речка вся.
Изловить бы пескаришку,
На худой конец – ерша.
Он и скользкий, и колючий,
Но я страшно есть хочу.
Не уйдет из пасти щучьей,
Уколюсь, но проглочу.

Щука проплыла так близко, что плотвичка почувствовала колыхание воды от её плавников, а в приоткрытой пасти рассмотрела ряд острых зубов. Плотвичка прикрыла плавником рот, чтобы не вскрикнуть от страха. Когда щука проплыла и потерялась в дальней синеве, пескарик сказал:

- Это зубастая щука.

- Я догадалась, - сказала сестричка. - Мне про неё папа рассказывал.

Всю ночь пескарик и плотвичка лежали молча, так как время от времени кто-то возился в траве и хлопал по воде веслом

или ладошкой. Когда совсем рассвело, плотвичка спросила пескарика:

- Как тебя зовут?
- Сероглазкой, - ответил пескарик.
- Скажи, Сероглазка, кто шумел ночью и мешал нам спать?
- Сейчас поглядим. Плыви за мной.

Днем пескарик сделался веселым и смелым. Он быстро лавировал между стеблей и вьющихся трав подводного царства, уверенно плыл в глубину зарослей. Между делом успевал подбирать на дне и глотать каких-то личинок.

Неожиданно что-то забултыхалось, тяжелое и сильное, вода пошла бурунами, кувшинки раздвинулись – между ними билась рыбина, блестя на солнце желто-медными боками.

- Что с вами случилось, тетя-карасиха? - крикнул Сероглазка. Карасиха услышала и узнала его голос. Она перестала биться, ответила, тяжело дыша:

- В сеть запуталась. Бородатый дачник вчера сеть поставил, я и запуталась.

- Как вам помочь?

- Разве ты поможешь? - вздохнула карасиха. - Нитки совсем новые, я и то порвать не могу. Ночью щука приплывала, на меня зубы точила, но лезть в сети побоялась.

Плотвичке стало жаль карасиху. Она знала, что ее положат на горячую сковородку.

- Я помогу! - крикнула плотвичка.

- Доброе, неразумное дитя... - начала карасиха.

Плотвичка её не дослушала, нырнула на дно, сверкнув золотой косичкой, подобрала створку раковины с острыми краями и подплыла к карасихе.

- Вы потерпите, а я нитки перережу, - сказала девочка-плотвичка.

- Однажды я запуталась в леске, а папа разрезал её раковиной.

Тетя карасиха сначала не поверила плотвичке, но странная рыбка сначала перепилила одну нитку, затем вторую, третью, и скоро карасиха оказалась освобожденной. Сколько было радости! Тетя-карасиха благодарила то плотвичку, то Сероглазку, то опять

плотвичку и все звала их в гости.

- Таких червячков для вас добуду, - уверяла она, - каких вы никогда и не пробовали.

Однако Сероглазка спешил успокоить папу и маму. Они, конечно, потеряли его и очень волнуются.

Большая пескариная семья от мала до велика резвилась на мелководном перекате с песчаным дном. Увидев Сероглазку, братишки и сестренки бросились навстречу, окружили его, запели любимую пескариную песню:

Мы артельные рыбёшки,
Просыпаемся чуть свет.
Червячки, личинки, мошки –
Наш и завтрак и обед.
На песчаных перекатах
Мы и летом и зимой
От рассвета до заката.
На ночь прячемся домой.
Пескари не бродят ночью.
Долго ли погибнуть зря?
Хищники всегда охочи
Съесть растяпу-пескаря.
Ночью щуки и налимы
Рыскают по омутам.
Как торпеды, ходят мимо
То и дело тут и там.

Папа-пескарь и мама-пескариха любовались со стороны, как хороводятся и поют их дети. Они увидели плотвичку с золотой косичкой и спросили хором:

- Сероглазка, кто эта красивая рыбка?

- Это плотвичка – названная сестричка. Она меня от смерти спасла, на речку в банке принесла, - заговорил почему-то стихами Сероглазка.

Впрочем, девочка-плотвичка подметила, что рыбы любят выражать песнями и стихами радость, тревогу, благодарность и другие сильные чувства. Папа-пескарь разглядывал плотвичку, поглаживал усы и улыбался, а мама-пескариха спешила передать ей новости.

- Нынче ночью щука проглотила старого ерша! - воскликнула она. - Когда я и папа-пескарь были сеголетками, а может, нас еще и не было, щука тогда была щучкой, но зубастой и злой. Она хватала без разбору пескарей, ельцов, ершей. Ельцов мне нисколечко не жаль. Они такие задавали! Всё хвалятся своим серебристым нарядом и плавают поверху, чтобы их далеко было видно.

Мама-пескариха передохнула и скорее продолжила, чтобы

её не перебили и чтобы плотвичка с золотой косичкой, такая же красивая и нарядная, как ельцы, не успела обидеться:

- Вот тогда щука тоже проглотила старого ерша, - мама-пескариха отвела плотвичку в сторону, чтобы кто-нибудь не отнял у неё такую внимательную слушательницу и, округлив глаза, зашептала: - Ершина семья страшно рассердилась, окружила щучку со всех сторон и давай колоть её острыми шипами. Если бы ты видела, какие у ершей шипы!..

- Я видела. Мне папа Сережа... - начала плотвичка.

- Не перебивай старших! - одернула её мама-пескариха и заспешила: - Щучка бросилась в камыши и много лет не появлялась в этих местах. А теперь она выросла, стала большой щукой и плавает где только вздумает. Житья от неё не стало.

Ерши собираются снова прогнать её в камы... - пескариха не успела закончить фразу.

От рыбки к рыбке до самого переката долетала тревога:

- Берегись!.. Щука!.. Берегись, речной народ!

Пескариная семья исчезла, будто её и не было. Исчезла и мама-пескариха. Плотвичка осталась одна среди переката и не знала, что делать. Но о ней не забыл Сероглазка.

- Сестричка! - крикнул он, - плыви скорее за мной.

Узким коридором между камней он провел её в маленькую пещеру. Здесь уже собралась вся пескариная семья. Из пещеры имелись скрытые водорослями запасные выходы, были и смотровые оконца. Но хищник сюда протиснуться не смог бы.

- Вон она! - зашептали сероглазкины братишки и сестренки, плотнее прижимаясь друг к другу.

Плотвичка впервые хорошо рассмотрела кровожадную разбойницу при дневном свете.

- Крокодил... - прошептала плотвичка, унимая дрожь. Таким чудищем ей показалась щука, что плотвичка-сестричка оглядела стены пещеры, боясь как бы хищница не раздвинула камни и не разрушила убежище пескариной семьи.

Щука остановилась перед ямой, в которой жили ерши, открыла страшную пасть и угрожающе щелкнула зубами. Только теперь пескари увидели, что дорогу щуке преградили ерши. Они полукольцом окружили её, вздыбили острые костяные копыя на спине и приготовились к бою. Щука была труслива. Она вступала в драку только в тех случаях, когда встречалась со слабым противником, и сейчас колебалась. Ей припомнилось давнее поражение, когда израненная ершами она спаслась бегством.

Вперед выступила мама-ершиха (папу-ерша ночью съела щука) и запела боевую песню. Вся ершиная семья дружно подхватила:

В этой яме жили-были
Наш родичи-ерши.
Они щуку победили
И загнали в камыши.
Но видать забыла щука
Наших родичей урок,
И суровая наука

Не пошла зубастой впрок.
Дети тех ершей и внуки
Не хотят терпеть разбой
Наглой и трусливой щуки,
На неё идут войной!

Только прозвучало последнее слово песни, мама-ершиха бросилась вперед и с ходу вонзила острые шипы в мягкое щучье брюхо. Из проколов брызнула кровь. Разбойница взвыла от боли и кинулась наутёк, но два ерша перекрыли ей дорогу и оба сразу вогнули отточенные пики спинных плавников в жирное тело зубастой хищницы. Щука заметалась по яме, ища спасения, но везде натыкалась на шипы ершей. Она очень пожалела, что проглотила старого костистого ерша! Обезумев от боли, щука распахнула страшную пасть и сама пошла в наступление на колючих храбрецов. Но ерши проворно подныривали под щучье брюхо и снизу кололи и кололи её, а щука, хлопая челюстями, хватала пустоту.

И все же один ершик оплошал, щука перекусила его пополам и выплюнула. У мамы-ершихи сжалось сердце от жалости и закружилась голова. Она простонала:

- Сыночек!

В тот же миг и мама-ершиха попала в зубы хищнице. Ерши остались без предводителя, в их рядах произошло замешательство. Этим воспользовалась коварная щука и схватила сразу двух маленьких воинов.

Ерши в панике отступили.

Пескариная семья, а с ней и сестричка-плотвичка, внимательно следила за сражением из своего укрытия. Пескари желали победы миролюбивым соседям – ершам, но помочь ничем не могли. У пескарей нет ни зубов, ни колючек.

- Надо было выпустить щуку из ямы и прогнать в камыши, - сказал папа-пескарь. - Она никогда бы сюда больше не приплыла.

- Пускай в камышах глотала бы гольянов и карасей, - согласилась мама пескариха.

- Так нечестно! - возразила сестричка-плотвичка.
- Не спорь со старшими! - одернула её мама-пескариха.
- Ты еще маленькая, - пояснил плотвичке папа-пескарь, - и не знаешь, что гольяны хуже щуки, они съедают нашу икру и икру других рыбок.

- Как съедают? - удивилась сестричка-плотвичка. - Икра же у рыбок в брюшке.

- Правильно, - улыбнулась пескариха. - Сначала икра в брюшке, а потом выходит прямо в воду, и из неё вырастают маленькие рыбки. Вот в речке-то гольяны и глотают икру, если найдут.

- А караси, - не понимала плотвичка, - тоже икру едят?

- Караси – нет.

- Тогда все равно нечестно.

Пескариха очень рассердилась и хотела отругать невоспитанную плотвичку, но вмешался папа-пескарь и спросил:

- Что же делать, доченька?

- Не знаю. Надо

подумать...

- Страшила! Страшила! - крикнул Сероглазка.

И все увидели налима. Он ползал по дну ямы, подбирал и глотал ершей, задушенных щукой. Черное, округлое тело налима от головы до хвоста покрыто темно-зелеными пятнами, будто он натянул на себя грязный маскировочный халат. Налим извивался, как жирная змея, его ус шевелился и щупал дно, маленькие глазки светились, как электрические лампочки, и весь его вид

возбуждал отвращение и ужас.

- Ой, Страшила! - прошептала плотвичка. Налим подплыл совсем близко к пещере. Стало слышно, как он чавкает, выискивая что-то в иле и глотая. Он с ухмылкой, неторопливо, с паузами и остановками пел:

Все зовут меня Страшилой.

Отчего случилось так?

Мелкота молву пустила,

Что я хищник, рыбий враг.

Санитар я. Подбираю

Трупы разные на дне.

Но и тот, кто обзывает,

Попадает в брюхо мне.

Ну какой же я Страшила?

Я беззубый, как плотва.

Очень гладкие, как мыло,

Брюхо, хвост и голова.

— Когда я был сеголеткой, налимы выходили на добычу только по ночам, - заворчал папа-пескарь, - днем они прятались под коряги и камни. А Страшила, видно, и щуки не боится.

- Тише! - толкнула пескариха папу-пескаря и указала глазами в сторону омута с обрывистым берегом. Берег весной подмыло, большая глыба вместе с кустом смородины обвалилась в воду и затонула. Как раз около этого куста стояла щука и не мигая глядела на Страшилу. Налим был крупнее щуки и не обращал на нее никакого внимания. Он добродушно ухмылялся и копался в иле. Напротив, щуку распирало зло. Ныло исколотое ершами тело, а ерши попрятались и не на ком выместить обиду. Щука подплыла ближе к налиму и бросила вызов: Кто там?.. Кажется, Страшила?

Обнаглел и среди дня

Роется в наносах ила,

Будто вовсе нет меня.

Ха-ха-ха! И со Страшилой

Мы померяемся силой.

Не давая налиму опомниться и принять решение, щука с раскрытой пастью бросилась на Страшилу. Однако неповоротливый и ленивый, как казалось раньше, налим успел не только принять оборонительную позу, но сделать маневр в сторону. Щука промахнулась, и Страшила ухватил её широким,

как раскрытый саквояж, ртом поперек туловища. О, как пожалел налим, что природа не дала ему зубов! Будь у Страшилы зубы, тут бы и конец щуке. Но зубов не было, щука рванулась раз-другой и вырвалась. Во рту Страшилы осталась только часть спинного плавника зубастой разбойницы. Щука снова пошла в атаку. Налим опять увернулся и сильно ударил щуку хвостом, да так, что она отлетела на острый камень и поранила себе бок. Страшила решил, что теперь без особого труда

задушит щуку, которая легла на дно вверх брюхом. Он подплыл к поверженной противнице и запел:

Все зовут меня Страшилой,
Отчего случилось так?..

Страшила понимал, что ему нужна новая песня, песня о победе над зубастой щукой. Но новой песни у него пока не было, а петь очень хотелось. И он пел старую песню. К тому времени щука опомнилась, и её страшные челюсти сомкнулись мертвой

хваткой. В пасть хищницы вместились почти вся голова налима. Страшила извивал сильное тело, обвивал и душил щуку, бил её о камни. Хищница не разнимала челюстей, её острые зубы вошли в мягкое тело врага, и вырваться не было никакой возможности. Силы покидали налима. Он задыхался. Движения становились вялыми и безвольными. Наконец Страшила обвис, как водоросли на донном камне. Щука долго лежала на дне, не выпуская побежденного врага, пока не убедилась, что он мертв. Наконец она разжала челюсти, отдышалась. Несколько раз пыталась проглотить налима, но не могла: он был слишком велик. И щука, избитая и израненная, но довольная, уплыла отдыхать и залечивать раны в камыши.

Победа щуки встревожила пескариную семью. Теперь разбойница будет смело разгуливать по омутам и перекатам и ночью, и днем. Раньше ограждали пескарей ерши. Дорога на пескариный перекат лежала через ершиный омут. Теперь ерши побеждены. Папа-пескарь и мама-пескариха только вздыхали. На этот раз даже днем пескариная семья не покидала укрытия. И мертвый Страшила внушал пескарям страх. Что-то нужно было придумать. А что - никто не знал. Все молчали.

- Придумала! - воскликнула плотвичка и захлопала в ладошки.

- Что же ты придумала? - спросила пескариха.

- Придумала, как навсегда избавиться от щуки.

- Этого не смогли сделать ерши и Страшила. Разве сможешь ты? - покачал головой папа пескарь.

- Смогу!

Невоспитанность плотвички рассердила маму-пескариху. Она строго взглянула на рыбку и собиралась сделать ей серьезное внушение, но папа-пескарь попросил:

- Расскажи, доченька, что ты придумала?

- Надо щуку поймать в сети.

- Где добудешь сеть?.. И разве ты сумеешь её поставить? - Маму-пескарику все больше сердили глупые рассуждения плотвички.

- Сеть поставил бородатый дачник, - пояснила сестричка-плотвичка. - Нужно заманить щуку, обмануть, чтобы она запуталась.

- Так, так, так, - задумался папа пескарь, - придумано неплохо. Кто же и как заманит щуку в сети?

- Я заманю, - сказала плотвичка. - Только пусть Сероглазка проводит меня и покажет, где поставлена сеть. Я одна не найду.

Сероглазка сразу поверил сестричке-плотвичке. Он видел, как она освободила тетю Карасиху.

- Я провожу тебя, сестричка, - сказал он. - Надо торопиться, пока не наступила ночь.

Пескарик Сероглазка и плотвичка, названная сестричка, смело отправились в дальний путь. Миновали омут ершей, два переката и попали в царство камышей, кувшинок и других водных растений. Здесь, в заливе, дачник всегда ставил сети. Сероглазка был самым смелым и отчаянным в пескариной семье. Он часто заплывал в дальние омуты, на незнакомые плесы и перекааты родной реки и без труда отыскал сеть среди кувшинок. Неподалеку от сети Сероглазка нашел надежное укрытие на случай ночлега.

- Будем ждать, - сказал он. - Щука часто заплывает в этот залив.

Ждали долго. Мимо проплыла зеленая лягушка, выкатив глазищи. Плотвичка невольно ойкнула. Сероглазка успокоил:

- Не бойся. Лягушка рыбок не обижает.

Между листьями кувшинок сели две утки и, опустив широкие клювы в ряску, что-то выбирали, громко хлюпая воду.

- Уточки! - воскликнула плотвичка и поплыла к ним.

- Ты куда? - удивился Сероглазка.

- Уточкам перышки погладить, - ответила сестричка. - У бабушки на даче я всегда уточек гладила.

- Тогда ты была девочка, а теперь рыбка! Вернись!

Затем проплыла стайка строгих ельцов. Они высокомерно поглядывали по сторонам и явно гордились серебристой чешуей тонкой чеканки. Вдруг ельцы веером метнулись в разные стороны и попрятались в траве, забыв о высокомерии.

- Щука! - прошептал Сероглазка.

Плотвичка сразу покинула укрытие и выплыла на свободное от травы пространство. План её был прост: подпустить щуку поближе и увлечь за собой в погоню. Затем изо всей силы мчаться к сети и проскочить через ячейки. Маленькая плотвичка

легко проскользнет между капроновых нитей, а щука запутается в них.

Сначала всё шло по плану. Хищница заметила красивую аппетитную рыбку и помчалась за ней. Плотвичка плыла медленно, делая вид, что она больна. Затем полетела птицей прямо к сети. Неожиданно на пути встретился островок густой травы. Пришлось его огибать, щука лучше знала реку, она обогнула островок с другой стороны и оказалась между плотвичкой и сетью. Плотвичке ничего не осталось, как срочно искать укрытие, и она спряталась под первую попавшуюся кочку. Зубастая разбойница подплыла к кочке и запела, предвидя легкую добычу:

Очень странная плотвичка –
Серебриста и чиста.
Золотистая косичка
Змейкой вьется до хвоста.
Подежурю возле кочки.
Видно, здесь у ней жильё.
Сочтены её денечки,
Скоро проглочу её.

Плотвичка обнаружила под кочкой нору и обрадовалась, надеясь найти другой выход и обмануть щуку. Нора неожиданно раскрылась, и плотвичка к ужасу своему увидела большую страшную жабу. Жаба лежала на мягкой подстилке и печально хлопала большими глазами.

- Это моё жилище, - заговорила она. - Отсюда есть выход на берег. Иди за мной, девочка, я провожу тебя.

- Но я теперь не девочка, а рыбка. Я могу дышать только в воде, - возразила плотвичка.

- Ах, да...да! - махнула когтистой лапой Жаба. – К старости забывчивой стала... Но я могу превратить тебя в девочку Машу, и ты спокойно уйдешь домой.

- Нет. Так нечестно, - решительно отказалась девочка-плотвичка. - Я слово дала и должна вернуться в речку.

- Похвально, похвально, - прошамкала Жаба, - но у норы караулит эта... разбойница.

- Может, обману её.

- Едва ли, едва ли, - усомнилась Жаба.

Сестричка-плотвичка выглянула из-под кочки и убедилась, что щука стерегла её зорко. «Что же делать?» - думала плотвичка.

В это время невдалеке проплывал ерш. Захотелось ему наказать злую хищницу, тем более что она не спускала глаз с кочки и не глядела по сторонам. Ерш осторожно поднырнул под щуку и вогнал свои шипы между грудными плавникам хищницы. Щука отскочила от кочки и завертелась на месте, отыскивая обидчика. Сестричка-плотвичка воспользовалась моментом, стрелой вылетела из-под кочки и устремилась к сети. На миг оглянувшись, она отметила, что щука с огромной скоростью

мчалась следом. Еще мгновение, и щучьи зубы перекусят слабую рыбку!.. Через нитяное окошечко сети плотвичка проскочила, не задев его ни чешуйкой, ни плавничком. Щука влетела в сеть на большой скорости, так что сдвинула её и надёжно опутала себя капроновой ловушкой.

Дачник видел, как дернулась сеть, как затонули поплавки, и заспешил к лодке. Через несколько минут он вместе с сетью достал из воды огромную щуку и, довольный уловом, поплыл к берегу.

...Сестричку-плотвичку провожали домой пескари, ерши и караси. И высокомерные ельцы приплыли на провода плотвички-героини. Все благодарили её за то, что избавила она мирное население

Качи от коварного врага. Тетя-карасиха поднесла плотвичке на створке раковины, как на блюде, две ягодки черной смородины и ягодку малины. Где и как ей удалось раздобыть эти ягоды, неизвестно. Затем караси спели песню, которую сочинила тетя-карасиха.

Ростом невеличка
Девочка-плотвичка,
Милая, прелестная,
Смелая и честная.
Обитатели реки,
Молодежь и старики,
Ей спасибо говорят
Десять... двадцать раз подряд.

У тети-карасихи было десять детей и двадцать внучат, поэтому она знала только две цифры: десять и двадцать. Папа-пескарь на прощание обнял плотвичку. Он так волновался, что ничего не смог сказать. Мама-пескариха прослезилась и вдруг вымолвила:

- Прости меня,
доченька, что считала тебя
невоспитанной.

Возле знакомой
полянки, у самого
бережка, Сероглазка
брызнул на сестричку-
плотвичку водой, она
превратилась в девочку
Машу и вышла на берег...

Когда Маша
проснулась, она не могла
вспомнить, как оказалась в
постели. Девочка села и
увидела на тумбочке банку
с пескариком. Маша
соскочила с кровати,

заглянула в баночку и закричала:

- Mamочка, Сероглазка умирает!

В комнату вбежали перепуганные мама и папа. Маша плакала навзрыд и повторяла:

- Братик Сероглазка умирает...

- А где братик? - осторожно спросила мама.

- В баночке, - всхлипнула Маша. - Он почти не дышит и лежит на боку.

Не вдаваясь в детали, папа побежал на кухню и сменил в баночке воду. Пескарик начал плавать и быстро хлопать жабрами. Маша сразу повеселела и заторопила папу:

- Скорее отвезем его на Качу к маме-пескарихе и папе-пескарю. Это чуть дальше ершиного омута. Теперь в Каче нет ни Страшилы, ни щуки. Щуку я поймала сетью.

Мама вопросительно взглянула на папу, тот пожал плечами и начал собираться в дорогу. Пока одевала Машу, мама несколько раз прикладывала ладонь к её лбу.

- Mamочка, я не простудилась, - сказала Маша. - Вода в Каче теплая, и я была плотвичкой, а рыбки в воде не простуживаются.

Папа сразу отыскал полянку, где они с Машей вчера отдыхали. Маша зашла в воду и выпустила пескарика из банки. На этот раз пескарик ничего не сказал Маше, а быстро уплыл в яму, где между камней была пескаринья пещера.

*Посвящаю внучке Маше,
что родилась со мной в один день*

Содержание

Я – русский.....	4
Дрова.....	5
Бродит осень.....	6
Я по ночам теперь молюсь.....	7
Попрощаюсь поясным поклоном.....	8
Скоро полночь.....	9
В лесосеке.....	9
Зов весны.....	10
Жарки.....	11
Я верую в тебя, потомок.....	12
В память о Высоцком.....	13
Мокрица.....	14
В Таскино.....	14
Капельки росы.....	14
Ветерок.....	15
Поганка.....	15
На привале.....	16
Помнишь, вешнюю порою... ..	16
Я тебя не встретил.....	17
Ей... ..	18
Ты сегодня ушла к другому.....	19
Прости, любимая.....	19
Я о тебе не очень тосковал.....	20
Попутчице.....	20
Ложатся обильные росы... ..	22
Позови.....	22
Октябрьская ранняя стужа... ..	23
Сказание	23
Горит в ночи костёр.....	24
Последний полустанок.....	25
У ручья.....	26
Браконьер.....	27
О перестройке в крае.....	29
Свинья-поэт.....	30
За что, не знаю сам.....	32
Дуб и камыш.....	32

Ледоход на Енисее.....	33
Важный осёл.....	34
Петух-оратор.....	35
Козёл – противник алкоголя.....	36
Бессонница.....	37
На Кызыл-Куле.....	38
Весна.....	38
В поезде.....	39
Живое живёт.....	40
В тайге.....	42
Тюмень.....	42
Безногий дворник.....	43
Спор грибов.....	44
Концерт в Зелёном зале.....	45
Хорошо на речке летом.....	48
Походная палатка.....	50
В новогоднюю ночь.....	51
8 Марта.....	51
Предчувствие.....	52
Мосты сегодня сожжены.....	53
Дочерям.....	53
Н.П. Головиной.....	54
Больное сердце.....	54
Вьюга.....	55
А.А. и А.К. Шигильчевым (преподавателям Н. Солянской школы).....	55
Дождь и дождь... ..	56
Вологда.....	57
Покой – рутина.....	58
Ну что вам рассказать про Хабайдак... ..	59
Наталя.....	60
Бог состарился.....	60
На Селенге.....	61
Вождам.....	61
Внуку Головину Антошке.....	62
Половодье снегов.....	64
По орехи (шуточный рассказ про Лисунова и нас).....	65
В степи.....	68

И он повинен, и она.....	69
На могиле Аркадия.....	69
В парке.....	70
Кот и лиса (по мотивам русских народных сказок).....	70
Куточка Рѳба (сказка).....	78
Тараскин гол.....	81
Груздь.....	83
Именины воробья.....	83
Вышла девочка из сада.....	84
Лов зубатки.....	85
Рыбаки на Енисее.....	87
По Кашпировскому.....	87
Бессменно папиросы-трубы.....	88
Очнись, народ!.....	88
Е.Н. Пронину.....	90
Я за друзьями сегодня пью.....	91
Какая благодать!.. ..	92
Дорогой юбилярше.....	93
Союз ельца и лебедя (сказка-басня).....	95
Шутка (Семенькову А.Ф.).....	97
Из записной книжки	98
Шуточное пожелание Н.А. Сурина в день 60-летия.....	99
Заслуженному деятелю науки РФ академику Николаю Александровичу Сурина к 60-летию.....	100
Всё равно живу.....	100
Мне вчера приснилось лето.....	101
Армейские будни (воспоминания).....	101
Нам бы заблудиться... ..	102
Великий пример.....	103
Хор ветеранов.....	103
Старую сон не берёт.....	103
Рыба не клюёт.....	104
Свитер (Клаве).....	104
Голубая речка	105
Диабет.....	105
5 августа 1997 года.....	105
Земляника.....	106
Сентябрь-октябрь.....	106

У Тобола.....	107
Самый первый снежок.....	108
В палате 302.....	109
В день рождения (Филиппову В.Г.).....	109
Ничто не вечно.....	110
В Тюмень бы.....	110
Весна в Туруханске.....	111
Оконфузился рыбак.....	112
Я осень не люблю.....	112
Проходит лето.....	113
Было всё напрасно.....	114
На Хабайдаке (новым знакомым Тане и Вите).....	115
Пока больные спят.....	115
На Мане.....	116
Педагогов почитать.....	117
Не в самом удобном местечке в мире... ..	118
В день рождения юноше.....	118
Мир всем живущим.....	119
Плачет небо над Россией.....	119
Россия – родина моя.....	120
Мелькают за окном леса, луга, озёра.....	122
Весенние сны (жене Клавье).....	123
В шутку и всерьёз (Табакову Н.А. в день 50-летия).....	127
О только б не ожесточиться!.....	128
Не хватит ли!.....	129
Опомнитесь, россияне.....	130
Старики, калеки - ветераны.....	130
Приватизация.....	131
На пустыре.....	132
Тихим шагом лет двадцать прошло.....	133
Август.....	133
Рядом тесно.....	134
Всё повторяется.....	134
За железной дверью.....	135
Скоро полночь.....	135
Плачут берёзы.....	136
Редьки хрен не слаще.....	136
	137

Готов я потерять тебя.....	138
Опять зима.....	139
Таёжному староверу Бердюгину.....	140
Внучка Катя.....	141
Ну и перемены.....	141
Надо бить по роже.....	142
Вы видели, как реки замерзают?..	142
Собой не доволен.....	143
Простите, милые.....	144
Комментарий к некоторым радиопередачам.....	145
К Наде на пельмени... ..	145
Вере и Юле.....	146
Юле с Верой спать пора.....	146
В полдень пар струится от земли.....	147
Пускай позволит бог.....	147
В.Г. Филиппову в день рождения.....	149
Воробей.....	149
Свиристели.....	149
Заяц.....	149
Ворона.....	150
Голубь.....	150
Лиса.....	150
Глухарь.....	152
Внучка плачет.....	152
Медведь в неволе.....	153
Сказка о Яге, Водяном, Лесовике и Кощее (для взрослых)..	163
О Родине.....	163
5 июля.....	164
15 сентября 1990 года.....	165
Агроном.....	166
Беспросветная ночь.....	167
Ведется счет.....	167
Возвращение на Родину.....	168
Возвращение.....	169
Выпал снег.....	170
Где-то, что-то.....	170
Глухарь.....	170
Дорожка.....	171

Загорье.....	172
Их село снесли.....	172
Кача, Кача.....	173
Ко Дню Победы.....	173
Летом.....	174
Музыка.....	174
На «Карпаты» по клубнику.....	176
О рыбах и рыбешках Сибири.....	185
Опять зима.....	186
Речка.....	187
Среди волков.....	188
Танцы.....	188
Тоска и скука.....	189
В Тюмень заехал, на какого-то рожна.....	190
Утес Ермак (на реке Чусовой).....	191
Хирург (Будем жить!).....	191
Слез прорвавшихся не сдержать.....	191
Часовой.....	192
Что будет?.....	192
Чудак.....	193
Шашлыки.....	194
Я перед вами голову склоняю.....	194
Я требую.....	196
Девочка-плотвичка.....	

СТИХИ

Головин Владимир Андреевич

Рисунки выполнены автором

Составитель Г.Н.Антоник

Дизайн, макет, вёрстка Г.Н.Антоник

Корректор Т.М. Мاستрич

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 24.49.04.953.П. 000381.09.03 от
25.09.2003 г.

Подписано в печать 11.06.08. Формат 60х84/16. Бумага тип. № 1.

Офсетная печать. Объем 14,0 п.л. Тираж 50 экз. Заказ № 1587

Издательство Красноярского государственного аграрного университета
660017, Красноярск, ул. Ленина, 117